

СКОБЕЛЕВ

Б. Костин

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

ЖИЗНЬ®
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

ОСНОВАНА
В 1933 ГОДУ
М. ГОРЬКИМ

ВЫПУСК

775

Б. Костин

СКОБЕЛЕВ

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
2000

УБК 929 + 355.486-533.3(47+57)«18»(092)

ББК 63.3(2)51

К72

ISBN 5-235-02373-0

© Костин Б.А., 2000 г.

© Издательство АО «Молодая гвардия»,
художественное оформление, 2000 г.

«... НЕ БОЛЕЕ КАК СЫН РУССКОГО СОЛДАТА»

Петербург. 17 сентября 1843 года*. Часы собора Петра и Павла пробили полночь, отзвучал гимн, по булыжнику гулко прошагала смена караула. Крепость затихла, и только в доме коменданта во всех окнах горел свет и безмолвно суетилась прислуга. У дверей одной из комнат собралось почти все население комендантского дома. Вдруг тишину нарушил надрывный крик и через мгновение раздался младенческий плач. Двери открылись, и женщина, вытирая руки о белоснежный передник, с улыбкой произнесла: «С сыночком вас, Дмитрий Иванович, а вас, Иван Никитич, с внуком». Счастливые отец и дед новорожденного, не сдерживая эмоций, крепко обнялись. Рождение первенца у поручика лейб-гвардии Кавалергардского полка Дмитрия Ивановича Скобелева праздновали буйно, с песнопениями, пальбой. На семейном совете долго решали, какое имя дать малышу.

Православный календарь в сентябре изобилует упоминаниями святых с именем Михаил, канонизированных церковью. Среди них первый митрополит Киевский, князя Черниговский и Тверской, архистратиг Михаил, поборник справедливости и добра. Может быть, это обстоятельство и повлияло на выбор имени. Решение назвать мальчика Мишей закреплено записью, сделанной при крещении в церковной книге Петропавловского собора.

Комендант Петропавловской крепости генерал от инфантерии Иван Никитич Скобелев, повесив над люлькой шпагу с надписью «За храбрость», предопределил будущее внука. Малыш лежал тихо, запеленатый в атласное одеяло, в чепчике с ажурными кружевами. Изящная колыбель, убранная заботливыми материнскими руками, слегка покачивалась на шелковых полотнищах. Что вспомнилось в этот миг старому воину? Генерал от инфантерии не баловал близких рассказами о детстве и

---

* Все даты до 1917 года приводятся по старому стилю. Скобелев родился в день памяти святых мучениц Веры, Надежды, Любви и матери их Софии. — *Здесь и далее примечания автора.*

юности. Да и воспоминания носили безрадостный оттенок и лишь бередили душу. Ни в сытости, ни в праздности семья Скобелевых не жила, и главной заботой домочадцев была забота о хлебе насущном. Она, однако, не вытесняла из помыслов юноши мечты и надежды на будущее. Выбирать и творить его предстояло только самому. Возможно, Иван Скобелев разделил участь своих сверстников, если бы не боевое прошлое отца. В доме часто звучала песня:

*Гром победы, раздавайся!
Веселись, храбрый Росс!*

Отставной сержант Никита Скобелев не единожды слышал победное ликование русских воинов и сохранил в памяти множество эпизодов из батальи. Рассказчиком он слыл отменным. И не потому ли в долгие зимние вечера в его избе, где светила лампадка в красном углу, потрескивала лучина, за большим суковатым столом собирались деревенские ребята и, тесно прижавшись друг к другу, пошмыгивая носами, с нетерпением ожидали очередного повествования о славном времени, о походах и сражениях, о начальниках, с которыми приходилось делить ратные труды?

Странно, но даже в третьем томе «Русской родословной книги», куда занесен род Скобелевых (издание 1878 г.), отец Ивана Никитича упоминается без отчества. Исследователи генеалогических корней distinguished российских семей в прошлом веке натолкнулись на преграду, которую создал не кто иной, как сам Иван Никитич, неоднократно заявляя, что родословная Скобелевых начинается с него*.

Скрывать что-либо, по сути, не имело смысла. Количество однодворцев в России ежегодно пополнялось служилыми людьми, вышедшими в отставку. Небольшой надел земли и средства на обзаведение хозяйством давали возможность обустроиться в новой жизни. Личная свобода предполагала и свободу выбора супруги. Никита Скобелев связал судьбу с дочерью помещика Корева, жившего по соседству. В приданое за Татьяной Михайловной отставной сержант получил небольшую деревеньку Чернышино в Калужской губернии. Век главы семейства Никиты оказался недолгим, и он обрел вечный покой на погосте собственной вотчины. А вот Татьяна Михайловна дожила до глубокой старости. Умерла она в

---

* Английский журналист Марлей в одной из своих статей, вышедших в Лондоне в 1882 году, сообщил, что род Скобелевых якобы ведет свое начало от шотландских эмигрантов, имевших фамилию Скобей. Эти сведения журналист почерпнул у русского посланника в Бухаресте барона Стюарта.

1828 году, когда Ивану Никитичу исполнилось сорок шесть лет.

Иван был младшим сыном, и потому материнская любовь и нежность безраздельно принадлежали ему. Дорогой ее сердцу сыночек, шутливо называемый «поскребышем», был и ершист, и непоседлив, и охоч до новин. Матушка шаг за шагом открывала перед Иваном чудесный мир книги. И не беда, что книг-то было всего две — Библия да молитвенник, они поучали добросердечию, заложили в характер Ивана Скобелева христианское долготерпение. Матушкины труды, как мы убедимся далее, даром не пропали. Научив Ивана распевным молитвам, чтению и письму, она, дочь боевого офицера и жена солдата, сумела внушить сыну сызмальства и понятие о святости царской службы.

Царь. Вера. Отечество. В те далекие времена эти слова звучали совестливым наказом любому россиянину, и величина расстояния от столицы до глубинки Российской империи, где проживали Скобелевы, вовсе не преуменьшала их значения. Ивану Скобелеву с юных лет были чужды праздность и благодушие, а слово «долг» прочно обосновалось в лексиконе простолюдина, ставшего впоследствии российской знаменитостью. А началось его восхождение к генеральским эполетам и аксельбантам с прошения о зачислении «в воинскую службу на казенный кошт», с котомки со ржаным караваем, с посоха и лаптей, которые отмерили долгий путь от села Новиковки Самарской губернии до Оренбургской укрепленной линии.

Вольноопределяющийся Первого Оренбургского пехотного полка Иван Скобелев пролил немало соленого пота, прежде чем заслужил скупую похвалу бывалых воинов. Заметило рвение юноши и начальство, в глазах которого Иван Скобелев был молодцом «твердым в правилах службы». Добиться признания у однополчан во многом помог и характер Ивана. Обладая незаурядным даром песенника, лихой танцор и балагур, он вносил особую живинку в суровое солдатское бытие. И даже тогда, когда Иван Скобелев чувствовал себя обойденным по службе, он не роптал и не предавался унынию. «За Богом молитва, за царем служба никогда не пропадет», — рассуждал Иван Скобелев, не имевший всемогущих родственных связей, и сам торил себе дорогу к признанию. Увы, все свершалось чересчур медленно. В 1795 году — он сержант. И лишь только в 1804 году Скобелев получил производство в первый офицерский чин. 1806 год был отмечен новым повышением — Иван Скобелев стал подпоручиком и был назначен полковым адъютантом 26-го егерского полка, которым командовал И. М. Эриксон. Именно с этим полком, выступившим в 1807 году в Пруссию, связано боевое

крещение Ивана Скобелева. В реляции об успешном сражении под Петерсвальде имя Скобелева упоминалось несколько раз, а наградой стал орден св. Анны IV степени*.

В феврале 1808 года русские войска перешли границу Финляндии. В любой войне стратегия и тактика определяют характер и способы боевых действий, но в этой войне вовсе не они являлись главенствующими. Неимоверная стужа, мрачные скалы, непролазные болота, свирепые ураганы проверяли на прочность боевую выучку и стойкость русского солдата. В соперничестве с противником и стихией он выстоял и победил. На заснеженных полях Скандинавии утверждались военные дарования П. И. Багратиона, Я. П. Кульнева, Н. Н. Раевского, М. Б. Барклая-де-Толли — военачальников, которые не обошли вниманием заслуг Ивана Скобелева. Из двадцати сражений, в которых он принимал участие, наиболее памятным был переход по льду Ботнического залива и взятие Аландских островов. Награды: золотая шпага с надписью «За храбрость» и орден св. Владимира IV степени**.

Бой при кирхе Куортане стал последним для Ивана Скобелева в Шведской кампании — неприятельское ядро оторвало два пальца правой руки и сильно контузило в грудь. Генерал Раевский поручил лечение Скобелева домашнему доктору, а когда герой пошел на поправку, предложил должность старшего дивизионного адъютанта — на Дунае возобновилась затяжная война с Турцией. После штурмов турецких крепостей Шумлы и Силистрии Иван Никитич вынужден был подать в отставку «за ранами и увечьем, с мундиром и жалованьем». Орден св. Анны III степени Иван Никитич получил, находясь на излечении в столице. Император Александр I, подписавший рескрипт о награждении, к монаршей благодарности присовокупил солидное денежное вознаграждение и лично подыскал боевому офицеру место пристава в Московском округе Санкт-Петербурга. Возможно, что с этим назначением навсегда завершилась бы военная карьера Ивана Скобелева, если бы не наступил 1812

---

* Орден св. Анны учрежден в 1735 году герцогом Карлом Фридрихом Гольштейн-Готторпским, отцом будущего российского императора Петра III, в память своей жены Анны Петровны. Для орденского девиза он заимствовал первоначальные буквы имени своей супруги «А, J, P, F», т. е. «Анна, Императора Петра Дщерь». Девиз ордена: «Любящим правду, благочестие, верность». До 1797 года считался орденом иностранным. В капитул российских орденов включен Павлом I.

** Орден св. равноапостольного князя Владимира четырех степеней учрежден 22 сентября 1782 года. Девиз ордена: «Полюза, Честь и Слава». Первая и вторая степени имели звезду и крест, третья и четвертая — только крест черно-красной эмали с изображением горностаевой мантии с вензелями СВ. Ордена для военных имели банты.

год. Нехлопотная полицейская служба сразу стала постылой и тягостной. Знакомые незлобиво подшучивали над Иваном Никитичем: дескать, тот стал камер-пажом у князя А. И. Горчакова, который по отсутствию Барклая-де-Толли управлял военным министерством. Скобелев сутками пребывал в приемной и добился-таки своего. Михаилу Илларионовичу Кутузову, назначенному на должность главнокомандующего русской армии, требовался ординарец, и Скобелев стал сущей находкой для генерала от инфантерии.

Бородино, Тарутино, Малый Ярославец — названия мест, достопамятных для русской военной истории. Иван Никитич впоследствии не без гордости говорил о своем участии в славных сражениях Отечественной войны 1812 года. Когда русская армия вышла на берега Немана, откуда началось и печально закончилось наполеоновское нашествие, главнокомандующий недосчитался многих ординарцев. Скобелеву повезло. Из кровопролитных батальи он вышел цел и невредим, имея репутацию храброго и распорядительного офицера. Чин полковника и очередной орден св. Анны II степени стали признанием его заслуг.

В ходе кампании в штабе русской армии сложилось необычное трио. Главнокомандующий, Михаил Илларионович Кутузов, отлично знавший солдата и ценивший его ратный труд; Скобелев, дока по части меткого словца и излюбленных прибауток из солдатского лексикона, и московский ополченец Василий Жуковский, наделенный незаурядным поэтическим даром. Не оттого ли реляции подкупали простотой и правдивостью, а бюллетени находили горячий отклик у соратников, что составлялись они людьми, для которых слово «Отечество» не было пустым звуком?

События героические и незабвенные нашли отражение и в проникновенных поэтических строфах. «Певец во стане русских воинов» восклицал:

*Сей кубок ратным и вождям!
В шатрах, на поле чести,
И жизнь и смерть — все пополам,
Там дружество без лести...*

Среди множества услуг, оказанных Отечеству полковником Скобелевым, современники выделяли две. Ведь именно ему было суждено доставить в Санкт-Петербург останки спасителя России — М. И. Кутузова, князя Смоленского, скончавшегося в Бунцлау. Именно он, командуя Рязанским пехотным полком, поставил победную точку 18 марта 1814 года на высотах Монмартра в Париже, и именно в исполнении оркестра Рязанского полка, шефом которого Иван Никитич оставался до конца сво-

их земных дней, прозвучал гимн российскому воинству «Гром победы, раздавайся!» Орденами св. Георгия IV степени*, св. Владимира III степени, прусским «Pour le merite» отмечены заслуги Скобелева в освободительном походе.

До 1831 года Иван Никитич, по его собственным словам, «исполнял обязанности и по высочайшим повелениям был употребляем по разным поручениям». К тому времени он имел чин генерал-лейтенанта, несколько лет командовал дивизией и на одном из смотров, который проводил Николай I, заслужил монаршую похвалу. Фанатичную преданность службе доказывают строки из письма императору: «Мне стыдно умереть под кровлей, ретивое сердце мое должно умереть на полях славы за Вас, в пример и науку преемникам, иначе чаша счастья не будет полна».

Письмо, написанное в разгар польского восстания, не осталось без ответа. Генерал получил под свое командование бригаду. Примечателен один из боевых эпизодов сражения, которое произошло под Минском. Едва генерал приготовился крикнуть: «В штыки!» — как неприятельское ядро раздробило ему левую руку. Пришлось ее ампутировать. Причем во время операции Иван Никитич сидел на барабане и диктовал последний приказ. В нем имелись и такие слова: «Для меча и штыка к защите прав батюшки белого царя и славы святого нам Отечества... и трех по милости оставшихся у меня пальцев с избытком достаточно...»

«Русским инвалидом» стал называть себя генерал, этим же псевдонимом подписывал свои рассказы, повести и пьесы. Свои литературные труды Иван Никитич оценивал весьма скромно. «Примусь писать историю собственной жизни, с полной откровенностью обрисую сцены со всеми окрестностями и, оградясь законной десятилетней древностью, черкну смело за целые полвека о себе и о товарищах, хорошее и дурное. Положим, что мой труд не принесет пользу человечеству, по крайности я оставляю по себе в наследство горящую истину о предметах, коротко и близко мне известных». В литературной жизни России тридцатых — сороковых годов девятнадцатого века появление произведений «Русского инвалида» стало подлинным событием.

Не блеск и изящество фразы влекли читателей и любителей

---

* Орден св. Великомученика и Победоносца Георгия четырех степеней учрежден Екатериной II 26 ноября 1769 года. Девиз ордена: «За службу и храбрость». Первая и вторая степени имели большой крест и золотую ромбовидную звезду. Третья и четвертая степени имели только белый эмалевый крест с московским гербом. На ленте ордена чередовались черные и желто-оранжевые полосы.

театра сочинения Ивана Никитича Скобелева, а живой народный язык, искренность и правдивость. Вот как, например, откликнулся на первую книгу «Русского инвалида» известный поэт И. Н. Веревкин:

*Я прочитал твои рассказы
О Бонапарте, о войне.
И живы давние проказы,
И буйно кровь кипит во мне!
Твой слог могуч, огнист и ярок,
Как схватка коршуна с орлом:
И днесь тебе за твой подарок
Бьет войско русское челом.*

Оставшимися тремя пальцами были написаны пьесы «Кременев — русский солдат» и «Сцены в Москве в 1812 году». Первая — в сезон 1839-1840 гг. выдержала на сцене Александринского театра тринадцать представлений, второй спектакль имел меньший успех, но и он не оставлял зрителей равнодушными.

В 1839 году Иван Никитич, пользовавшийся неизменным расположением императора Николая Павловича, получил предложение занять должность коменданта Санкт-Петербургской крепости. Исправный служака не посмел отказаться от столь почетного поста. Добрейший комендант (по Н. С. Лескову) успешно сочетал государеву службу с обширной литературной деятельностью и оставил весьма заметный след в литературной жизни Санкт-Петербурга.

В комендантском доме, за столом у гостеприимного хозяина, собирался цвет литературной столицы России. С. Н. Глинка, Н. В. Кукольник, К. А. Полевой, А. В. Никитенко, Ф. В. Булгарин, Н. И. Греч за хлебосольными обедами обсуждали новые произведения, читали стихи и отрывки из пьес, оживленно спорили об их достоинствах и недостатках. В записках И. С. Тургенева читаем: «Скобелев — памятная фигура, с отрубленными пальцами, смышленным, помятым, морщинистым, прямо солдатским лицом и солдатскими же совсем наивными ухватками».

Последние годы жизни «втиснувшийся в литераторы» генерал от инфантерии провел сибаритствуя, воспитывая внука. Скончался Иван Никитич 19 февраля 1849 года. Как отмечалось в печати, «старика Скобелеву были устроены похороны, достойные фельдмаршала».

Мнения современников об Иване Никитиче и его литературном даровании разделились. Но все сходились в одном и бесспорно признавали, что генерал, служа верой и правдой царю и Отечеству, был необычайно заботлив о солдате, почитал российского воина «как имя знаменитое, существо, достойное

уважения и любви». В известной истории 1821 года в лейб-гвардии Семеновском полку генерал осмелился защищать «бунтовщиков». Продолжительная опала стала результатом его высказывания, что «полиция собственно армии не надобна». Так он оберегал честь и достоинство солдата, что и завещал сыну Дмитрию.

Иван Никитич был женат дважды. Первый брак оказался неудачным и бездетным. От второго брака с Надеждой Дмитриевной, в девичестве Дуровой, генерал имел девять детей, из которых только дочь Вера Ивановна* и сын Дмитрий Иванович достигли зрелого возраста.

Дмитрий Иванович вступил в жизнь, имея потомственное дворянство, полученное отцом за ратные подвиги, и вовсе не ощущал недостатка в средствах. Одного лишь упоминания имени генерала от инфантерии, который пользовался неизменным расположением Николая I, оказалось достаточно, чтобы перед Скобелевым-младшим распахнулись двери привилегированного кадетского корпуса. Дмитрий Иванович от природы был крепок, статен, обладал практичным умом и довольно легко освоил азы военной науки. Удача, казалось, сама шла ему в руки — после выпуска молодой офицер был зачислен в свиту императора. Это ли не стремительное начало военной карьеры!

Иван Никитич наставлял «не употребившего собственного труда» сына: «Однако не нужно гордости соблазна, могущего тебя учинить индийским петухом, советую тебе не забывать, что ты не более как сын русского солдата». И слова эти нашли отклик. Рассказы отца влекли к жизни деятельной, боевой, и Дмитрий Иванович вскоре без сожаления расстался с беззаботной жизнью свитского. Лишь только прозвучали первые выстрелы на Кавказе, объявив начало очередной кампании против Турции, Дмитрий Иванович отправился на юг. В аттестациях на ротмистра Скобелева, составленных после войны, перечислены многие сражения, где молодой офицер превзошел отвагою бывалых воинов. Солдаты полюбили его за неизменную заботу. Начальство же ценило за удаль, распорядительность и бережливость на солдатскую кровь. Крымскую войну 1853—1856 годов Дмитрий Иванович закончил, имея ордена св. Георгия IV степени, Анны II степени и Владимира III степени, а рядом с отцовской шпагой с надписью «За храбрость» появилась еще одна.

---

* Вера Ивановна Скобелева вышла замуж за флигель-адъютанта полковника Константина Федоровича Опочинина, сына младшей дочери фельдмаршала, князя М. И. Голенищева-Кутузова — Марьи Михайловны.

В личной жизни Дмитрию Ивановичу, несомненно, повезло. Женился он по любви на дочери Николая Петровича Полтавцева — Ольге Николаевне. Другую дочь, Марию Николаевну, преуспевающий московский помещик выдал за графа Александра Владимировича Адлерберга*. Свойки, Скобелев и Адлерберг, дорожили семейственностью и по мере сил оказывали взаимные услуги, укреплявшие родство. Ольга Николаевна внесла в дом Скобелевых душевное обаяние, мягкость и доброту характера, умение сглаживать семейные конфликты, заботу и внимание к Ивану Никитичу, страдавшему от ран и иногда подолгу не покидавшему постель в петербургскую непогодицу.

Выпускница Смольного института, воспитанная в лучших традициях женской добродетели, она слыла в столичных кругах женщиной высокообразованной, свободной во взглядах и суждениях. Кроме сына Михаила Ольга Николаевна родила Дмитрию Ивановичу трех дочерей: Надежду, Ольгу, Зинаиду. Все чаяния о продолжении рода Скобелевых Дмитрий Иванович связывал с сыном. Имея характер суровый и крутой, проповедуя аскетизм, он принял решение воспитать Михаила настоящим мужчиной.

Хотелось бы заметить, что мы лишены возможности подробно осветить детство и юность Михаила Дмитриевича Скобелева и тем самым дать полную картину становления его как личности. Сам Скобелев, с неохотой вспоминая о детских годах, не позаботился хотя бы штрихами обозначить наиболее запомнившиеся моменты. Обилие литературы о Скобелеве — обманчиво. Портрет нашего героя, мотивацию поступков зачастую приходится попросту домысливать. В круговерти драматических событий (революция, гражданская война) семейный архив Скобелевых, не единожды менявший владельцев, оказался вне пределов России, и все попытки заполучить и изучить его закончились безрезультатно. Увы, гробовое молчание хранят и государственные архивы. Из них неведомая рука с особой тщательностью и скрупулезностью отобрала и изъяла бесценные документы. Бесследно исчезли послужные списки Скобелева, подлинники приказов, решения Государственного совета, медицинский акт о вскрытии и многое другое, что могло бы пролить свет на загадочную смерть генерала от инфантерии.

И все же попытаемся по крупицам восстановить обстановку, в которой жил и воспитывался наш герой. Пока был жив

---

* Граф А. В. Адлерберг (1818—1888) — министр императорского двора и уделов, канцлер российских и императорских орденов, ближайший сподвижник императора Александра II.

дед, воспитанием Миши занимались он сам и друг семьи Скобелевых, ключарь Петропавловского собора Григорий Добровольский, личность не менее примечательная, чем Иван Никитич. Огромный лоб, окладистая борода, могучий рост и сильный, заставлявший колебаться пламя свечей, голос. С его появлением дом наполнялся шумом, шутками. Маленький Миша с большим нетерпением ждал, когда дед и его друг усядутся в кресла и начнут рассказывать забавные истории, а потом, к великой радости, на его глазах разыграют спектакль, в котором непременно участником становился и он сам. Можно представить, что это были за спектакли. Дядька Григорий, водрузив на крестника спину, с могучим «ржанием» скакал по большому дому, не жалея коленей. Дед, обладавший незаурядным даром перевоплощения, удачно изображал то турецкого пашу, из-под чалмы которого выглядывали испуганно бегавшие глазки, то коменданта Парижа, сдающего ключи от французской столицы. Завершая «сражение», неразлучная троица дружно распевала:

*Взвейтесь, соколы, орлами!
Полно горе горевать.
То ли дело под шатрами
В поле лагерем стоять.*

Разве в юной душе не запечатлелись эти импровизированные баталии? Разве детское сердечко не билось учащенно, внимая рассказам о пути, пройденном Россией? Разве уроки доброты и справедливости, полученные Михаилом в детстве, прошли бесследно? Конечно, нет! Добавим, что Скобелевы презирали барство, не чурались домашнего труда, были доступны и открыты для тех, кто обеспечивал им благополучие и комфорт. Уважение к простому человеку Михаил, можно сказать, впитал с молоком матери.

Иван Никитич умер, когда Михаилу исполнилось шесть лет, а с ним навсегда ушло радостное беззаботное время. Мальчик горько переживал его смерть и тосковал возле свежей могилы у ограды Петропавловского собора, где по традиции хоронили комендантов крепости.

Оправившись от переживаний и покинув обжитой дом, Дмитрий Иванович поспешил заполнить педагогический вакуум, образовавшийся вокруг сына, и остановил свой выбор на немце гувернере, которого присоветовал ему сослуживец. Доводами к такому шагу послужили прежде всего известная педантичность и внутренняя дисциплина, присущие немецкой нации. Вдобавок немец, имя которого так и осталось неизвестным, на собственной шкуре познал несложную прусскую армейскую педагогику, в которой подзатыльники и розги были

надежными средствами воспитания в духе неукоснительного повиновения.

Как же складывались отношения воспитателя и воспитанника? Немец жаловался отцу и матери на короткую память Михаила и «удлинял» ее своим, изуверским способом. Удары розог, вызывавшие молчаливые слезы, то и дело слышались из комнаты, где производилось учение. Мать безуспешно пыталась воздействовать на Дмитрия Ивановича, в общем-то считавшегося с мнением жены, чтобы оградить сына от жестокостей гувернера. Но он оставался непреклонным и прекращал разговор о воспитании сына одной фразой: «По мне, лишь бы дело шло». И оно продвигалось, как ни странно.

Михаил основательно овладел немецким и французским языками, неплохо музицировал, приобрел навыки светского общения. Наконец-то и пребыванию изверга-гувернера в доме Скобелевых был положен конец. Михаилу в ту пору исполнилось двенадцать лет. По обыкновению семья с прислугой выезжала на лето в Спасское, родовое имение Скобелевых на Рязанщине. Скобелевы жили с соседями дружно, наезжали к ним с визитами и устраивали у себя хлебосольные приемы на православные праздники. На одном из них Михаилу приглянулась соседская девочка. Как правило, мальчишки в этом возрасте почти все безнадежно влюблены и полны рыцарских побуждений. И когда в присутствии избранницы оскорбляют, ну, например, награждают обычным тумакom, то разве это в состоянии выдержать юная душа? Конечно, нет! На тумак последовал ответ: звонкая оплеуха. Немец опешил. Михаил без обиняков дал понять, что многолетние потуги слепить из него натуру безвольную потерпели провал.

Звук пощечины дошел и до скупого на чувства Дмитрия Ивановича. Гувернер получил расчет, а отцу пришлось немало передумать, прежде чем окончательно решить судьбу сына. Полковник гвардии рассуждал так. Ни ликом, ни телом, ни норовом мальчуган для военного поприща не подходит. Не в меру щупл. Много читает, памятлив. Обидчив, словно девица красная. Скрытен. А при определенных обстоятельствах прям до непотребности, дорожит прописными истинами. В людях более всех качеств ценит доброту, готов сразу на нее откликнуться или, напротив, затаиться в себе, если поймет, что это обман. И Дмитрий Иванович умозаключил, что военная карьера для его сына — несбыточная мечта. «А жаль!» — вздыхал он, вспоминая завещание Ивана Никитича. Пришлось прибегнуть к совету родни. Сородичи проявили завидное единодушие — Михаил должен посвятить себя служению науке. Но вот какой? Время покажет! И тут на помощь пришел случай. На одном из

великосветских приемов Дмитрию Ивановичу был представлен владелец парижского пансиона Дезидерий Жирарде, отзывы о котором были весьма похвальные.

Жирарде, всем сердцем привязавшись к России, использовал любую возможность, чтобы побывать в Петербурге и Москве. И, может быть, обаяние этого человека, умение с достоинством вести себя в обществе и блестящее знание русского языка во многом повлияли на решение Дмитрия Ивановича доверить ему воспитание и образование сына. Так Михаил оказался в Париже.

За семью печатями осталась сокрытой программа обучения, которую наверняка имел пансион, неизвестны нам имена сверстников, рядом с которыми провел пять лет юный Скобелев. Несомненно одно — Жирарде выделял его из общей массы учеников. По словам Жирарде, в Михаиле он нашел «душу возвышенную, искреннюю, полную жажды знаний».

Скобелев поражал современников глубиной познаний. Он без труда говорил на восьми европейских языках и мог читать наизусть большие отрывки из произведений Бальзака, Шеридана, Герберта Спенсера, Геймли, среди русских писателей он особо ценил прозу и поэзию Лермонтова, социально звучащие стихи А. С. Хомякова, И. В. Киреевского. У Скобелева были музыкальные способности, он недурно играл на фортепьяно и обладал красивым баритоном. В течение пяти лет учебы в пансионе Жирарде исподволь, но неизменно направлял ум юноши на познание мира и человеческих взаимоотношений. Между учеником и учителем возникла и крепла день ото дня незримая духовная связь, которая выдержала испытание временем.

Годы спустя Ольга Николаевна Скобелева, не единожды навещавшая сына в Париже, оценивая педагогические усилия Жирарде, говорила: «...нашему старому другу мы обязаны, что Миша стал сдерживать свою пылкую натуру... m-г Жирарде... развил в нем честные инстинкты и вывел его на дорогу». Сам же Жирарде о юном Скобелеве отзывался так: «Михаил Дмитриевич в детстве был очень умный, бойкий мальчик, очень самостоятельный, любознательный и любил выводить свои решения». Любовь к воспитаннику не ослепляла разум, и где-то в душе зрело беспокойство за будущее Михаила Скобелева. Добродушный Жирарде повторял: «Он плохо кончит, говорю вам, что плохо кончит, потому что он сумасшедший, этот юноша!» Конечно, речь идет вовсе не об искалеченной психике, а об особенностях характера, уже в ранние годы проявившихся у Скобелева. Он, по свидетельству Ж. Адам, «возмущался, еще с детства, против общепринятых правил». Попытка экспрессивной француженки представить Скобелева бунтарем не имеет

оснований. Но то, что в его натуре уже в юном возрасте вызревал протест против схоластики, казенщины, оторванности знаний от реальной действительности, сомнению не подлежит. Утвердительно можно сказать, что из всех предметов обучения Скобелев с особым старанием и дотошностью штудировал историю. Истину, высказанную еще Цицероном: «Не знать, что было до того, как ты родился, значит навсегда остаться ребенком», Скобелев отстаивал горячо и настойчиво на протяжении всей жизни.

Тонкий психолог Жирарде, прекрасно осведомленный об атмосфере, царившей в семье Скобелевых, где понятия «долг» и «честь» были главенствующими, с особым тактом воспитывал в юноше чувство ответственности за судьбу Отечества. Поразительно, но именно француз больше всех преуспел в гражданском воспитании будущей славы России. Жирарде настолько привязался к своему питомцу, что по истечении срока обучения Михаила в пансионе без раздумий сдал дела и выехал вместе с ним в Петербург. Разросшаяся к тому времени семья воспитанника приняла Жирарде с истинно скобелевским радушием и гостеприимством. На предложение Ольги Николаевны стать домашним учителем Жирарде не посмел ответить отказом.

Какой оказалась встреча Скобелева с родиной? Ведь он покинул ее мальчиком, а возвратился юношей. Изысканное воспитание и великолепное образование, да и сам Париж, законодатель мод и нравов, вполне могли сотворить натуру инфантильную и беззаботную. Чего греха таить, на многих сверстников Михаила столица Франции действовала завораживающе. На Россию они взирали, словно в кривое зеркало. Европеизированные юноши из общества, чувственно чмокавшие губами при воспоминании о времени, проведенном вне России, сыпали французскими и немецкими фразами и пренебрежительно фыркали при одном только упоминании мест, откуда вышли родом. Таким ли был Скобелев? Без сомнения, нет.

Однако было бы наивно представлять юного Скобелева эдаким сухарем, который равнодушно воспринимал жизнь на Западе. Да, он впитывал знания словно губка, восхищался открытостью иностранцев, но и подмечал их надменность, видел и пороки бытия. Вероятно, уже тогда в Скобелеве зародилось умение сравнивать и сопоставлять российскую действительность с той, с которой он сталкивался в течение пяти лет.

Казалось бы, такое сравнение складывалось не в пользу российских реалий. Но нет! Воспоминания о Скобелеве свидетельствуют, что он был не лишен сентиментальности, и как только хандра одолевала его, спешил в милое его сердцу Спасское. Будучи за границей, он грезил о роскошных кудрявых липах, де-

вичьим хороводом окружавших имение, о величественном, то задумчивом, то разлиivistом звоне колоколов, о волшебном запахе ладана, в который, казалось, погружался этот дивный российский уголок в престольные праздники. Предполагал ли он тогда, что до боли знакомая пыльная рязанская дорога приведет его в Спасское к вечному пристанищу? О набожности Скобелева неизвестно ничего. Святые для любого православного христианина слова «Господь Бог, Иисус Христос, Святой Дух» он старательно обходил как в речи, так и на письме. Но считать Скобелева откровенным безбожником было бы заблуждением. Судя по его разрозненным высказываниям, он основательно знал Библию, находил многое поучительное в Священном Писании и извлек собственное понимание христианства. Многовековые каноны Скобелев трактовал по-своему, возведя в главенствующий постулат всеобщее славянское благоденствие, жертвенность в осуществлении высоких идеалов, сознательный труд и терпение.

Итак, Скобелев сумел сохранить привязанность к родной земле и потому изрядно волновался в ожидании протяжного гудка паровоза, известившего о скором свидании с Петербургом...

В 1861 году ему предстояло держать экзамены в Петербургский университет. Факультет он выбрал математический. Ровно год продолжались подготовительные занятия, ходом которых руководил профессор Л. Н. Модзалевский. В одном из писем читаем: «Сам я сдал с рук двоих учеников и с большим успехом, свидетелями которого были некоторые профессора и попечитель. Экзамен домашний производился у Скобелева с Адлербергом, в квартире молодого Адлерберга, сына министра (двора. — Б. К.). Успехами моего ученика остались довольны; на будущий год он будет держать экзамен в университет».

А. Ф. Кони, один из абитуриентов университета того же года, много позже так описывал Скобелева: «...вышел ко мне навстречу молодой стройный человек высокого роста с едва пробившейся пушистой бородкой, холодными глазами стального цвета и коротко стриженной головой. На нем, по моде того времени, были широчайшие серые брюки, длинный белый жилет и черный однобортный сюртук, а на шее, тоже по моде того времени, был повязан узенький черный галстук с вышитыми на концах цветочками. Манеры его были изысканно вежливы и обличали хорошее воспитание...» Они встретятся во второй раз через двадцать лет — известный юрист и генерал-адъютант.

Но учеба в университете оказалась непродолжительной. Шел год провозглашения отмены крепостного права, год, всколыхнувший Россию студенческими волнениями. Нововведения

значительно ослабили тугую удавку произвола и насилия, царивших в стенах учебных заведений России. Но дух консерватизма, когда научные познания отступали перед благонадежностью, в одночасье выветриться не мог, и студенты вышли на улицу с протестом. Студенческая среда была неоднородна, и одних митинговые страсти захватили целиком и полностью; другие с осуждением взирали на своих товарищей, с юношеской горячностью бросившихся в омут политической борьбы; третьи попросту ожидали, чем закончится противостояние с властями. Увы, закончилось оно печально для всех. Университет был закрыт. Возле дверей *alma mater* многих поколений русских студентов, поблескивавшей окнами пустынных аудиторий, появились жандармы.

Какие мысли и чувства владели Скобелевым в этот бурный период? Ведь на его глазах бушевали доселе невиданные им политические страсти, а лексикон студентов изобиловал словами «революция», «народное сознание», «реформы». Со студенческих скамей бесследно исчезали откровенные говоруны, а синяки и шрамы на лицах являлись вескими аргументами неблагонадежности. Можно предположить, что происходящее воспринималось Скобелевым с неподдельным интересом, но не более. Слишком большая пропасть отделяла сына начальника конвоя его императорского величества, «любимого при дворе человека», от небогатого в основной массе университетского студенчества.

В решении правительства о закрытии университета говорилось как о мере временной. Но ведь недаром говорится в народе, что нет ничего более постоянного, чем введение временных законоуложений. Скобелеву предстояло разрешить жизненно важный вопрос: что делать дальше? Кем быть? Где применить свои знания? Категоричный ответ отца: «На службе» Скобелев-младший расценил вовсе не как приказ. За год, проведенный в Петербурге, прочные семейные традиции стали брать верх. Чувствуя в себе призвание и любовь к военному делу, Михаил с завистью смотрел на сверстников, носивших офицерские эполеты. Дмитрий Иванович, сетовавший несколько лет назад на немужской вид сына, был приятно поражен переменами в его облике. «Вылитый кавалергард», — подумалось тогда ему. Скобелев-младший будто прочитал мысли отца и бисерным почерком написал прошение императору о зачислении его юнкером в лейб-гвардии Кавалергардский полк, тот, в котором некогда начинал службу Дмитрий Иванович. После непродолжительного хождения по инстанциям на прошении появилась размашистая императорская резолюция: «Удовлетворить».

ПРИЗВАНИЕ — СЛУЖБА

Кавалергардский полк во все времена считали самым аристократичным полком в русской кавалерии. Офицеры недаром шутили: дескать, голубая кровь течет не только в нас, но и в лошадях. Царственные особы шли первыми в списках полка. Во времена службы Скобелева возглавлял этот список Александр II. Представители знатнейших российских фамилий, бароны, графы, князья, вели под уздцы на выезде в манеже арабских, ахалтекинских, донских скакунов, стоимвших на аукционах баснословные суммы. Но кроме внешнего блеска полк имел славную боевую историю, традиции. «Настоящий кавалергард должен быть без страха и упрека» — таков был девиз полка.

Первое боевое испытание полк держал в 1805 году при Аустерлице и в проигранной битве заслужил похвалу Наполеона: «...*Regiment a fite noblement son devoir*»*. В Тильзите кавалергарды входили в состав императорского конвоя и лицезрели того, кто так лестно отозвался о них. Под Витебском, Смоленском и при Бородино они яростно рубились в самых жарких точках сражений. Грозное звучание полковых труб и литавр сопровождало бегство неприятеля из России. В полку долго ходили рассказы о вступлении конной гвардии в Париж, а в знаменном зале стояли георгиевские штандарты с надписями: «за Лейпциг и Кульм» — как постоянное напоминание о славном боевом пути.

Кавалергарды имели репутацию задир, слыли почитателями Бахуса, были кумирами светских красавиц и немало досаждали столичному градоначальству буйными проделками. Но в стенах казарм шла жизнь иная — деятельная, боевая, соперничество в удали, в джигитовке, во владении оружием. Гвардейцы дорожили узами войскового товарищества, неизменной была и готовность к ратным подвигам.

22 ноября** 1861 года Скобелев предстал вместе с такими же, как и он, юными воинами перед командиром полка генерал-майором князем Барятинским. В день принятия воинской присяги Михаил Скобелев услышал такие слова: «Без сомнения, братцы, вы сознаете, что служба ваша почетна; охраняя

---

* «...Полк с честью выполнил свой долг».

** Посвящение в кавалергарды и вручение оружия приурочивались, по обыкновению, к одному из христианских праздников. Покровителями кавалергардов считались святые Захарий и Елизавета — отец и мать Иоанна Крестителя, предтечи Христа. Их имена носила и полковая церковь. Архистратиг Михаил — начальник ангельских воинов — покровительствовал третьему эскадрону, а Александр Невский и св. Георгий Победоносец — соответственно второму и четвертому. Их праздники приходились на 23 и 26 ноября.

священную нам всем особу Государя Императора и защищая Святую Веру нашу и дорогую нашему сердцу Русь.., вы приносите великую пользу своей родине.

Почему говорят, что служба наша честная и святая? Потому, что для пользы общей — всей земли русской — мы жертвуем нашей кровью и жизнью».

Какие мысли пронесли в голове Скобелева, когда на посвящении он поцеловал Евангелие и крест? Отныне он навсегда отрешался от бытия спокойного, размеренного, далекого от опасностей и вступал в жизнь, где действовали присяга, законы воинской чести и доблести, долг, дисциплина, ответственность, где человек оценивался по ратному мастерству. Готов ли был восемнадцатилетний юноша к такой жизни? Физически — нет. Поэтому ему многих трудов стоило стать вровень со всеми. Послаблений по службе ждать не приходилось. Постигать мудреную науку владения конем, стрельбу, рубку, действия в строю Михаил Скобелев начал с нуля; с сигнала побудки и до сигнала зори занимался он в манеже, в учебном городке, в классе, а по ночам при свете свечи читал описания войн и сражений, книги по истории военного искусства. Знать больше того, чему тебя учат, — такой принцип сформулировал для себя молодой кавалергард и следовал ему на протяжении всей жизни. В одной из первых аттестаций Скобелева содержится лестная оценка: «Служит ретиво, не щадя себя». Не потому ли менее чем через год (8 сентября 1862 года) его производят в портупей-юнкера?!

Как дворянин, он имел право на льготное получение первого офицерского звания после двухлетней службы юнкером. Но уже 31 марта 1863 года на его плечах заблестели офицерские погоны. Корнет Скобелев не позволил товарищам усомниться в верности и преданности традициям, и производство в первый офицерский чин кавалерии было отпраздновано на полковой вечеринке. На ней много говорилось и о его успехах и уважении, которое он завоевал у сослуживцев, еще помнивших деда и хорошо знавших отца. Но похвальные слова не вскружили голову Скобелеву. Уже на старте офицерского марафона он взял за правило реально оценивать свои достижения.

До конца 1863 года Скобелев проходил службу в лейб-гвардии Кавалергардском полку. Этот год принес серьезные потрясения России. Восстала Польша. На знаменах повстанцев красовался лозунг: «За вашу и нашу свободу». Речь шла об отделении Польши от России, причем с территориями Западной Украины и Белоруссии, некогда насильно присоединенных к Речи Посполитой. Антирусская авантюра, главной целью которой было восстановление польского государства в границах, суще-

ствовавших до 1792 года, то есть до первого раздела Польши между Австрией, Россией, Германией, отличалась жестокостью противоборствующих сторон. К великому огорчению россиян, на стороне повстанцев сражалось немало русских солдат и офицеров, наивно веривших, что таким образом добьются лучшей жизни.

Корнет Скобелев был сторонником самых крутых мер к посягнувшим на спокойствие Отечества. Не без помощи дяди Михаил получил назначение в свиту генерал-адъютанта Баранова, которому Александр II поручил обнародовать манифест к полякам. Но едва посольство пересекло границу Польши, как молодой ординарец захандрил и стал тяготиться немудреными свитскими обязанностями. Баранов скрепя сердце уступил настойчивым просьбам корнета отпустить его волонтером в войска. Генерал-адъютант лишился расторопного офицера, а поисковая партия подполковника Занкисова обрела добровольца, одолеваемого неумным желанием испытать себя в бою. Вскоре такой случай представился. Стычка с отрядом косинеров под предводительством Шемиота была скоротечной и жестокой. Ситуация менялась стремительно, словно в калейдоскопе. Люди падали под ударами сабель и кос, оставляя на земле кровавые следы. Смерть не щадила ни поляков, ни русских. Выстрелы из ружей, пороховой дым, скрежет металла, ржание лошадей, призывы и команды слились в единую какофонию, присущую только войне. Поведение Скобелева в этом бою в реляции описано так: «Прямое и отличное исполнение приказаний, а также оказанное мужество при взятии в плен повстанца Безкишкина, 15 апреля, вполне заслуживает награды св. Анны IV ст. за храбрость». Когда бой затих, Занкисов пожал Скобелеву руку, а по прибытии в лагерь обо всем подробно доложил командиру полка.

Так на груди Михаила Скобелева появился первый боевой орден. Напомним: в ту пору ему шел двадцать первый год. Познав запах пороха и окунувшись в боевую жизнь, Скобелев оказался в стихии, которая давала обильную пищу воображению, испытывала на прочность характер. Юный кавалергард сумел доказать, и в первую очередь самому себе, что он не трус и не спасует перед превратностями судьбы. А она хранила его и была благосклонной.

Впрочем, Скобелев не единожды понапрасну испытывал ее в, казалось бы, бессмысленных проделках, где его жизнь порой висела на волоске. Ну как можно оценить, например, пари, которые заключал Скобелев? Он на спор переплыл Вислу вместе с конем, да еще ранней весной! Опять-таки на спор сиганул из окна третьего этажа — способ бегства от ревнивых мужей. Но

совершенно внезапно шумные офицерские пирушки лишились одного из неперенных заводов. Для любителей пображничать дверь в комнату, которую снимал Скобелев, оказывается закрытой, а негостеприимный хозяин, незлобиво чертыхаясь, просит оставить его в покое. Сослуживцы посмеивались: дескать, Михаил циркулем и линейкой прокладывает дорогу к сердцу очережденной избранницы. Но говорившие так находились в полном неведении — жилище корнета было завалено книгами по военной истории и обширными картами походов великих полководцев — от Цезаря до Наполеона, а сам он, уподобившись стратегу, строил планы будущих кампаний.

Восстание шло на убыль, и Скобелев должен был определиться в службе. Блеск и элегантность формы гродненцев, задиристость и озорство гусар сказались в итоге на выборе. Скобелев подал рапорт о зачислении в лейб-гвардии Гродненский гусарский полк, создание которого неразрывно связано с именем героя Отечественной войны 1812 года генерал-майора Я. П. Кульнева. Под его началом служил некогда и дед, Иван Никитич Скобелев. Гусары чтили боевую историю полка, помнили незабвенного командира и во всем стремились подражать ему. Преуспел в этом и Михаил Скобелев, которого 30 августа 1864 года произвели в подпоручики.

В таком стремительном шествии по ступенькам военной карьеры не было ничего предосудительного. Император, с неизменной симпатией относившийся к гродненцам, дядя — министр двора — и, конечно, отец во многом способствовали тому, что Скобелев в считанные годы стал вровень с теми, кто начал службу ранее его. И то, что вскоре на его погонах появилась еще одна звездочка, подтверждает сказанное. Правда, и Скобелеву нельзя отказать в завидном трудолюбии, полнейшем пренебрежении к трудностям армейской жизни. Уже тогда у него начали проявляться черты, которые создадут ему впоследствии всенародную славу. В воспоминаниях офицеров Гродненского полка Скобелев остался «истым джентльменом и лихим кавалерийским офицером». В воспоминаниях одного из сослуживцев есть такие слова о нем: «Чудак. Отличный малый, лихой, берет сумасшедшие барьеры».

В 1866 году Скобелев подает прошение о зачислении в Николаевскую Академию Генерального штаба и в этом же году блестяще сдает вступительные экзамены.

Созданная Николаем I в 1832-м в качестве «центральной стратегической школы» и укомплектованная преподавательским составом, утвержденным лично им, академия готовила высший командный состав для русской армии исходя из формулы: плац, парад, палка. Крымская война 1853—1855 гг. со

всей очевидностью доказала, что это упрощенное понятие исчерпало себя. Стало ясно как Божий день, что военная система России нуждается в глубоких и осмысленных преобразованиях. Горечь поражения поддерживала их необходимость, и в цепи Великих реформ они занимали одно из важнейших звеньев.

В Крыму сотворился парадокс. По военным дарованиям морские военачальники — адмиралы В. А. Корнилов, П. С. Нахимов, В. И. Истомин — оказались на голову выше, чем их собратья по оружию, руководившие армиями и дивизиями. Их имена, за редкими исключениями (С. А. Хрулев, М. Д. Горчаков), канули в Лету, реку забвения. Так неужели оскудела на воинские таланты Россия? Неужели поубавилось природной смекалки у оружейных и пушкарских дел мастеров? Неужели иссякло желание юных дворян служить Отечеству верой и правдой? Конечно, нет!

Государство вынуждено было поднатужиться, в чем-то поприжать землевладельцев, обложив их дополнительными налогами, но деньги в копилку на реформирование вооруженных сил поступали исправно. В обществе существовало единодушие, которое зиждилось на том, что без боеспособной армии Россия немыслима.

А между тем в подготовке офицерского корпуса имелось множество недочетов. В большинстве случаев «недоросли из дворян» с гимназической скамьи, как, например, Скобелев, поступали в полки юнкерами или вольноопределяющимися. Рост по службе юношей определялся «правом происхождения». Малоимущие и не отмеченные знатностью дворяне отдавали своих отпрысков в губернские кадетские корпуса. В них будущие офицеры получали лишь основы военных знаний, а затем должны были держать экзамены либо в Дворянский полк, либо в специальные военно-учебные заведения, какими являлись Михайловское артиллерийское и Николаевское инженерное училища. Не осилившим программу обучения в кадетских корпусах предстояло тянуть унылую лямку армейской службы. А она далеко не всем казалась «фунтом изюма», и поместное дворянство ежегодно пополнялось военными, уходившими в отставку. Академическое образование удавалось получить считаным десяткам офицеров.

Конечно, такое положение дел не могло не беспокоить Александра II, и реформа военно-учебных заведений находилась под пристальным вниманием императора. Еще в бытность профессором военной академии Д. А. Милютин в ряде своих записок-проектов ставил вопрос о необходимости существенных изменений программы и методики преподавания. Академический курс грешил педантизмом, школярством, отрывом от

практики. Милютин настаивал на том, чтобы «офицеры Генерального штаба знали внутреннее устройство войск, владели механизмом войскового управления».

Чистое теоретизирование уходило в прошлое, а на смену ему пришла твердая программа подготовки высокообразованных офицеров. Она прежде всего делала упор на знание картографии, на построение расчетов не наобум, а исходя из законов математики. Все предметы, изучаемые в академии, были разделены на две группы. В основную входили: тактика, стратегия, военная история, военная администрация, военная статистика, геодезия. Вспомогательная группа предполагала изучение артиллерийского и инженерного дела, политической истории и иностранных языков. В Академии укрепились практика военных игр на карте и макетах местности. Надо ли говорить, как это способствовало развитию воображения будущих военачальников! Число офицеров, ежегодно принимаемых в стены Академии, не превышало пятидесяти человек. Но претендовать на право сдавать вступительные экзамены мог лишь тот, кто имел за плечами четырехлетний багаж офицерской службы.

Скобелев учился в Академии Генштаба, когда ее возглавлял генерал-майор А. Н. Леонтьев. В официальных источниках время пребывания его на этом посту оценивается как эпоха ее расцвета. Уже то, что академические кафедры возглавляли видные военные теоретики России Г. А. Леер*, М. И. Драгомиров, а к числу предметов добавились русская литература и международное право, свидетельствует о серьезных намерениях дать выпускникам довольно обширный багаж знаний.

В академии Скобелев с трудом подходил под общую мерку. Существовало как бы два Скобелева: один — сама скромность и неприязнательность. Жесткая кровать, образок Богородицы в изголовье, подсвечник, множество книг, рояль, на котором он изредка играл, — вот и все, что имелось в его холостяцкой квартире. Другой — безудержное буйство, всевозможные проделки, которые доставляли немало хлопот родным, шумные офицерские пирушки с обильными возлияниями и похождениями, иногда с драматическими финалами. Товарищи ценили его, начальство и преподаватели считали его способным, но ленивым. На самом же деле Скобелев занимался с огромным рвением тем, что его привлекало, и часто пренебрегал условными требованиями, которые предъявляли к нему академические пе-

---

* Леер Генрих Антонович (1829—1904) русский военный теоретик и историк, генерал от инфантерии (1896), член-корреспондент Российской Академии наук, почетный член Шведской академии военных наук. Оставил богатое научное наследие по стратегии, тактике, военной истории.

данты. Одно время в профессорской даже высказывалось мнение о его исключении, поскольку он «совсем бросил ходить на лекции, а рапорта о болезни не присылает, да и гуляет по городу. Просто невозможный шалопай». Способ пассивного сопротивления казенщине, выбранный Скобелевым, может показаться несколько странным, если учесть, что по истории военного искусства, по военной и политической истории, русскому языку и литературе, по иностранным языкам и вообще по предметам общего образования он имел высшие баллы и был в числе первых.

К тому времени относятся первые опыты Скобелева по исследованию законов войны. С присущей ему дотошностью он изучает биографии Наполеона, Суворова, в собственных сочинениях дает оригинальную оценку великим полководцам. И, как сообщает один из первых биографов Скобелева М. М. Филиппов, «эти сочинения пользовались популярностью среди слушателей, вызывали одобрение, споры».

У того же автора есть описание практического экзамена, который должен был держать Скобелев по окончании учебы в академии. Выпускнику достался вопрос: «Организация переправы конного полка через водную преграду». Местом переправы был выбран Неман. Как полагается, экзаменующийся получил карту, бумагу, на которой должен был письменно обосновать свое решение, дали Скобелеву и коня. Комиссия, которую возглавлял профессор Г. А. Леер, убедившись, что Скобелев уяснил суть задачи, последовала на другие точки, где выпускники старались одолеть вымышленного противника. Завершив объезд, Леер и сопровождавшие его возвратились к тому месту, где они оставили Скобелева. Их взору предстала картина почти идиллическая: выпускник грелся на солнце, рядом пасся и его вороной. Возмущению корифея военной науки не было предела. Бумага оказалась девственно чистой, топографическую карту не потревожил ни один штрих. Леер взорвался: «Ну-с, так где же, сударь, место, выбранное вами для переправы?!»

На глазах присутствующих Скобелев резво вскочил на коня, бросился в воду и переплыл реку туда и обратно. Скобелев ожидал разноса, всего чего угодно, но Леер не скрывал восхищения, а по приезде в Петербург настоял на назначении Скобелева в Генеральный штаб. Незадолго до выпуска, 20 мая 1868 года Скобелева производят в очередной чин штаб-ротмистра.

Для любого из однокашников Скобелева попасть в Генеральный штаб было пределом мечтаний. Еще бы! Служить в столице империи, в здании, из окон которого открывается превосходный вид на Дворцовую площадь, Зимний дворец. При-

емы, которые с особым постоянством устраивались в резиденции российского монарха для офицеров гвардии и Генерального штаба, разве сравнимы они с унылым прозябанием в каком-нибудь гарнизоне?

Но кабинетная тишь, шуршание бумаг, поскрипывание перьев и штабная суета быстро наскучили Скобелеву. Одному ему известным способом он добился назначения в отряд генерала Абрамова, которому предстояло проделать путь по условной границе России с Бухарским ханством. Однако и в отряде Скобелев не нашел себе применения. Военные занимались не «своим» делом: описывали местность, искали караванные тропы, ведущие к колодцам. Одним словом, Скобелев с невероятной быстротой отделался от полномочий, данных ему Генеральным штабом, и объявился в Петербурге. И тут его ждала новость. В верхах было принято решение об организации экспедиции на побережье Красноводского залива.

Командиром отряда был назначен полковник Н. Г. Столетов, заблаговременно выехавший на Кавказ, где деятельно приступил к организации похода за Каспий. Какие сведения об этом крае мог почерпнуть Скобелев из учебников? Надо полагать, что весьма скудные. А раз так, то его место там, где в строжайшей тайне готовится экспедиция. Сознавал ли штабс-капитан, что это вовсе не прогулка, не заграничное путешествие, а необходимость, вызванная геополитическими интересами России? По-видимому, нет. Но он нажал на отца, Дмитрий Иванович — на свояка, графа Адлерберга, и заветное предписание и рекомендации вскоре были у него в руках. Так Скобелев объявился на Кавказе.

Идея самого похода состояла в том, чтобы отправить за Каспий небольшой отряд, который провел бы рекогносцировку и обеспечил высадку основных сил. Конечно, Скобелев попал в первый эшелон. И вот тут-то и выяснилось, что в деле, требующем детального изучения и осторожного подхода, Скобелев оказался для Столетова помощником никудышным. Штабс-капитан выпросил у Николая Григорьевича небольшой отряд солдат и с ними сделал вылазку из импровизированного укрепления, созданного на берегу Каспия. Вылазка закончилась удачно, но наделала изрядный переполох у туркмен, которых явно озадачило внезапное появление русских. И хотя молодой и энергичный офицер пришелся по душе Столетову, он был вынужден все же расстаться с ним...

Скобелев возвратился в Петербург. Здесь его ожидало приятное известие. 5 июля 1872 года он получил чин капитана. Надо полагать, что именно отец убедил Михаила согласиться с на-

значением на должность адъютанта штаба дивизии, которая располагалась в Новгороде. Назначение это было формальным, дивизия, как и многие другие соединения Петербургского военного округа, находилась в стадии переформирования, и каким-то образом воздействовать на этот процесс Скобелев, естественно, не мог.

И тут у Скобелева неожиданно проявился интерес к штабной работе. Возник он не на пустом месте. В Военно-Учёном комитете Главного штаба, исполнявшего функцию оперативного управления, сходились нити преобразований, и Скобелев, на некоторое время оказавшийся в его стенах, воочию убедился, насколько сложным является механизм вооруженных сил, малейший сбой в котором сулил крушение многих планов. А они поражали своим размахом, продуманностью и реальностью, однако требовали значительного времени. Но Скобелев сгорал от нетерпения и брался за любое живое дело, лишь бы оно было связано с поездками. В одной из них и застало его известие о производстве в чин подполковника. Произошло это событие 30 августа 1872 года. Два года Скобелев колесил по России, пока его «служебные блуждания» не были прерваны женитьбой.

Летом 1874 года он обвенчался с фрейлиной императрицы княжной Марьей Николаевной Гагариной. Княжна не блистала красотой, но ровный, выдержанный и спокойный характер, проявлявшийся в ее мягком женственном облике и неспешной, распевной речи, должны были, наконец, по мнению Дмитрия Ивановича и Ольги Николаевны, «обуздать порыв». И, кажется, в первые месяцы это удавалось, иначе в письме к отцу не было бы таких слов: «Спокойствие есть почти целое счастье на земле».

Своего удовлетворения Дмитрий Иванович не скрывает. Сын, принесший столько хлопот в улаживании его постоянных конфликтов и долгов, обрел семейную пристань. «Радуюсь твоему настоящему степенству, — пишет он Михаилу, попутно делая комплимент его молодой жене, — радовался радостью твоей жены, она накупила удачно тебе в кабинет ковров...»

Внешне Скобелев действительно изменился, но мечты о жизни иной, деятельной, боевой, где властвуют удадь, хождение между жизнью и смертью, увлекали его сильнее, чем усталая мягкими коврами тахта и спокойное и ровное потрескивание свечей в уютной квартире. Судьбоносный жребий Скобелева был однозначно ясен: он рожден для баталий. Там, именно там его место. Не в тиши штабных кабинетов, а на полях сражений оттачивался его ум, озаренный блеском оригинальных военных решений.

Он буквально вымаливает назначение в Туркестан* и при посредничестве дяди получает долгожданное предписание, обычный, деловой стиль которого вызвал у Скобелева массу чувств. Наконец-то он избавился от унылого кабинетного сидения и затеплилась надежда испытать свой жребий в настоящем, столь необходимом для России деле.

Отъезд в Туркестан стал первым шагом к разрыву с женой. Их брак был расторгнут в 1876 году.

По прибытии он напишет дяде: «Жить моей жизнью, сознаюсь, для женщины нелестно». В разговорах с друзьями Скобелев часто говорил, что «Игнатий Лойола только потому и был велик, что не знал женщин и семьи...» И все же, ведя холостяцкую жизнь, Скобелев частенько выказывал желание «понянчить своих скобелят». К сожалению, этому не суждено было сбыться.

В ТУРКЕСТАНЕ

Длинен и труден путь от Петербурга до Ташкента. Но вот он позади, и Скобелев с головой уходит в подготовку своего отряда к боевым действиям...

На российских картах середины XIX века Туркестан, имевший более чем тысячелетнюю историю, прочные культурные традиции и самобытный жизненный уклад, выглядел лоскутным одеялом. Края его либо терялись в необъятных азиатских просторах, либо внезапно обрывались на пороге российских владений.

Далеко не просто складывались взаимоотношения среднеазиатских государств с Россией. К прибытию Скобелева в Туркестан история их конспективно выглядела следующим образом. Среднеазиатские правители, можно сказать, шли на ощупь в делах с Российским государством. Это и объяснимо. В представлении восточных владык, Россия являлась полной загадкой, а отправляемые ими караваны на пути, пролежавшем в эту страну, поджидало немало опасностей. Прибытие российских послов, а тем паче купцов в Бухару, Хиву или Коканд считалось подлинным событием. Не меньший восторг у жителей Москвы, Нижнего Новгорода и Астрахани вызывали и ответные визиты торговцев тканями, пряностями, экзотическими фруктами, ювелирными украшениями.

Однако такой скудный и эпизодический обмен не мог устроить Петра I, и царь-преобразователь возвел интерес к Средней Азии в ранг государственной политики. Выгоды активного

---

* Туркестан — прежнее название территории в Средней и Центральной Азии. На территории Русского Туркестана было образовано в 1867 году Туркестанское генерал-губернаторство.

проникновения в азиатскую глубинку были очевидны, и все последующие российские государи в меру своих сил пытались утвердить влияние России в этом регионе. И тут выяснилось, что «владычица морей», как иногда называли Англию, не прочь прибрать к рукам «бесхозные» среднеазиатские ханства. По этому поводу Ф. Энгельс, глубоко осведомленный о намерениях лондонского кабинета, писал: «Санкт-петербургские дипломаты отдавали себе отчет, насколько важно парализовать возможное сопротивление Англии окончательному утверждению России на Босфоре. После Крымской войны, а в особенности после индийского восстания 1857 г., завоевание Туркестана, начатое еще в 1840 г., стало неотложной задачей»*.

Ф. Энгельс допустил неточность: отсчет военного проникновения России в Среднюю Азию следует все-таки вести от неудачно закончившейся экспедиции генерала Петровского. Состоялась она в царствование Николая I в 1839 году. После почти пятнадцатилетнего перерыва император вернулся к своей идее, и в Каракумской пустыне и на берегах Сырдарьи вновь зазвучали выстрелы и разрывы снарядов.

Англичане интриговали без усталости. Имперская пресса злоговорила — «каждый русский спит и видит себя в Константинополе и на берегу Индийского океана». Верилось в такое с трудом, но, как полагали в Лондоне, и этот проверенный способ очернения соперника, России, должен принести результат. К огорчению англичан, снабжавших непокорных ханов оружием, дела складывались явно в пользу русских. Лондону так и не удалось создать блок государств, направленный против России.

К описываемому времени применительны два термина — завоевание и присоединение. Однако последний значительно шире, исторически точнее и включает в себя понятия как завоевания, так и мирного включения в состав России ряда областей и районов. Результаты этого исторического процесса настолько значительны, что впоследствии сказались на всем ходе развития среднеазиатских государств.

Скобелеву показалось, что в Туркестане время словно остановилось на мертвой точке. И такое впечатление не было обманчивым. Столетиями край раздирали междоусобицы. Ненасытные ханы, враждующие между собой, не щадили ни жизней соперников, ни кишлаков, ни колодцев. От верховных правителей не отставали беки, баи. Жизнь дехканина представляла собой кромешный ад и была наполнена ожиданием очередной свары. А они несли с собой голод, усугубляли нищету. Невольничьи

---

* Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 22. С. 45.

рынки ломились от дешевой рабочей силы. В забитости и бесправии народа потонула многовековая мудрость. О каком живом обмене с соседями могла идти речь, когда богатый и некогда процветающий край зашел в явный исторический тупик! Возможно, Туркестан так бы и не выбрался из него, если бы не Россия.

Русские подавили сопротивление, но и объединили в большинстве своем кочующие народы, привили им вкус к оседлой жизни. Россия прибегнула к помощи оружия, но как только замолчали пушки, оберегала покоренных своей мощью. Ф. Энгельс, из коего и слово-то доброе о царской России трудно было вырвать, в одном из писем К. Марксу утверждал, что «Россия действительно играет прогрессивную роль по отношению к Востоку... господство России играет цивилизаторскую роль для Черного и Каспийского морей и Центральной Азии, для башкир и татар»*.

Туркестанские кампании и по сей день слабо изучены. А между тем опыт, приобретенный в них русскими войсками, позволяет сделать вывод, что трудности, с которыми столкнулись они при ведении боевых действий в Азии, не идут ни в какое сравнение с теми, которые ранее пришлось испытать русским воинам. На их пути стояли безводные пространства, зыбучие пески и солончаковые пустыни. Палящий зной и безводье вполне могли парализовать физические силы. А они были так необходимы для того, чтобы преодолеть сопротивление противника.

Отважные предводители кочевников вынуждены были признать, что в лице русских имеют соперников, не уступавших воинам Аллаха ни в отваге, ни в мужестве. Невзирая на отдельные неудачи, русские повсюду теснили непокорных воителей, занимали город за городом. В итоге к началу семидесятых годов под протекторат России попала обширная территория, ограниченная левым берегом Сырдарьи. Русские войска энергично принялись обустраивать прибрежную линию, создав по ней ряд укреплений.

Хивинский хан, по соседству с владениями которого шла эта созидательная работа, занял поначалу выжидательную позицию: мол, посмотрим, поглядим, как себя в дальнейшем поведут «неверные». К удивлению воинственного владыки, русские стали настойчиво предлагать мир. Соглашение могло вполне состояться, если бы в дело не вмешались английские советчики. А уж по части плетения интриг дипломаты с берегов «туманного Альбиона» имели прочные навыки. Хан уступил нажи-

---

* Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 27. С. 241.

му и напроочь отказался вступать в какие-либо переговоры с представителями русского командования. За отказом последовали шаги, которые до предела накалили обстановку.

Вдоль Сырдарьи пролегали караванные пути, по которым столетиями совершали переходы русские купцы. И вот караваны, ведомые ими, стали бесследно исчезать. Следы исчезновения явно вели в Хиву. Нападения на мирных торговцев сменились внезапными набегами на кочевья кара-киргизов*, добровольно принявших российское подданство. Хивинские ватаги нагнали час от часу и буквально вели охоту за каждым русским. Туркестанский генерал-губернатор К. П. Кауфман сообщал в Петербург, что в хивинском плену томятся сотни соотечественников и он располагает достоверными сведениями о том, что с невольничьего рынка в Хиве русские пленные отправляются в соседний Коканд, а оттуда их переправляют в Персию. Существовал даже ценник, по которому русские стоили гораздо выше других рабов. Цена на мужчин колебалась от ста до двухсот тилль**, на женщин она достигала трехсот тилль. Сердобольное российское правительство моментально отреагировало на письмо Кауфмана, выделив на выкуп из неволи три тысячи рублей золотом. Но хан и тут заартачился, и когда генерал-губернатор предложил ему вступить в торг, с поддельным возмущением промолвил: «Я не могу взять в толк, каким образом пять или десять русских, живущих в Хиве по дружбе, могут стать яблоком раздора».

Факты, однако, свидетельствовали о другом. Захват русских стал сущим бедствием. К. П. Кауфман доносил в Петербург: «Не предreshая времени, мы должны идти на Хиву, хотя бы только для освобождения наших соотечественников, томящихся в тяжелом плену».

Скобелев приехал в Туркестан, когда подготовка к походу на Хиву была в самом разгаре. И вот здесь горячность и недостаток выдержки оказали ему плохую услугу, став причиной натянутых отношений с некоторыми офицерами, пренебрежительно отзывавшимися о нем как о петербургском выскочке. Скобелев умел постоять за себя и дважды дрался на дуэли. Кауфман вынужден был сделать ему выговор и откомандировать в Тифлис.

Но наместник на Кавказе великий князь Михаил Николаевич рассудил по-своему. Скобелев пришелся ему по душе неординарностью мышления, порывистостью, неумным желанием проявить себя. И Скобелев вновь пересек Каспий, получив назначение в Мангышлакский отряд полковника Ломакина. В состав экспедиции против Хивы также вошли Туркестанский,

---

* Кара-киргизы — дореволюционное название киргизов.

** Тилль — денежная единица, равная 1 рублю 80 копейкам.

Оренбургский, Красноводский отряды и Аральская флотилия. Общее руководство осуществлял К. П. Кауфман.

Воспитанник инженерного училища Константин Петрович Кауфман происходил из незначительной немецкой обрусевшей семьи, исповедовавшей православие. Всю свою офицерскую молодость он провел на Кавказе в стычках с горцами, немало сделал и для укрепления Прикаспия. В нем удачно сочетались качества военного инженера и войскового командира. За штурм турецкой крепости Карс во время Крымской войны был награжден саблей с надписью «За храбрость». Обладая обширными военными знаниями, организаторским талантом и будучи человеком честным и принципиальным, он двигался по ступенькам военной карьеры без помощи всемогущего родства и связей. До прибытия в Туркестан в 1867 году участвовал в разработке военной реформы, некоторое время находился в свите императора, затем заведовал канцелярией военного министерства и два года занимал пост Виленского генерал-губернатора. Высокой требовательностью и заботливым отношением к людям завоевал в армейской среде весомый авторитет.

Прибыв в Туркестан, Кауфман, словно этнограф, постарался как можно глубже изучить быт и нравы местного населения и все свои действия соизмерял с обстановкой. Законы Востока были непреложны. Губернатор всегда появлялся в окружении свиты, поражающей блеском, гремела медь военных оркестров, раздавалось громогласное «ура», стройные ряды воинов свидетельствовали о мощи государства, с которым приходилось иметь дело.

Генерал умиротворял враждующих, жестоко карал не желавших повиноваться, щедро одаривал лояльных русским властям. Твердо отстаивая интересы России, Кауфман немало сделал для просвещения Туркестана. В бытность его губернатором построено шестьдесят школ, две гимназии — мужская и женская, а Ташкент получил первую в Средней Азии публичную библиотеку.

В апреле 1873 года русские войска выступили в поход из четырех пунктов. Скобелев командовал авангардом Мангышлакского отряда (две тысячи сто сорок человек) в составе трех рот пехоты, двух сотен казаков и двух орудий. От колодца к колодцу, от стойбища к стойбищу шел отряд к главной цели — Хиве. Падали от изнеможения верблюды, лошади, нестерпимо палящее солнце делало людей безвольными, появились больные. Многие версты нелегкого пути Скобелеву пришлось пройти пешком. Но он знал, что основная часть отряда, следующая за авангардом, должна пройти по разведанному, безопасному пути и что колодцы не должны достаться бродившим по пустыне

воинственным кочевникам. В одной из стычек с ними Скобелев получил семь ран и вынужден был преодолеть часть пути лежа в арбе.

12 мая Мангышлакский и Оренбургский отряды соединились в Кунграде, и общее командование перешло к генерал-майору Веревкину. До Хивы оставалось двести пятьдесят верст, и они оказались самыми трудными и самыми кровавыми. Не проходило ни дня без крупных стычек с хивинцами, которые сжигали оставшиеся позади мосты через арыки и реки, засыпали колодцы. Значительными силами они преграждали путь отряду у Ходжейли, Мангыта и других пунктов, но безуспешно: 28 мая авангард Скобелева стоял у Хивы.

Тем временем Туркестанский отряд остановился в полупереходе от Хивы. Здесь Кауфман получил известие, что жителей города раздирают противоречия. Часть населения готова гостеприимно распахнуть ворота, остальные были намерены сражаться до конца. Кауфман решил не спешить со штурмом и посоветовал то же самое и генералу Веревкину. Казалось, дело вполне могло закончиться мирным исходом. И вот тут-то лагерь Мангышлакско-Оренбургского отряда подвергся нападению. Хивинцы, используя местность и сумерки, совершили несколько вылазок, нанеся русским чувствительные потери. Веревкин отдал приказ на штурм, а Скобелеву поручил осуществить разведку боем.

Хивинцы поливали русских свинцом. Ядра пушек, разрываясь, взбивали огромные фонтаны песка. Но меткие выстрелы русской батареи заставили замолчать их артиллерию. В брешь, пробитую в Шахабатских воротах, первым пробрался Скобелев. Следом за ним в крепость проникли две роты его авангарда и после скоротечного боя овладели стенами и башнями. После чего Скобелев со своим отрядом, с боем завоевывая каждую улицу, прорвался к ханскому дворцу. 29 мая 1873 года Хива пала.

По занятии Хивы Кауфман великодушно позволил хану возвратиться в столицу. Правитель занял свои апартаменты и, спустя некоторое время, устроил роскошный прием. В числе приглашенных был и Скобелев, который получил в этот день наглядный урок дипломатии. В воспоминаниях американского корреспондента Я. Мак-Гахана запечатлен диалог между Константином Петровичем Кауфманом и Сеид-Мохамед-Рахим-Богадурханом.

Кауфман: Если бы вы послушались моего совета три года тому назад и исполнили бы тогда мои справедливые требования, то никогда не видали бы меня здесь... Великий Белый Царь не желает свергать вас с престола. Он только хочет доказать, что

достаточно могуществен, чтобы можно было оказывать ему пренебрежение... Великий Белый Царь слишком велик, чтобы вам мстить... Он готов теперь простить вас и оставить по-прежнему на престоле, при известных условиях.

Хан: ...Мне давали дурные советы...

Кауфман: Теперь вы можете возвратиться, хан, в свою столицу. Восстановите свое правление, судите свой народ и охраняйте порядок. Скажите своим подданным, чтобы они принимались за труды и занятия, никто их не тронет; скажите им, что русские не разбойники и не грабители, а честные люди; что они не тронут их жен и имуществ.

Победители держали свое слово твердо. До хивинцев и ранее доходили слухи, что там, где появляются русские, навсегда исчезает рабство. И вот однажды с минарета дворцовой мечети раздался протяжный голос муллы, созывающего народ на молитву. Каково же было удивление собравшихся, когда вместо привычных сур Корана служитель Аллаха зачитал ханский ферман, в котором под страхом смерти запрещалась купля и продажа людей, а все рабы получали свободу. Радость, с которой население встретило этот ханский указ, написанный явно под диктовку победителей, была безмерной. К тому же на Хиву была возложена щадящая контрибуция в размере двух миллионов двухсот тысяч рублей с ежегодной выплатой по двести тысяч рублей в казну. Война стоила гораздо больших денег.

Для Скобелева участие в Хивинском походе стало серьезной воинской школой, проверкой его физических и моральных качеств. Испытание Скобелев выдержал с честью. И даже среди обстрелянных в боях туркестанцев он выделялся своим поразительным самообладанием и храбростью. Инициатива, верный глазомер, быстрота в принятии решений уже тогда отличали молодого офицера. Скобелеву часто приходилось выполнять наитруднейшие и опаснейшие задания, применяя изобретательность и находчивость. Начальство полностью полагалось на него.

В конце Хивинского похода Скобелев совершил выдающуюся по смелости и лихости рекогносцировку. Из четырех отрядов, посланных на Хиву, Красноводский не дошел до места назначения и, измучив лошадей и вьючных верблюдов, во избежание гибели, вернулся назад. Расстояние более чем в пятьсот верст осталось неразведанным. Важно было выяснить причину неудачи. Для получения сведений об этом отрезке пути предлагалось снарядить небольшой отряд пехоты и кавалерии с несколькими орудиями. Скобелев вызвался разведать маршрут, а также сделать глазомерную съемку местности. Кауфман после колебаний дал на это согласие.

Перед выступлением в путь Скобелева видел участник Хивинского похода полковник В. А. Полторацкий. Вот как он описывает этот эпизод: «...Я вышел и в темноте... только по голосу узнал всадника. Скобелев, в туркменском костюме, высокой шапке и вооруженный с головы до ног, стоял перед нами и просил благословения на дальний, опасный путь... Дай ему Бог успеха, но увидимся ли с ним?»

Опасения Полторацкого оказались напрасными. Через неделю Скобелев с тремя туркменами и двумя казаками, сопровождавшими его, возвратился целым и невредимым, описал словесно и набросал на карте маршрут, колодцы и доложил сведения о ватагах вооруженных хивинцев, контролировавших местность.

— Неужели вы никого не встретили на пути, кто бы признал в вас русского? — обратился к нему состоящий при генерал-губернаторе художник В. В. Верещагин.

— Конечно, встречал я народ, — ответил Скобелев, — но я всегда высылал вперед моих джигитов, они заводили разговоры о том о сем, рассказывали при нужде и небылицы, чем отвлекали их внимание, а я тем временем проскальзывал вперед.

Попадись он — смерти не миновать. За эту рекогносцировку Скобелев был награжден орденом св. Георгия IV степени.

Уже тогда о русском подполковнике начали говорить в Европе.

С художником Василием Васильевичем Верещагиным Скобелев познакомился еще в 1870 году благодаря Жирарде, безотлучно следовавшему за своим воспитанником и учившему в то время детей К. П. Кауфмана. Знакомство произошло в единственном ресторане Ташкента. Привлекательная внешность Скобелева, умение держаться без рисовки, открытый располагающий взгляд, прямота в высказываниях и суждениях — все это сделало возможным знакомство, которое позднее превратилось в прочную мужскую дружбу. Судьба порой надолго разлучала художника и полководца, и не потому ли каждый из них считал подарком очередную встречу?

Верещагин совершал поездку по Туркестану, чтобы запечатлеть в своих картинах этот край, его историческое прошлое, самобытную культуру, народ, красоты древней архитектуры, точные пейзажи. Но не только это привлекало его. Он ехал узнать, что такое истинная война, о которой много читал и слышал на Кавказе. Василий Васильевич принимал участие почти во всех крупных сражениях, за что получил Георгиевский крест.

24 августа русские войска, оставив в Хиве небольшой гарнизон, покинули город. Отдельные подразделения были расположены почти во всех городах ханства.

Зимой 1873 года Скобелев получил отпуск и решил провести его на юге Франции. Скобелев и отдых — понятия несовместимые. Вне дел он буквально чах, становился скучным, раздражительным, его энергия нуждалась в применении, он искал ей выход и находил в труде, в совершенствовании знаний. Стол в снятой им на берегу моря квартире был завален книгами, чертежами. Скобелев пребывал здесь инкогнито, но навязчивые репортеры, пронюхав, что среди отдыхающих находится русский офицер, имя которого не раз появлялось в газетах, беззастенчиво вторгались в мир его мыслей и повседневного бытия, а следом за ними, как правило, не было отбоя от любителей шапочных знакомств. Избавиться от них удавалось с великим трудом. И однажды, ко всеобщему удивлению, Скобелев внезапно исчез. Лишь через несколько недель его след обнаружился в Испании.

На протяжении ряда лет с небольшими перерывами на Пиренеях шла вооруженная борьба между регулярными королевскими войсками и партизанскими отрядами карлистов. Свое название противники режима получили по имени дон-Карлоса, с которым клерикалы и часть испанской знати связывали надежды на обретение верховенства в стране.

Скобелеву, по сути, были безразличны причины вооруженной борьбы, но вот то, какими способами она велась, представляло для него неподдельный интерес. Оказалось, что до зубов вооруженные регулярные войска не в состоянии были одерживать победы над малочисленными отрядами карлистов. Но попасть хотя бы в один из них стоило огромных трудов. Скобелеву, можно сказать, повезло. Он был схвачен на одном из сторожевых постов и доставлен с завязанными глазами к сподвижнику дон-Карлоса Алоизу Мартинесу. Отважный предводитель был неимоверно удивлен, когда Скобелев объявил, что он — русский. Рекомендательное письмо подтверждало это. И вот тут-то выяснилось, что Скобелев вовсе не сочувствует движению, однако в настоящее время не находит лучшего примера войны в горных условиях. Такая прямота могла стоять чужеземцу головы. Но Мартинес, поколебавшись, все же решил сохранить Скобелеву жизнь и оставил в отряде. Пусть, мол, русский почувствует, почем фунт лиха.

К удивлению гарильесов, Скобелев вел себя достойно и, по воспоминаниям самого Алоиза Мартинеса, был неразлучен с записной книжкой и поражал неустойчивостью. Он следил за тем, как строились укрепления в горах, как совершались горные переходы и организовывалась перевозка артиллерии, снарядов по узким тропинкам.

Эта поездка еще раз подтверждает прозорливость Скобеле-

ва, за несколько лет вперед предвидевшего, что вероятность войны в условиях, подобных испанским, в ближайшем будущем не исключена.

Осталось неизвестным, при каких обстоятельствах инкогнито Скобелева оказалось раскрытым. В официальных кругах поговаривали, что якобы он послан русским правительством. Такой поворот сулил крупные неприятности, и Скобелев незамедлительно покинул Испанию. На родине его ожидало радостное известие: 22 февраля 1874 года состоялось его производство в полковники. А 17 апреля — назначение флигель-адъютантом с отчислением в свиту царя. Но события не позволили выехать в Петербург и окунуться в беззаботную жизнь.

Покидая Туркестан на непродолжительное время, Скобелев не предполагал, что мир настолько непрочен и достаточно будет одной искры, чтобы накалить обстановку. Жизнь в Ташкенте текла в ожидании непредсказуемого. Все началось с волнений в Кокандском ханстве, которым с 1844 года правил Худояр-хан. Волны политических страстей порой выкидывали его с насиженного трона. Дважды приходилось спасаться бегством в Бухару. А с тех пор, как в Ташкенте обосновались русские, он стал налаживать контакты с администрацией края, готовя себе возможное пристанище на случай очередного кризиса, который, кстати, не заставил себя ждать. Собственно, организатором стал сам Худояр-хан — тщеславный и коварный владыка, питавший утробную страсть к наживе и обложивший народ непосильными податями.

Народ восстал. К нему примкнула часть духовенства и феодалов. Несмотря на все потуги, Худояру не удалось силой подавить сопротивление. Занятый борьбой с восставшими, он не подозревал о заговоре в своем собственном доме, организованном против него сыновьями.

Братья, получив свободу действий, могли заварить такую кровавую кашу, что расхлебывать ее пришлось бы долгие месяцы. По-видимому, Скобелев, волею судьбы оказавшийся в самой гуще событий, сам напросился в посольство, которое должно было выяснить степень опасности, грозившей миру и спокойствию в крае. Неизвестно, что ожидало хана, если бы не находчивость Скобелева. Осталось загадкой, каким образом ему удалось уговорить братьев отпустить отца по-доброму, но так или иначе Худояр-хан с гаремом и челядью обосновался в Ходженге, под надежной защитой русского оружия.

Тем временем на престол в Коканде взошел старший сын Худояра Насреддин-бек. Насреддин явно уступал отцу в твердости и решительности и вскоре оказался игрушкой в руках кокандской знати и духовенства. Последнее бредило идеей газавата.

та — «священной войны» против «неверных», то есть русских. Приемы, к которым прибегали фанатичные последователи пророка Магомета, были не новы. В городах, занятых русскими войсками, появились ходоки, дервиши, вещавшие на базарных площадях о зверствах, которые якобы чинили русские, не обходилось и без угроз. За ними потянулся шлейф кровавых деяний: налетов на почтовые станции, на караваны русских купцов. Мелкие уколы сменились открытыми нападениями на русские гарнизоны. Трое суток малочисленные защитники Ходжента отражали яростные атаки, и неизвестно, чем бы закончилась осада, если бы не Скобелев, подоспевший на помощь.

«А не малочислен ли наш отряд?» — спросил его капитан Михайлов. «Отряд в две сотни, — ответил Скобелев, — с четырьмя ракетными станками я считаю сильным и самостоятельным в здешних войнах». Уже на подходе к Ходженту отряд увеличился до восьми сотен. Он внезапно ударил по кокандцам, заставив их с большими потерями отступить от города.

На этом военные действия могли закончиться, но воинственный Абдуррахман-автобачи, талантливый вождь кипчагов, совершивший намаз* в Мекке, решил сражаться до конца. Фанатичный и честолюбивый, он поставил на карту не только спокойствие обширного края, но и тысячи жизней простых кокандцев, кипчагов, кара-киргизов, вовлеченных им в боевые действия.

18 августа 1875 года отряд, состоявший из шестнадцати рот, девяти сотен казаков, с двадцатью орудиями и восемью ракетными станками (всего четыре тысячи человек). под командованием К. П. Кауфмана выступил из Ходжента. Скобелев в этом отряде командовал всей конницей. Примечателен его отзыв: «Я глубоко верю в казаков, как славную боевую силу, и за поход надеюсь доказать, что они при маленькой сноровке не уступят регулярной коннице».

Кокандский поход можно условно разделить на два этапа — осенний и зимний. 21 августа русские войска завязали бой у кишлака Каракчикум. Противника ожидал сюрприз. Кокандцы, привыкшие действовать навалом, буквально опешили, когда невидимая сила разорвала и разметала их ряды. А это Скобелев, словно заправский артиллерист, дал приказ установить орудия на прямую наводку. После такой внушительной артподготовки конница, пользуясь паникой в стане противника, довершила его разгром. 22 августа почти пятидесятитысячная армия кокандцев сосредоточилась у города Махrame. Но русские войска

---

* Намаз — мусульманский религиозный обряд — ежедневное пятикратное богослужение.

имели уже достаточный боевой опыт, и численное превосходство уступило организации и умелому взаимодействию родов войск. Несмотря на отчаянное сопротивление, на затопленную перед укреплениями местность, шквальный огонь, Скобелев с отрядом ворвался в город. Его желтый знак метался по полю сражения, словно вихрь. Раненный в самом начале сражения в ногу, он не слез с коня до той минуты, пока противник не перестал сопротивляться. Победителям достались тридцать девять орудий и девятьсот пленных.

До Коканда движение войск было мирным, население городов открывало ворота и встречало русских подношением даров. Участник этого похода подполковник Маев вспоминал: «Доверие населения к вступившему в Кокандское ханство русскому войску было полное». В Коканде Кауфмана встретил хан Насреддин. Здесь был подписан мирный договор, по которому подтверждались права русского купечества на торговлю, к Туркестанскому губернаторству присоединялся правый берег Сырдарьи с городами Чуст и Наманган.

Скобелев с двумя ротами солдат да шестью сотнями казаков еще несколько дней преследовал остатки отряда автобачи. Затем настиг его и разбил, захватил всю артиллерию и обоз. В руках Скобелева оказался «меккский значок» кокандского военачальника, но самому ему удалось скрыться.

Русские войска покинули Коканд. Почти следом за ними в город ворвался Абдуррахман (его поддержало кипчакское население, не желавшее признавать себя побежденным), сверг Насреддина и отдал престол предводителю кара-киргизов, получившему официальное имя Пулат-хан. Воинственные призывы накалили обстановку, и «священная война» развернулась с новой силой. Используя тактику внезапных налетов, отряды кокандцев изрядно досаждали русским гарнизонам. Терпение имело предел. К. П. Кауфман поручил генерал-майору В. Н. Троцкому покончить с набегами. Генерал сформировал отряд в составе пяти с половиной рот, трех с половиной сотен казаков, шести орудий, четырех ракетных станков. На Скобелева возлагались обязанности начальника штаба. Вполне может возникнуть вопрос: о каком планировании операций могла идти речь, когда действия отряда целиком и полностью зависели от поведения противника? И вот здесь-то и пригодился опыт Скобелева. В большинстве случаев ему приходилось вести обычную разведку. Зачастую она перерастала в сражение. Так случилось, например, под Андижаном. 1 октября отряд Троцкого на плечах противника ворвался в город. Ни скученность построек, ни узкие улицы, ни высокие глинобитные заборы, из-за которых оборонявшиеся вели огонь, не могли удержать порыв. Андижан пал.

18 октября 1875 года Скобелев за боевые заслуги был произведен в генерал-майоры, награжден шпагой с надписью «За храбрость» и зачислен в свиту императора*.

Теперь ему поручили командование довольно значительным по силе отрядом, в который входило шестнадцать рот, семь с половиной сотен казаков, двадцать два орудия, четыре ракетных станка, рота саперов — всего четыре тысячи триста человек. Нетрудно заметить, что впервые Скобелеву предстояло выступить в роли общевойскового командира. О том, что он справился с нею блестяще, свидетельствует тот факт, что в течение двух месяцев отряд под командованием Скобелева отбил бесчисленное количество нападений мятежников и нанес им целый ряд серьезных поражений. Отнести победы только к удачливости Скобелева было бы неправомерно. В его действиях преобладал точный расчет, отменное знание противника, быстрота принятия решений.

Вот он врывается первым в самую гущу кокандцев, где только виртуозное владение конем и саблей способно сохранить жизнь. На удар следует удар, на укол копьем — ловкая увертка, атакующие Скобелева падают наземь, сраженные его рукой, словно снопы. С таким смелым до отчаяния военачальником невозможно не победить! Его не смущали ни превосходящие силы противника, ни прочная по меркам кокандцев оборона, ни ярость, которой были одержимы фанатичные мусульмане. Скобелев неизменно появлялся на поле боя на белой лошади и одетый в белую форму, а его суеверность, о которой еще предстоит сказать, была вовсе ни при чем. На жгучем солнце белое одеяние сквозь прорезь прицела попросту сливалось с окраской песчаных барханов. Попробуй тут попади! Но в глазах суеверных кокандцев Ак-паша** выглядел заговоренным от пуль. Так постепенно имя Скобелева стал окружать особый ореол и даже в самых отдаленных кочевьях о русском военачальнике знали и говорили одни с боязнью, другие — с уважением.

По указу царя от 18 февраля 1876 года Кокандское ханство упразднилось, а его территория преобразовывалась в Ферганскую область, которая вошла в состав Туркестанского генерал-

---

* Свита состояла из генералов, адмиралов и офицеров, зачисленных в нее за особые заслуги перед государем. Формально свита не являлась частью императорского двора, так как в большинстве своем лица, входившие в нее, занимали либо военные, либо гражданские должности. Внешним свидетельством принадлежности к свите царя была особая форма. По указу от 28 февраля 1855 года все свитские носили на погонах (эполетах) вензель Александра II, серебряные аксельбанты и имели вензельные нагрудные знаки.

** Ак (тюрк.) — белый.

губернаторства. Первым губернатором области и начальником войск, располагавшихся в его пределах, был назначен Скобелев.

Правитель канцелярии Туркестана генерал А. И. Гомзин, в руках которого находились кадровые перемещения, с опасением говорил К. П. Кауфману: «Не рискованно ли было... назначать на ответственный административный пост слишком ретивого кавалериста?» На что Кауфман ответил: «А вот, Андрей Иванович, сделаем опыт, авось этот кавалерист нас не осрамит».

Гомзин явно не симпатизировал Скобелеву, но перед лестью, которую пустил в ход новоиспеченный губернатор, устоять не смог. «Ваше превосходительство видит перед собой новичка в гражданской службе, — сказал Скобелев, обращаясь к Гомзину. — У меня нет ни знаний, ни опыта; мне нужен руководитель, и я пришел искать его в лице вашего превосходительства». Такой тон во многом смягчил Гомзина и как рукой снял высокомерие и пренебрежение.

С присущей ему энергией Скобелев взялся за устройство разоренного военными действиями края. Уже к концу апреля Ферганская область по своему административному устройству мало чем отличалась от внутренних губерний России. Образовывались уезды и их управления, областное управление и губернаторская канцелярия рассылали указы и инструкции, становилось на ноги городское хозяйство. Возле резиденции Скобелева и в людных местах появились объявления, извещавшие жителей, что генерал-губернатор принимает просителей по любым вопросам ежедневно утром.

Но вся эта огромная по масштабу работа могла рухнуть в одночасье, поскольку Ферганская область напоминала пороховую бочку. Борьба за лучшее место под солнцем раздирала племена и была тем фитилем, который мог взорвать хрупкое спокойствие. И вот здесь Скобелев выступил как отменный дипломат. Он не раздумывая смещал вождей, которые безвольно следовали порывам толпы, задабривал лояльную знать, оберегал права дехкан, жестоко карал подстрекателей. К удивлению высшего мусульманского духовенства, ожидавшего расправы за то, что оно в ходе боевых действий подогревало страсти, Скобелев не стал вмешиваться в дела вероисповедания. Остались неприкосновенными и традиции разноплеменного края.

Вода испокон веков была здесь главной жизненной силой. Скобелев сосредоточил на строительстве арыков лучшие инженерные силы, какие имелись в его распоряжении. Фергана буквально на глазах превращалась в цветущий оазис. На дорогах, связующих города и долины, все реже и реже звучали истошные и разъяренные голоса купцов, проклинавших рытвины и

ухабы. Караванные пути были взяты под охрану, и движение по ним сделалось безопасным.

К величайшему удовольствию простых людей, Скобелев дал понять, что избавление от рабства не сиюминутный каприз, а мера, ведущая к полному уничтожению этого позорного явления. Непреклонен был губернатор и в упорядочении налогов. Такое в Фергане было в диковину.

К. П. Кауфман писал в Петербург: «Михаил Дмитриевич занимается серьезно своим делом, вникает во все, учится и трудится... Народ подает «арсы» (просьбы. — Б. К.) с полным доверием и, кажется, доволен своим теперешним положением...»

Из столицы во вновь приобретенные владения потянулись высокопоставленные инспекторы и визитеры. Скобелев встречал гостей с необычайной помпезностью и поражал восточным гостеприимством и обилием развлечений. Но за время долгого обратного пути восторги и впечатления становились умереннее и уступали место зависти и недобрым мыслям, которые в великосветских кругах обретали реальные очертания в виде нелестных отзывов и сплетен о молодом генерал-губернаторе. О них в весьма противоречивых строках повествует американский военный агент в России А. Грин: «Скобелев... пустился в поход против интендантских чиновников... И так как они столь же ловки, сколь неразборчивы, то и не замедлили обвинить его в Петербурге в весьма серьезных злоупотреблениях. Один флигель-адъютант послан был для расследования дела; холодно принятый генералом..., флигель-адъютант вернулся в Петербург с докладом, в котором Скобелев обвинялся во взяточничестве на сумму около миллиона рублей».

Скобелев, этот непримиримый противник обкрадывания солдат, не позволял никому запускать руку в государственный карман и жестоко карал тех, кто пытался нажиться на недоплате и недодаче. Это создало ему множество врагов, которые вели нечистоплотную борьбу против генерала. Скобелев вынужден был испросить у Кауфмана отпуск и спешно выехал в Петербург, где представил все счета и бумаги в Государственный Контроль. Генерал был оправдан.

В письмах, получаемых Кауфманом из Петербурга, недоброжелатели Скобелева обозначены буквами латинского алфавита, поскольку близость их ко двору была очевидна. Скобелев, словно от назойливых мух, отбивался от столичных протезе. Возвращаясь из Туркестана ни с чем, они поливали грязью молодого генерал-губернатора, ставили под сомнение его боевые заслуги и, уж конечно, не обходили молчанием административную деятельность. И вот здесь напридумывали черт знает чего!

Поговаривали: дескать, Скобелев живет как падишах, в администрации края полно аборигенов, в ней царит дух угодничества и казнокрадство. Известно ли было верхоглядам, что казачья нагайка грозила тому, кто осмелился поднести чиновникам дорогие подарки? Таков обычай, пытались убедить Скобелева некоторые. Но генерал был непреклонен. Свой единственный достархан — лошадей, верблюдов, ковры, украшения — он продал на аукционе. Выручив от продажи три тысячи рублей, Скобелев купил землю, построил на ней кишлак, провел к нему арык и поселил часть беднейших семей.

Туркестан стал подлинной школой для русской армии. Ей и ранее были чужды проявления человеконенавистничества, не возобладали они и в пору завоевательных походов. И хотя авторитет России утверждался силой оружия и полководческими дарованиями военачальников, Скобелев считал, что на отдаленную перспективу этого недостаточно. Все должно познаваться в сравнении. И вот среди неимоверной грязи и полудикого бытия стали возникать островки цивилизации — военные городки, радующие глаз ухоженностью и порядком. Пришла рота или батальон с учений — готов теплый душ, настал вечер — пожайте в чайную, а в дневную жару самое лучшее — посидеть в прохладе библиотеки за доброй книгой. Наступил христианский праздник — помывка в бане, извечная чарка и молебен в походной церкви. На это зрелище собирались целые толпы. Могущество духа победителей воздействовало на умы местного населения более, нежели угрозы и расправы.

А тут случилось и вовсе невиданное. В военных городках появились женщины. Это Скобелев настоял на том, чтобы солдатские и офицерские жены получили возможность присоединиться к мужьям. Скобелеву с трудом удавалось унять поток благодарности. Он-то ведь хорошо знал, что вовсе не райские кущи ожидают русских женщин. Между тем, они не сидели сложа руки. Так появились мастерские, где чинили и шили солдатскую и офицерскую одежду, школы, где сеяли разумное, доброе, вечное воспитанницы пансионеров и институтов благородных девиц.

Однажды в одной из слободок, что возникла вблизи военного городка, появился на свет первенец. Надо ли говорить, что радость была всеобщей? Детский плач возвестил, что отныне Россия твердо стоит в Средней Азии. Забегая вперед, можно сказать, что многие вышедшие из службы солдаты так и не желали расстаться с Ферганским краем.

Для Лондона российские завоевания в Средней Азии — это кость в горле. К тому же их надежно опекали и оберегали от проникновения английских агентов генералы туркестанской закладки К. П. Кауфман и М. Д. Скобелев. Последнему пришлось

приложить немалые усилия, чтобы поубавить прыть у охотников пощупать на прочность положение русских в Фергане.

Английские пушки хладнокровно расстреливали Кабул, а английская пресса разразилась истеричным воплем: «Русские идут на Индию!» М. Д. Скобелев дал достойную отповедь любителям сеять смуту и наводить тень на плетень: «Мы за твердое будущее границ наших и не ищем чужих земель в английских колониальных пределах, простершихся в Азии от Тегерана до Пекина, но и не позволим английскому штыку блестеть в долинах Ферганы и Коканда».

Границы Ферганской области до присоединения к России имели весьма расплывчатое и приблизительное изображение на картах. В условиях же реального соприкосновения с английскими владениями они легко могли стать яблоком раздора. По мнению Скобелева, Россия должна обезопасить себя в Европе, предприняв решительное движение за Тянь-Шань и заставить признать весь Ферганский Тянь-Шань русским.

Было известно, что Англия и Цинский Китай вели острую дипломатическую борьбу между собой за раздел сфер влияния в этом обширном горном регионе, где в ту пору проживали припамирские таджики и памиро-алайские киргизы. Могущественные кокандские ханы быстро сломали сопротивление разрозненных кочевых племен и обложили их непомерной данью. Болезни и нищета поглощали тысячи жизней. Немудрено, что киргизы были на грани вымирания. В поисках спасения взоры правителей горного края не единожды обращались к России. Просьбу о покровительстве нетрудно усмотреть в письме, которое пришло на имя Туркестанского генерал-губернатора: «Положение киргизов вам хорошо известно... Мы, несчастные кокандские подданные, могли бы избавиться от тиранства Худояр-хана и найти спокойствие». Положение киргизов Алая в некоторой степени облегчалось тем, что северные их сородичи уже присоединились к России, но лишь только по окончании Кокандского похода стало возможным совершить экспедицию в страну гор.

В «Туркестанских ведомостях» от 30 августа 1876 года говорилось, что К. П. Кауфман «приказал генералу Скобелеву двинуть небольшие отряды к горам, коим занять главнейшие выходы из гор в долину и идти с главными силами в восточную часть гор». Скобелев спешно, но без суеты, снарядил, подготовил и лично возглавил экспедицию за Алайский хребет.

Скобелев вел свой отряд по тропам, по которым доселе не ступала нога русского человека. Что ожидало ведомый им отряд на неизведанном и коварном пути? Вполне возможно, что он стал бы легкой добычей воинственных китайцев, ведь в его со-

ставе было всего лишь восемь рот пехоты, четыре сотни казаков, три горных орудия и ракетная батарея. Но все обошлось благополучно, ни китайцы, ни бродячие шайки памирских беков ни разу не потревожили экспедицию набегами. Скобелев без помех мог осуществить задуманное. Специалисты-этнографы, метеорологи, топографы трудились на совесть, обследуя и изучая обширный горный массив, населенный многочисленными кочевыми племенами. В редкие минуты отдыха Скобелев, словно очарованный странник, не мог без восхищения взирать на могучие и таинственные конусообразные пики, на удивительное переплетение караванных троп, на причудливую игру солнечных бликов в студеной брызгах водопадов, на веющие могильным холодом ущелья, на великолепие красок высокогорных лугов.

Неожиданно отряд натолкнулся на стоянку царицы Алая Курбаджан-Датхо. Вот что поведала русскому генералу женщина, наделенная недюжинным умом и облеченная безграничным доверием своего народа. Вот уже несколько лет она вела бесплодную борьбу со своими вассалами, каждый из которых стремился перетянуть на себя лоскутное одеяло, какими представлялись разбросанные луга и пастбища. Не далеко от подданных ушли и сыновья, бросившие мать на произвол судьбы и стремившиеся урвать свой собственный кусок. «Я устала от бесконечных распрей, желаю мира и покоя», — заявила Курбаджан-Датхо.

В русской прессе появилось сообщение о том, что Скобелев якобы пленил гордую царицу и привез ее в Фергану в обозе. Конечно, это был вымысел. Вероятнее всего, Скобелев пленил правительницу прежде всего обходительностью, желанием вникнуть в суть происходившего в этом обойденном Богом уголке. Царица Алая первой протянула руку и попросила Скобелева быть «тамыром», другом. Надо полагать, что жест этот не остался без ответа. Генерал покидал южную Киргизию в твердой уверенности, что границы российских владений, к слову, получивших реальные очертания, останутся незыблемыми и неприкосновенными. Курбаджан-Датхо с готовностью откликнулась на предложение принять русских купцов и обязалась соблюдать их интересы. Свое обещание правительница сдержала. За те две недели, которые провели подчиненные Скобелева во владениях царицы Алая, они сумели обучить киргизов незнакомой им ранее науке косябы. С этого момента она прочно вошла в их быт.

По возвращении в Фергану Скобелев засел за почту. С особой жадностью набросился он на столичные газеты. «Болгария в беде», «Славянская резня в Стамбуле», «Румыны отказываются платить дань султану» — вот только незначительная часть за-

головков, которыми пестрели петербургские и московские издания. Из таких сообщений Скобелев без труда сделал вывод — быть войне. Он спешно пишет письмо отцу и просит замолвить за него словечко перед государем, а самому царю, как полагалось, написал прошение. Не дожидаясь ответа, Скобелев стал прощупывать отношение к нему в Зимнем дворце через графа Адлерберга: «...Я считаю предложить себя на какую бы то ни было чистую должность в действующих войсках логическим последствием всего моего прошлого и поступить иначе я относительно самого себя не могу...» А в качестве пожелания: «...командовать бригадою, если возможно, то пехотною, в бою было бы для меня верхом счастья».

Ответ, полученный из канцелярии императора, обескуражил Скобелева — мол, он в качестве генерал-губернатора еще недостаточно проявил себя. Так дерзайте, генерал! Пользуйтесь благосклонностью государя и оправдывайте его доверие! И вот тут-то Скобелев решился на отчаянный поступок: хоть рядовым, но участвовать в войне. Призвав в союзники удачу, Скобелев выехал в Петербург.

ИЗ-ЗА ЧЕГО НАЧИНАЮТСЯ ВОЙНЫ

Ласковые лучи солнца, vyplывающего из-за нависших над зелеными долинами Балканских гор, теплые волны Черного моря, скользящие по золотистому прибрежному песку, гроздя спелого винограда, возвращенного заботливыми руками, пьянящий дурман известных во всем мире розовых плантаций — все это Болгария.

Однако красоты природы и благодатная земля, которая щедро одаривала народ, испокон веков живущий на ней, на протяжении многих столетий были лакомым куском для завоевателей. В описываемое время Болгария более пяти веков находилась под пятой турецкого владычества. Турки не мудрствуя лукаво обложили болгар непомерной данью. В народе горько шутили: дескать, только воздух остался бесплатным. За все остальное приходилось расплачиваться либо чистоганом, либо живностью, либо большей частью урожая. По неписаным захватническим законам болгары должны были содержать турецких чиновников и войска. О том, каким образом вскормленным на болгарских хлебах янычарам удавалось держать народ в узде, красноречиво говорят поэтические строки Ивана Вазова:

*Видел, как дома сжигают,
Превращая в дым и тлен?
Божью церковь оскверняют,
Молодежь увозят в плен.*

*Стариков изнеможенных
Злобно жгут в огне костров,
Убивают нерожденных,
Чрево матери вспоров.*

Скобелев не мог равнодушно читать сообщения российских и зарубежных газет о зверствах и издевательствах турок над болгарами. Единоверцы взывали о помощи. Предполагал ли тогда Скобелев, что на Балканской войне наступит его звездный час? Наверное, нет. Однако назвать мальчишеством поступок Скобелева, оставившего почетную губернаторскую должность, язык не поворачивается.

Пренебречь выгодами, которые сулило длительное пребывание на этом высоком посту, расстаться со спокойной жизнью, броситься в огонь сражений, без сомнения более жестоких и широкомасштабных, чем предыдущие, и, может быть, познать измену фортуны, до сих пор щадившей его, и сложить голову в одном из боев — вот ведь на что шел Скобелев. И в этом решении трудно усмотреть опрометчивость, если учесть, с какой глубиной и серьезностью он изучал положение южных славян и политическую обстановку, которая сложилась в Европе к середине семидесятых годов.

Эпицентром напряженности, готовой перерасти в вооруженный конфликт, стали Балканы. Здесь, как нигде на континенте, переплелись в единый клубок интересы Англии, России, Турции, Австро-Венгрии, Германии. По-разному глядели из министерских, императорских, султанских и президентских кабинетов на Балканский полуостров: одни с ненасытным желанием урвать кусок территории, другие с нескрываемой надеждой на то, что именно в этом районе наконец-то восторжествует справедливость и славянские народы обретут долгожданную свободу.

Началом первого этапа освободительной борьбы против турецкого господства стало вспыхнувшее в Герцеговине летом 1875 года восстание. Вслед за Герцеговиной поднялась Босния. Почти одновременно вспыхнуло восстание в отдельных районах Болгарии. Все это вызвало резкое осложнение ситуации в Европе.

Разрешить возникший кризис, получивший название восточного, взялись великие державы, но только с одной из них, с Россией, народы Балканского полуострова связывали свои надежды на поддержку в мужественной и справедливой борьбе. И они не ошиблись. Русский народ оказывал героическим повстанцам материальную помощь: от сбора средств на приобретение хлеба и оружия до непосредственной помощи медицинским персоналом. Росла год от года солидарность народов Рос-

сии с освободительной борьбой южных славян. На Балканы выехали десятки русских добровольцев.

Главные европейские государства в период восточного кризиса занимали различные позиции. Германия пыталась использовать его для ослабления России. Бисмарк рассчитывал втянуть ее в войну с Турцией, а затем стравить Россию с Австро-Венгрией, благо яблоко раздора, пресловутый восточный вопрос, не был решен. Россия, еще не совсем оправившаяся после Крымской войны и ее последствий, в начале восточного кризиса не имея возможности открыто проявлять чувства, заботилась лишь о сохранении своих позиций на Балканах и поддержания своего престижа среди братьев-славян. Что касается Англии, то ее желания несколько совпадали с желаниями Германии, но если Германия опасалась французской помощи России, то Англия просто мечтала, чтобы Россия увязла в кризисе и руки русского императора не дотянулись до границ с Индией.

Тем временем, пока плелись различного рода дипломатические интриги, на стороне Боснии и Герцеговины выступили Сербия и Черногория. Слабость их сил не вызывала сомнений, и потому весь ход боевых действий строился из расчета на помощь России. Но Россия на первом их этапе сохраняла нейтралитет, пытаясь дипломатическим путем решить балканскую проблему. Вступление в войну Сербии и Черногории вызвало в России новую волну всенародного сочувствия южным славянам. В движении помощи приняли участие все слои русского общества, призывавшие царское правительство активно вмешаться в войну, так как обстановка в Сербии, Черногории, Боснии и Герцеговине стала складываться явно не в их пользу. 19 октября 1876 года царское правительство предъявило Турции ультиматум. Султан принял его условия, поскольку не был подготовлен английскими суфлерами к столкновению с Россией, да и Англия в этот момент мало чем могла ему помочь. Но вероятность войны с Турцией не уменьшилась, наоборот, ее приближение с каждым месяцем ощущалось все больше.

Не менее драматические события развернулись в апреле 1876 года в Болгарии, народ которой решил покончить с турецким господством. С первых дней восстания в России с неослабным вниманием и сочувствием следили за ходом героической борьбы. Возглавлял ее Христо Ботев. Увы, восставшим не хватало ни оружия, ни опыта борьбы с регулярной армией. Исход был предрешен. Турки, по обыкновению, невероятно жестоко отплатили болгарам, вырезав несколько десятков тысяч человек, спалив дотла сотни сел и городов. Сам Ботев погиб.

Но даже явный неуспех апрельского восстания заставил со-

дрогнуться прогнившие основы Османской империи. В Стамбуле призадумались, и дабы уберечь страну от новых потрясений, 23 декабря 1876 года султан ввел в Болгарии конституцию. Но разве это то, о чем мечтали болгары? Надежда на свободу потонула в словесной казуистике. И единственным государством, которое могло помочь болгарскому народу решить задачу национального освобождения, была Россия. Но могла ли страна в тот момент поступиться значительной частью сил, которые собирались с невероятными трудностями? Наверное, нет.

От начала российских реформ прошло четырнадцать лет, однако за этот скромный, по историческим меркам, срок во внутреннем устройстве России произошли немалые перемены. Помещики утратили безраздельное право хозяйничанья на земле, умы россиян больше не содрогали сообщения о купле-продаже людей, набирало силу земское самоуправление. Законодательные вериги значительно полегчали, поубавилось прыти и у судебных чиновников. На слуху у россиян появились слова: «концессия», «банк», «земельная ссуда», «призывник».

Словно на дрожжах стало расти городское население, а оно пополнило ряды рабочих заводов и фабрик. Названия полукустарных мануфактур все реже мелькали в официальных бумагах и прессе, а затем и вовсе исчезли. Традиционные российские ярмарки стали набирать такие обороты, что исконно русские товары безудержно ринулись за границу и там выдержали жесткую конкуренцию. К началу войны с Турцией торговля России с внешним миром выросла по сравнению с 1861 годом аж в три раза! Казна могла без помех выделять средства на программы, направленные на улучшение образования, на развитие науки и культуры. Ничто и ничего не делалось без твердого соблюдения принципа безопасности России. И государь и его многочисленные помощники были убеждены, что все предпринятые шаги в политике, экономике, культуре благотворно скажутся на состоянии русской армии.

И в этом отношении какие-либо скоропалительные решения были пагубны и непредсказуемы по своим последствиям. Как, например, можно перейти в одночасье от ручного разлива меди, из которой отливалось большинство пушек, на непрерывную варку и разливку стали, которая была так необходима для современного вооружения? Каким образом за год или два можно наладить производство пороха, патронов, снарядов в количествах, необходимых для армии массовой? Каким способом и на основе каких пособий, уставов можно было в считанные годы подготовить кадровых офицеров? Какую систему требовалось принять, чтобы армия не имела недостатка ни в продовольствии, ни в фураже? И как можно за столь короткий срок внушить солдату, что отныне он не «полковой крепостной», а

человек, стоящий вровень с командирами? Отвечая на все эти вопросы, Д. А. Милютин незадолго до войны писал: «Внутреннее и экономическое перерождение России находится на таком фазисе, что всякая внешняя ему помеха может повести к весьма продолжительному расстройству государственного организма. Ни одно из предпринятых преобразований еще не закончено. Экономические и нравственные силы государства далеко еще не приведены в равновесие с его потребностями. По всем отраслям государственного развития сделаны или еще делаются громадные затраты, от которых плоды ожидаются лишь в будущем».

Вот в таком состоянии подошла Россия к началу войны.

Ф. Энгельс, который вовсе не сочувствовал России, очень точно отметил в письме к Л. Кугельману: «Война на Востоке, очевидно, скоро разразится. Русские никогда не имели возможности начать ее при таких благоприятных дипломатических условиях, как именно теперь. Зато военные условия менее благоприятны, чем в 1828 году, а финансовые крайне неблагоприятны для России, потому что ей никто не даст ни гроша займа»*.

Не в характере русского народа стоять в стороне и быть обычным созерцателем тяжких страданий болгар. Зверства турок вызвали чувство глубокого возмущения. По всей стране прокатилась волна негодующих протестов. Создавались славянские комитеты, усилилось движение поддержки славян в их борьбе против султанской Турции. В защиту прав мужественного и героического болгарского народа выступили выдающиеся русские ученые, писатели, художники: Д. И. Менделеев, Н. И. Пирогов, Л. Н. Толстой, И. С. Тургенев, И. Е. Репин и многие другие. По всей России начался сбор пожертвований. Вот одно из многих писем, посланных вместе с деньгами в один из комитетов крестьянами села Вязовый Гай Самарской губернии. Они писали: «По горькому опыту зная, как тяжело жить в несчастье... Знаем, что невелика наша помощь, состоящая в 143 руб(лях), но она приносится от чистого усердия и посильных средств не богатых людей, а мужей, жен и даже детей бедного сословия».

Забегая несколько вперед, скажем, что в день отъезда Скобелева из Спасского обитатели имения и крестьяне вручили ему небольшой мешок, туго завязанный бечевкой, в котором позвякивали деньги «на войну». Доподлинно известно, как Скобелев дорожил крестьянскими грошами и, раздавая их, присовокуплял зачастую и свои деньги особо отличившимся солдатам. Слова, которыми он сопровождал вручение трудовых денег, не оставляли сомнения в том, что они шли от сердца.

---

* Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 34. С. 169.

Человек, рискнувший в то время возвысить голос против войны с Турцией, вполне мог навлечь на себя всеобщий гнев и презрение. Наэлектризованность общественного мнения передалась и окружению императора. Точка зрения, что война — единственный способ преподнести предметный урок Турции, преобладала у царедворцев. Государь, считаясь с мнением света, все же гнул свою линию. Представлять ее пацифистской, а самого Александра II мягкотелым было бы неверно. Нередко обстоятельства брали верх, однако Александру Николаевичу не свойственно было принятие опрометчивых решений. В данном же случае речь шла о шаге непростом.

Государю были памяты и горький привкус порохового дыма, и черное, закопченное небо над Севастополем. Наследнику престола категорически возбранялось появляться на передовой, но в осажденном городе попросту невозможно было провести четкую разграничительную черту между фронтом и тылом. И те госпитали, в которых бывал великий князь Александр, не раз становились мишенью для обстрела. Цесаревич оказался свидетелем кровавой драмы и воочию познал изнанку боевых действий. Он поражался терпению израненных и искалеченных воинов, восхищался мужеством немногочисленного медицинского персонала, жертвенно служившего спасению человеческих жизней. Такое не могло пройти бесследно.

В понятии государя прочно сложились убеждения, что любая бойня есть цепь заблуждений и нежелания царей, королей и их министров признать политические просчеты в мирном решении противоречий. Однако представлять Александра II человеком, не обладавшим достаточной волей в защите интересов России, было бы глубоко ошибочно. Правило древних: «Хочешь мира — готовься к войне» император усвоил твердо и потому в числе наиглавнейших государственных забот считал преобразование армии.

За обустройством России Александр II не упускал из внимания обстановку насилия и жестокости, которая царила в православном славянском мире.

Внутреннее неприятие несправедливости сложилось отнюдь не случайно. Николай I не препятствовал сыну ни в познании учения славянофилов, ни в личном знакомстве с наиболее яркими представителями движения. Так будущий император попал под сильное влияние идей А. С. Хомякова, Ю. Ф. Самарина, князя В. А. Черкасского, И. В. Киреевского. Убежденные монархисты внушали Николаю I необходимость отмены крепостного права сверху, вынашивали идею объединения славян под эгидой России. Но если к предполагаемым реформам Николай Павлович относился с великим предубеждением, считая их не-

своевременными, то доктрину единения братьев-славян: русских, болгар, сербов — поддерживал целиком и полностью и положил в основу отношений с Турцией. Войны с Портой оправдывали его убеждения и глубокие симпатии к единоверцам. Подобные взгляды Николай Павлович стремился передать сыну, и в лице наследника российского престола намерения отца нашли достойного продолжателя.

В готовности народа и армии к очередному испытанию Александр II не сомневался и все же опасался совершить неверный шаг.

А к нему подталкивали как зарубежные недоброжелатели России, так и доморощенные ура-патриоты, не представлявшие последствий возможной неудачи. Труднее было с российским духовенством, которое рассматривало отказ от применения военной силы как малодушие монарха, сулившее потерю авторитета России в православном мире. Не исключалась такая ситуация, что, не найдя поддержки у России, болгары бросятся в объятия яркого русофоба папы Пия IX.

Мысль не допустить нежелаемого поворота событий нашла выражение в бескомпромиссном решении — прибегнуть к силе оружия. Император пришел к этому не наперекор, а в полном согласии со своей совестью. Так завершилась напряженная работа ума, сопровождаемая неимоверным напряжением физических и моральных сил. А ведь император был далеко не молод, в 1877 году ему исполнилось пятьдесят девять лет. И тем не менее это было трудное решение. Здесь следует отметить особую роль в России общественного мнения. Понимая неготовность страны к войне (мы уже писали об этом выше: еще шли военные реформы и армия не укрепилась, в экономическом отношении страна также не была сильна, в правящих кругах России не было необходимого единства в оценках восточного вопроса и методах его решения), государь как мог оттягивал наступление рокового часа. Но русское общество, его интеллектуальная элита, как всегда, отличались нетерпеливостью, нервозностью. Печать, порицая «жестokie методы турецкого управления, которые довели до отчаяния население», дружно зывала к мщению. «Русский мир», близкий к славянофильским кругам, открыто критиковал правящий кабинет за примирительную политику по отношению к Турции и близость с Австро-Венгрией. Россия призвана выполнить «долг, завещанный историей». Оскорбленное «русское чувство», не считаясь с объективными обстоятельствами, решительно подталкивало страну к войне, раздувая паруса. Медлительность и компромиссность Александра II встречались в штыки, началась травля государя. Но царь крепился долго, и тогда, когда уже «разогретое» обще-

ственное мнение готово было засыпать Зимний ядовитыми стрелами, рубикон был перейден, невзирая на то, что России, конечно же, война тогда была крайне нежелательна. Правда, за период челночной дипломатии 79-летнему министру иностранных дел А.М. Гочакову удалось добиться «доброжелательного нейтралитета» Австро-Венгрии и известных гарантий от враждебного вмешательства правительств Запада.

Готовился к войне и «больной человек» — так с 1839 года стали называть Турцию, хозяйство которой, до сих времен обширное, богатое и спокойное, стало разваливаться, потому и надежды на победу связывались лишь с «родственной помощью».

События в конце 1876 года разворачивались следующим образом. В России была проведена мобилизация, в результате которой численность Дунайской армии, предназначавшейся для ведения боевых действий против Турции на Балканском театре (одновременно на Кавказе переступала границу азиатской Турции Кавказская армия), достигла двухсот тридцати пяти тысяч человек. Во главе Дунайской армии стоял главнокомандующий, назначаемый самим царем и наделенный большими правами. Именно в руках главнокомандующего и его штаба находилась судьба всей предстоящей кампании.

Эпоха начала развития капитализма не способствовала появлению достаточно ярких, талантливых военачальников. Стычки с горцами на Кавказе и в Средней Азии не принимались всерьез. Ехать воевать с «халатниками» высшие чины считали ниже своего достоинства, поэтому делали карьеру на петербургских балах и в дворцовых интригах. И вдруг — война в Европе, притом с извечным врагом России, Турцией.

Главнокомандующим Дунайской армией государь назначил великого князя Николая Николаевича (старшего)*. Оценки личности родного брата императора и свершенных им деяний крайне противоречивы. В официальной прессе главнокомандующий представлен так: «Его красивая, стройная фигура на чудном коне появлялась с утра то там, то здесь перед войсками, которые, услышав его звонкий голос, его ласковый привет, радостно отвечали Его Высочеству, удваивая свое старание угодить ему, своему любимому начальнику. И войска не только любили, обожали его, потому что Великий князь был необыкновенным начальником». Вышеизложенное во многом соответствова-

---

* В. кн. Н. Н. Романов (1831—1891) — третий сын императора Николая I и императрицы Александры Федоровны. Генерал-фельдмаршал (1878). На должность главнокомандующего Кавказской армией был назначен в. кн. Михаил Николаевич (1832—1909) — четвертый сын от этого брака. Генерал-фельдмаршал (1878).

ло действительности. Обратимся к биографии Николая Николаевича.

Родился он 22 августа 1831 года. В день крещения порфирородного младенца отец возложил на сына знаки ордена св. апостола Андрея Первозванного*, Царское Село огласилось эхом орудийных выстрелов, а вечером столица России была красочно иллюминирована. Император Николай Павлович воспитывал в сыновьях чувство долга, с детства приучал вести непритязательный образ жизни. В шестилетнем возрасте великий князь встал в строй гвардейцев, а на следующий год получил из рук отца саблю, выслушав при этом напутственные слова: «Великий для тебя и для нас день... ибо сим знаком посвящаем на службу будущую брату твоему и родине...»

25 июня 1839 года Николай Николаевич с братом Константином стал кадетом I Кадетского корпуса. Боевая учеба и фронтовая служба закалили характер и во многом способствовали раннему взрослению. 1 июля 1846 года на плечах Николая Николаевича заблестели офицерские эполеты. В семнадцать лет он — капитан и в течение двух лет командует ротой, не прерывая занятий по военной истории, стратегии, тактике, топографии. В числе преподавателей — генералы П. П. Карцов, Д. А. Милютин.

Боевое крещение великий князь Николай Николаевич и его брат Михаил получили в Крымскую кампанию. Николай I рекомендовал главнокомандующему «не держать сыновей в тени», а в случае опасности они должны «собою подавать пример». Можно утвердительно сказать, что за месяцы, проведенные в Севастополе, великий князь Николай доказал, что он не трус, способен стойко переносить трудности неудачно складывающейся для русских войны, не робеет при артиллерийском и ружейном обстреле. За участие в сражении при Инкермане Георгиевская дума постановила наградить Николая Николаевича орденом св. Георгия IV степени. Э. И. Тотлебен по достоинству оценил и знания своего юного помощника в фортификации. Не случайно, что после смерти отца старший брат, император Александр II, поручил Николаю Николаевичу подготовку прибалтийских крепостей и других береговых укреплений к отражению возможной высадки десанта союзников.

---

* Точная дата учреждения ордена неизвестна (1697 или 1699 г.). Статут 1720 г. называет главой ордена Петра I, но сам царь был только шестым по счету кавалером ордена и принял его из рук первого кавалера генерал-адмирала Д. А. Головина. Павел I в «Установлении об орденах» регламентировал порядок получения ордена. Знак — косой андреевский крест синей эмали с изображением распятого святого. На концах креста — латинские буквы S A P R (в переводе «Св. Андрей покровитель России»). Девиз ордена — «За Веру и Верность». Великие князья получали орден при крещении, а князья императорской крови — по достижении совершеннолетия.

В годы переустройства вооруженных сил России Николай Николаевич возглавил государственную комиссию, которая направляла и контролировала ход преобразований. Невзирая на ограниченность средств, выделяемых казной, и организационные сбои, армия в значительной степени изменила свой облик, не потеряв боеспособности. Особое место в нововведениях занимал Петербургский военный округ, на базе которого осуществлялись многие начинания. Командовал округом с августа 1864 года великий князь Николай Николаевич.

И все же назначение его главнокомандующим Дунайской армией было под вопросом. Император Александр Николаевич, пожалуй, как никто иной, трезво оценивал военные дарования брата, считая их далекими от требований, которые предъявляет начальнику война. Ему не хватало стратегического мышления. Самого государя отличала глубина познаний военной теории, тщательная взвешенность решений. Будет уместно заметить, что роман императора с княжной Екатериной Долгоруковой породил семейные дразги, и для государя не являлось секретом, что брат вынашивает тайное желание сменить его на престоле, а война представляла прекрасную возможность завоевать всенародную популярность.

Портрет великого князя дополняют воспоминания офицера штаба Дунайской армии М. А. Газенкампа: «У него нет навыка всесторонне обдумывать сложные военные действия и делать общие распоряжения с надлежащим расчетом времени и в связи с действиями на других фронтах. Приказания его внезапны, отрывисты, без корней в прошедшем и без ясных расчетов на будущее. Убеждать его в необходимости тщательной примерки, прежде чем отрезать — напрасный труд: это слишком несогласно с его природными свойствами».

Государь стоял перед весьма нелегким выбором. Не утверди он брата главнокомандующим Дунайской армией — родня взвоят, назначь — греха не оберешься. Скрепя сердце государь все же объявил о назначении брата, а в подмогу ему решил дать полного тезку генерала Николая Николаевича Обручева*, кото-

---

* Обручев Николай Николаевич (1830—1904). Видный военный деятель эпохи Александра II и Александра III. Окончил 1-й Александровский сиротский кадетский корпус (1848). Службу начал прапорщиком в лейб-гвардии Измайловском полку. В 1850 году выпустил первый научный труд «Опыт истории военной литературы в России». В 1852 году поступил в Николаевскую Академию Генерального штаба, которую закончил с большой серебряной медалью. С 1854 по 1858 год возглавлял кафедру статистики в Академии. Основал журнал «Военный сборник» (1858). Генерал-майор (1866), генерал от инфантерии (1887). С 1881 по 1897 год — начальник Главного штаба и председатель Военно-Ученого комитета. Его именем назван один из фортов Кронштадта.

рый занимал пост начальника Военно-Ученого комитета Генерального штаба. Фактически этот комитет являлся оперативным отделом, где разрабатывался план войны с Турцией. Обручев был одним из главных его творцов. Поставив на плане размашистую резолюцию «Утверждаю», государь пытался склонить брата взять к себе начальником штаба Обручева, но великий князь встал на дыбы и наотрез отказался от такого помощника. Вероятно, сей отказ побудил государя принять решение самому отправиться на войну. Бережливый на солдатскую кровь, царь сознавал, что многое из того, что отражено на карте, может превратиться в прах, и потому убедил военного министра оставить обжитой кабинет. Н. Н. Обручев получил назначение на Кавказ. Великий князь Михаил Николаевич требовал не меньшей опеки, чем его брат.

Николай Николаевич был крайне неразборчив в людях и зачастую доверял ответственные посты либо абсолютным бездарям, либо проходимцам. Об их роли в кампании еще предстоит сказать. Совершенно неожиданным для многих оказалось назначение на должность начальника штаба Дунайской армии генерала от инфантерии А. А. Непокойчицкого, который до войны занимал скромную должность шефа 54-го Минского полка. Артуру Адамовичу было далеко за шестьдесят; с изрядной сединой в усах, зачесанных назад волосах и круглых бакенбардах он производил впечатление бодрого старика, хотя фигура и казалась сгорбленной. Непокойчицкий протащил за собой с добрый десяток прихлебателей, создававших суету в штабе без видимых результатов. Генерал, ценивший более всего собственное спокойствие, служил буфером в нередких столкновениях главнокомандующего с военным министром, а позднее и с Э. И. Тотлебенем. Царь заверил брата, что в управление войсками вмешиваться не будет, и крепко держал свое обещание. «...Нельзя не пугаться, — записал в своем дневнике Д. А. Милютин, — когда подумаешь, в чьих руках теперь это решение».

После разгрома апрельского восстания тысячи беженцев покинули Болгарию, и как только на горизонте забрезжила возможность вновь сразиться за поруганное отечество, многие из тех, кто был способен носить оружие, отправились в Кишинев, где под видом почетного конвоя главнокомандующего шло формирование болгарского ополчения. Во главе его был поставлен талантливый генерал русской армии Н. Г. Столетов. Неизвестно, как бы сложилась судьба Николая Григорьевича, если бы после окончания Московского университета он не отправился добровольцем для участия в Крымской войне 1853—1856 годов. Уже тогда общественное мнение относило его к образованнейшим людям России. Прекрасное знание нескольких

европейских и восточных языков позволяло Столетову хорошо ориентироваться в мировых событиях.

Свою службу он начал рядовым солдатом, причем выказал в сражениях замечательные образцы храбрости, за что был награжден высокой солдатской наградой — Георгиевским крестом, произведен затем в унтер-офицеры и закончил войну, имея офицерский чин. Свое военное образование Столетов завершил в Академии Генерального штаба. Благодаря своей храбрости, высокой образованности и добропорядочности он быстро завоевал заслуженный авторитет среди военных. С приближением войны с Турцией на Балканах в ноябре 1876 года Милютин поручил Столетову приступить к формированию болгарского ополчения из русских и болгарских добровольцев. Он лично осуществлял отбор лучших и опытных в военном деле офицеров. Русские офицеры и унтер-офицеры, занимавшие в ополчении должности командиров, с большой энергией взялись за боевую подготовку болгарских ополченцев.

Все, кто имел возможность наблюдать за обучением болгарских дружин, отмечали необыкновенное усердие и понятливость ополченцев. Напряженная программа одиночного курса подготовки была пройдена менее чем за месяц, а затем настал черед тактических учений. В письме к родителям прапорщик 5-й дружины Максющенко сообщал: «С утра до вечера все учения и стрельбы, даже и в праздники то самое». Всего было создано шесть дружин, составивших три бригады.

Будет уместно заметить, что перспективы применения ополченцев рисовались русскому командованию весьма туманно. В начале военных действий болгарским дружинам предстояло нести охрану коммуникаций Дунайской армии. Непредвиденное развитие событий в корне изменило отношение к болгарам. Их помощь оказалась как нельзя кстати. Ополченцы рвались в бой и на деле доказали, что время, потраченное на боевую учебу, не прошло даром.

Относительно политического устройства послевоенной Болгарии государь высказался более чем определенно: «Мы идем в Болгарию, чтобы принести им свободу, а не революцию». Александр II имел полное основание для такого высказывания. Болгарское национально-освободительное движение было крайне неоднородным. Болгары, воспитанники славянских комитетов и учащиеся русских учебных заведений, дальнейшую судьбу Болгарии видели только в монархии и в союзе с Россией. Раскиданные по всей Европе эмигранты (Болгарская оmlадина) желали утвердить в послевоенной Болгарии республиканское правление. Люди, верой и правдой служившие угнетателям, имели свой взгляд на развитие ситуации. По их мнению, для

десяти миллионов болгар наименьшим злом являлся патронаж Турции, слабеющий день ото дня. Временному правительству, куда входили известные патриоты Драгоман Цанков, Иван Вазов и другие, противостояло Одесское благотворительное общество.

Между этими группами шла постоянная борьба за влияние. Примечателен в этой связи инцидент, происшедший в начале мая 1877 года, когда русские войска уже подходили к Дунаю. Лидеры временного правительства обратились к соотечественникам с воззванием, в котором имелись и такие строки: «Народ болгарский! Ты сам устроишь свое правительство. Но до этого времени подчиняйся временному правительству, избранному патриотами». Одесситы выступили с не менее эмоциональным обращением, в котором упоминавшееся временное правительство называлось не иначе, как «фракция фантазеров». Усугублял раскол национальных сил некто Эммануил Богориди, рвавшийся безудержно на болгарский престол. Будучи человеком состоятельным, он много жертвовал на создание болгарских дружин и из кожи вон лез, чтобы завоевать доверие русского командования. Однако пыл претендента резко остудил князь А. М. Черкасский.

— Вы говорите по-болгарски? — задал он однажды вопрос Богориди.

В ответ прозвучало нечто невразумительное, и претендент более не возобновлял притязаний.

Князь Александр Михайлович Черкасский, гордившийся древностью своего рода, получил в среде военных корреспондентов прозвище «Бука». И только писатель Всеволод Крестовский, пользовавшийся неизменным доверием князя, был допущен в святая святых гражданского управления. В одном из номеров «Летучего военного листка», издаваемого Вс. Крестовским, князь поведал о задачах, которые призвано решать созданное им детище: «Я желаю только устроить сильную администрацию, возратить порядок и предоставить массе населения возможность улаживать свои общественные и частные дела при торжестве новых христианских принципов управления. Все остальное полагал бы предоставить самому болгарскому народу, который потом разберется в финансовых, судебных и других делах. Чем меньше мы предрешим в этом смысле, тем меньшая ляжет на нас ответственность за несовершенное устройство. В будущем связь Болгарии с Россией-Освободительницей должна быть основана на высших соображениях, а не на мелочном и надоедливом вмешательстве во внутренние дела».

Резолюция императора на приведенном выше документе была до предела лаконичной: «Я именно этого и желаю». Таким

образом принципиальный вопрос о послевоенном устройстве Болгарии был решен. В недружественных России странах раздался вздох облегчения — страна-победитель заранее отказывалась от намерения присоединить Болгарию к своим обширным владениям. Исчезла неясность и в кандидатуре правителя свободной Болгарии. Российский император стоял перед весьма сложной задачей. Династическая ветвь болгарских царей после пятивекового османского ига фактически пресеклась. Удовлетворить заинтересованные стороны мог только человек, к которому государь питал самые добрые чувства. До сих пор остаются загадочными обстоятельства, при которых принц Александр Баттенбергский*, родной племянник императрицы Марии Александровны, получил приглашение отправиться на театр военных действий, где, к слову, проявил незаурядную храбрость. Как показало время, одного этого качества оказалось недостаточно, чтобы управлять государством. Не подозревая, что он совершает великую ошибку, Александр II на протяжении всего своего пребывания в действующей армии оказывал молодому человеку внимание, достойное правителя государства. Тем самым другие претенденты на болгарский престол вскоре ушли в тень, а их имена перестали звучать.

...В начале марта 1877 года Скобелев приехал в Петербург. Столица встретила его густым и серым туманом, пронизывающим ветром и огромными лужами, через которые опасно прыгали пешеходы.

На привокзальной площади лихие петербургские извозчики наперебой предлагали свои услуги. Разносчики газет стаями сновали в толпе и звонкими мальчишескими голосами выкрикивали последние новости.

Скобелев подозвал извозчика.

— Куда изволите ехать, ваше-ство?

— На Моховую, — ответил Скобелев и сел в коляску.

Возница занес для удара хлыст и уже приготовился выдохнуть традиционное: «Эх, прокачу!», но генерал остановил его жестом: поезжай помедленнее. Бородач с некоторым удивлением посмотрел на Скобелева, и коляска как-то нерешительно тронулась с места. Скобелев распахнул шинель, откинулся на сиденье, достал из кармана письмо и в который уже раз за долгий путь от Ферганы до Петербурга пробежал глазами текст:

---

* Александр Баттенберг (1857—1893) — князь болгарский, второй сын принца Александра Гессенского от морганатического брака с фрейлиной при дворе Николая I Юлией Гауке. Участвовал в русско-турецкой войне. 29 апреля 1879 года избран народным собранием князем Болгарии. Отрекся от престола 7.09.1886 г. Закончил жизнь частным лицом.

«Генералу Скобелеву высочайше повелено немедленно прибыть в Петербург для направления в действующую армию».

До того как отправиться в Зимний дворец, Скобелев зашел в книжный магазин М. О. Вольфа. Сохранились воспоминания об этом визите.

— Михаил Дмитриевич, вы в Петербурге? — изумился Маврикий Осипович, сразу узнав в молодом генерале своего давнишнего клиента, когда-то бравого кавалергарда.

— Да, я сегодня утром приехал, и вот уже у вас. Надеюсь, найду у вас то, что мне нужно.

— Конечно, вы имеете в виду литературу о Балканах, о Турции? — догадался Вольф.

— Да... все равно на каком языке.

Пока Скобелев просматривал книги, Вольф заметил:

— Вы, Михаил Дмитриевич, конечно, едете в действующую армию?

— Да, еду, если только пустят. Но пока не знаю, какой ветер подует оттуда... — И он сделал жест рукой. Вольф понял этот жест. Для него, как для всего общества того времени, не было тайной, что на Скобелева косились в высших сферах, завидовали его успехам и победам в Средней Азии, и чтобы не дать молодому генералу случая показать свои способности в «серьезной войне», нарочито злословили, что его боевая слава дутая, и создавали вокруг его имени много сплетен и небылиц.

На представлении вновь зачисленных офицеров в свитские Александр II, не подав ему руки, резким тоном сказал:

— Благодарю тебя за молодецкую твою службу, к сожалению, не могу сказать того же об остальном... Я помню, я знал твоего деда, и я краснею за его славное имя... — Далее слова императора долетали до Скобелева словно издалека: — Я осыпал тебя милостями... Я надеюсь, что на новом назначении, которое я тебе дам, ты покажешь себя молодцом...

Скобелев недоумевал. Кому и зачем понадобилось очернить его? Вспомнились буквы латинского алфавита, которыми были обозначены недоброжелатели в известном письме к К. П. Кауфману. Теперь же, в столице, он без особого труда распознал, кто скрывался за этими символами. Видимо, эти люди и распростили слух о том, что он сбежал из Туркестана. На самом же деле генерал испросил, как и полагалось, разрешения у Кауфмана. Однако это обстоятельство не принималось в расчет, и свет стал пережевывать очередную порцию лжи. Поговаривали, будто за столь самовольный поступок государь решил разжаловать Скобелева в солдаты. Слухи плодились и множились, создавая ему репутацию генерала-сорвиголовы. Она еще более утвердилась, когда Скобелев прилюдно дал отповедь одному из царе-

дворцев, который посмел высказать в разговоре с ним сумасбродную чушь, дескать, «война портит войска». Известно ли было этому высокопоставленному клевету, что война в Средней Азии заставляла жить офицера солдатской жизнью? Трудности были общими, и зачастую Скобелеву, как и другим командирам, приходилось делиться последним глотком воды, уступать свою лошадь больному, идти пешком в общем строю, а на привале спать рядом с солдатами у одного костра. И когда о каком-либо офицере говорили «туркестанец», то в это слово вкладывали глубокий смысл: значит, этот человек не трус, не дрогнет в любых обстоятельствах, всегда придет на помощь в трудную минуту, он любим и уважаем солдатами, то есть близок им, что, по дворцовым меркам, было более чем предосудительно. И уж совсем верхом неприличия считалось, когда подчиненные обращались к начальнику по имени-отчеству. Вот как вспоминает об этом капитан Михайлов: с первого знакомства Скобелев попросил «пореже козырять ему и называть просто Михаилом Дмитриевичем, а не господином полковником». А ведь это являлось полнейшим нарушением субординации. Но Скобелев сознательно пренебрегал ею, стремясь установить столь необходимое в бою взаимопонимание до того момента, когда загремят выстрелы.

После такого более чем холодного приема Скобелев чуть не решил подать в отставку. И лишь только сознание необходимости принять участие в войне заставило его согласиться с назначением на должность начальника штаба в дивизию, которой командовал отец. Когда он узнал у Милютина, кто назначен главнокомандующим Дунайской армией, у него невольно вырвалось: «Не может быть!» С чувством глубокого разочарования покинул Скобелев Петербург и, прежде чем отправиться в Кишинев, где располагался штаб Дунайской армии, заехал в Спасское.

...Скобелев хорошо помнил эту комнату. Еще ребенком он спал здесь и, приезжая, каждый раз останавливался в ней. Ему казалось, что не было ни грохота сражений, ни времени, ушедшего безвозвратно, а были лишь светлые юношеские мечты о будущем. Утром, когда он проснулся, широкие полосы солнечного света пробивались в окна. Он долго стоял у окна. Там, за расстилавшимся в долине туманом, виделась ему другая земля.

Несколько дней в Спасском пролетели быстро. И вот уже резвая тройка мчит Скобелева на станцию. Позади остались сотни верст пути — и он уже в Кишиневе. Сразу бросилось в глаза: для такого небольшого города на улицах много военных. Ну что ж, значит, война близка. Представившись главнокоман-

дующему, Скобелев сразу почувствовал, что петербургский дух неприязни к нему и здесь. Скобелев оказался в обстановке, отличной от среднеазиатской. Его, боевого генерала, участника многих сражений, окрестили победителем «халатников». Среди приближенных великого князя нашлись даже такие, что высказывали прямо в лицо: мол, ему «следует позаботиться заслужить отличия, украшавшие его грудь». И Скобелеву часто вспоминался разговор с Кауфманом, происшедший незадолго до его отъезда.

— Из тебя может выйти великий полководец, только...

— Только что? — перебил Кауфмана Скобелев.

— А то, что не дадут тебе, душа моя, ходу. Слишком ты талантлив и слишком прямо ко всему приступаешь. У нас ты до седых волос должен исполнять чужие глупости, а потом уже получить право приводить в исполнение свои. У нас не хотят понять одного, что Наполеоны как подчиненные никуда не годятся. Им надо давать простор и ответственность.

Чиновные штабисты Дунайской армии прекрасно сознавали, что назначение Скобелева-2, как теперь стали именовать Михаила Дмитриевича, в дивизию к отцу, явно не вызовет удовольствия ни у того, ни у другого. В штабе армии демонстративно дистанцировались от генерала и любые его деловые предложения отменялись с порога. Обширные военные знания, многолетний боевой опыт остались невостребованными. И если Скобелев, натура живая, хлопочущая энергией, проявлял инициативу, высказывал свое мнение, Непокойчицкий тут же осаживал его: «Ступайте и сидите у своей палатки, пока я не позову вас». «Этому мальчишке нельзя доверять и роты солдат», — ядовито шипели генералы, окружавшие главнокомандующего.

Скобелев глубоко переживал обстановку, сложившуюся вокруг него.

В «мозге армии», каким во все времена считался штаб, распространился слух, что Скобелеву вскоре предложат отправиться назад, в Азию. Такой исход, учитывая прямоту суждений «белого генерала», был весьма вероятен.

Здесь, в штабе Дунайской армии, известный русский художник-баталист В. В. Верещагин был представлен, к своему большому удивлению (как пишет он в своих воспоминаниях), «молодому генералу Скобелеву». — «Я знал в Туркестане Скобелева» — говорю ему... — «Это я и есть!» — «Вы?! Может ли быть, как вы постарели; мы ведь старые знакомые». Скобелев порядочно изменился, возмужал, принял генеральскую осанку и отчасти генеральскую речь, которую, впрочем, скоро переменял в разговоре со мной на искренний дружеский тон».

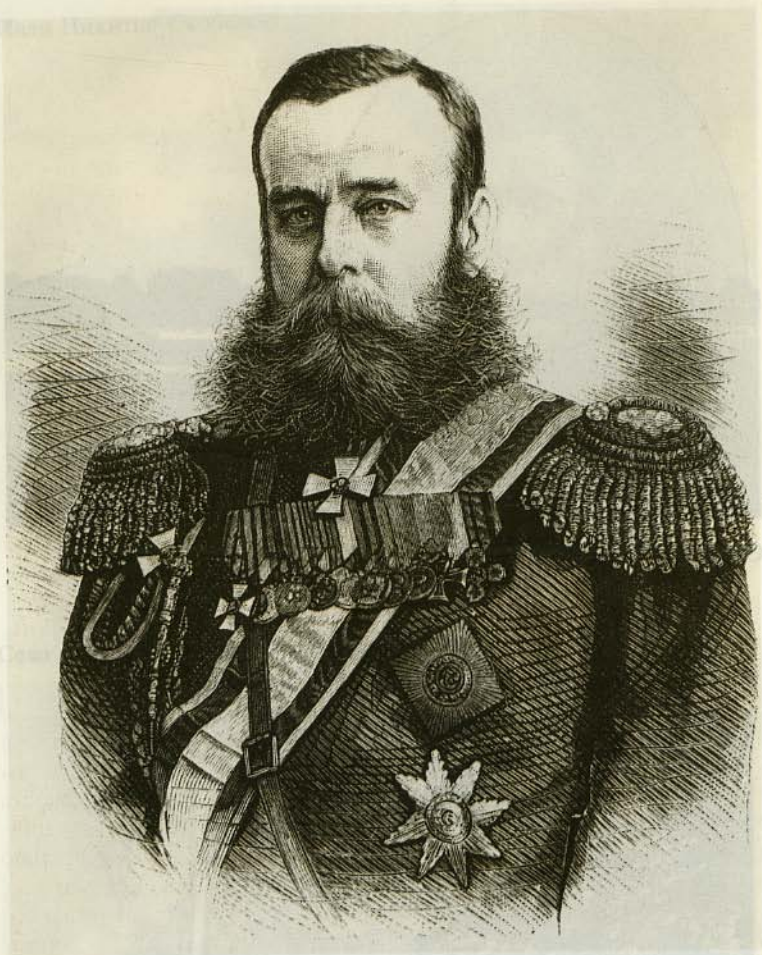
В ОЖИДАНИИ ВОЙНЫ

9 апреля в Кишинев прибыл царь. Все со дня на день ждали объявления войны. И вот наконец этот день настал. 12 апреля на скаковом поле были собраны для парада войска, расположенные в городе и поблизости от него. Царь приехал со свитой. Преосвященный архиепископ Хотинский и Кишиневский Павел зачитал манифест об объявлении войны Турции*. Беженцы-болгары горячими возгласами встретили последние слова документа, а царь, сидевший верхом, настолько был взволнован, что едва сдерживал слезы. После чтения манифеста состоялся торжественный молебен, а затем полки прошли церемониальным маршем. Александр II в сопровождении адъютантов стал объезжать войска.

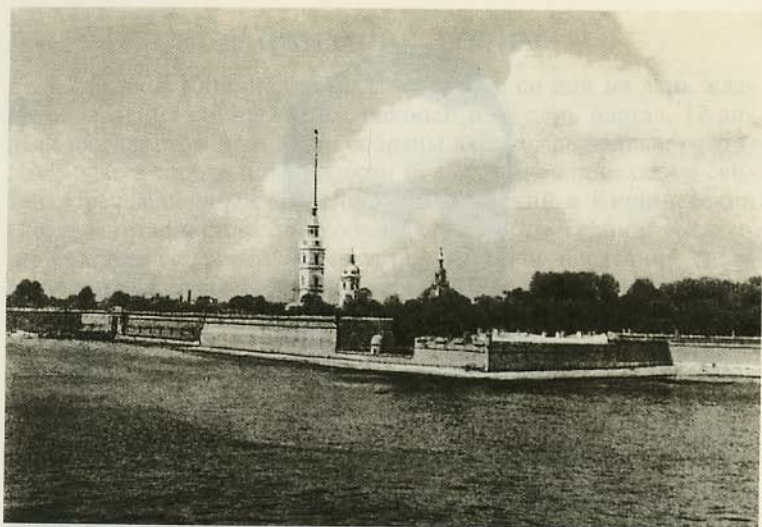
Закончив объезд, император, оглядев плотные ряды войнов, взволнованно воскликнул: «Прощайте! — но, почувствовав неуместность обмолвки, поправился: — До свидания. Возвращайтесь со славой. Да хранит вас Бог!» На следующий день об объявлении войны Турции знала вся страна. Манифест гласил: «Всем нашим любезным верноподданным известно то живое участие, которое Мы всегда принимали в судьбах угнетенного христианского населения Турции. Желание улучшить и обеспечить положение его разделяет с Нами и весь Русский народ, ныне выражающий готовность свою на новые жертвы для облегчения участи христиан Балканского полуострова. Кровь и достояние наших верноподданных были всегда Нам дороги; все царствование Наше свидетельствует о постоянной заботливости Нашей сохранять России благословения мира. Эта заботливость оставалась Нам присуща ввиду печальных событий, совершившихся в Герцеговине, Боснии и Болгарии. Мы первоначально поставили Себе целью достигнуть улучшений в положение восточных христиан путем мирных переговоров и соглашения с союзными дружественными Нам великими европейскими державами. Мы не переставали стремиться в продолжение двух лет к тому, чтобы склонить Порту к преобразованиям, которые могли бы оградить христиан Боснии, Герцеговины и Болгарии от произвола местных властей. Совершение этих преобразований всецело вытекало из прежних обязательств, торжественно принятых Портой перед лицом всей Европы. Усилия Наши, поддержанные совокупными дипломатическими настояниями других правительств, не привели, однако, к желаемой цели. Порта осталась непреклонною в своем решительном отказе от всяко-

---

* В этот же день в Петербурге канцлер А. М. Горчаков вызвал к себе турецкого поверенного и вручил ноту с объявлением войны.

Mr. Andrew G.

Санкт-Петербург. Петропавловская крепость.

Комендантский дом, где родился М. Д. Скобелев.

Иван Никитич Скобелев.

Село Спасское — имение Скобелевых.

Дмитрий
Иванович
Скобелев.

Ольга
Николаевна
Скобелева.

Справка. По журналу Правленія Санктпетбургскаго Университета

Августа 1 дня 1861 года, *Михаил*
Дмитріевъ сынъ Скобелевъ
изъ *Дворянъ*, 18 лѣтъ, *Православ-*
наго — вѣроисповѣданія, принятъ въ
число *свокоштаныхъ* студентовъ въ 1^ю
курсъ, по *Математическому*
разряду, о чемъ 23 Сентября сообщено Совѣту Уни-
верситета за № 2203, Инспектору Студентовъ за № 2204,
и Бухгалтеру Правленія за № 2205.

Справка о зачислении
М. Д. Скобелева
в Санкт-Петербургский
университет.

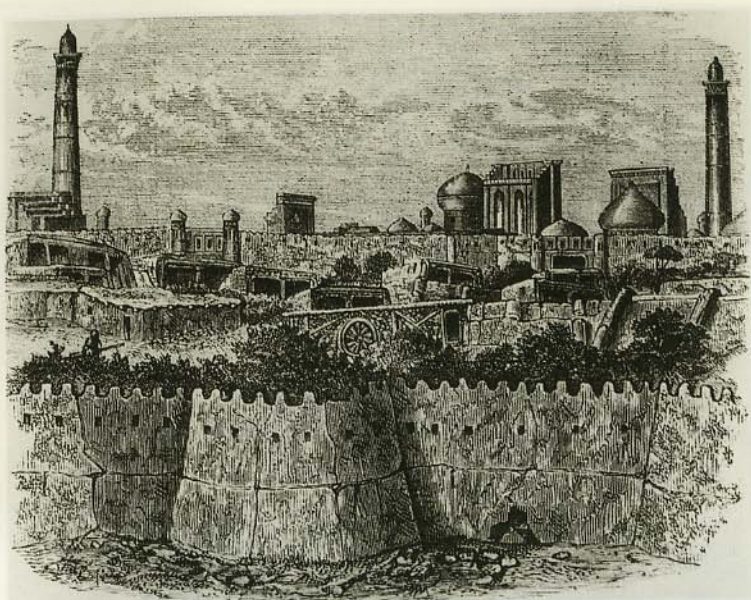

М. Д. Скобелев —
юнкер Кавалергардского
полка.

М. Д. Скобелев — поручик Гродненского полка.

Вид Хивы.

Генерал
К. П. Кауфман.

Великий князь Николай Николаевич —
главнокомандующий Дунайской армией.

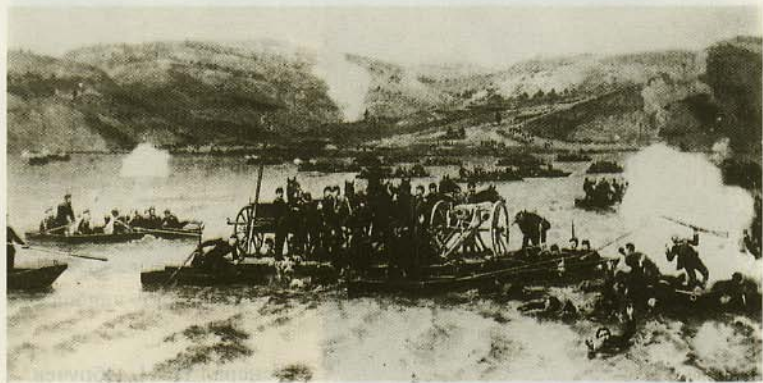
К. П. Кайгородов

Генерал М. И. Драгомиров.

Переправа русских войск через Дунай.
Художник Н. Д. Дмитриев-Оренбургский.

Военный
министр
Д. А. Милютин.

Генерал Н. Н. Обручев.

Цесаревич Александр Александрович.

Генерал-майор
М. П. Гурьев
М. П. Гурьев

Генерал Н. Г. Столетов.

Майор Ф. М. Горгалов.

Князь
А. К. Имеретинский.

Генерал-майор
М. Д. Скобелев.

Император
Александр Николаевич.

Император Александр Николаевич на позициях под Плевной.

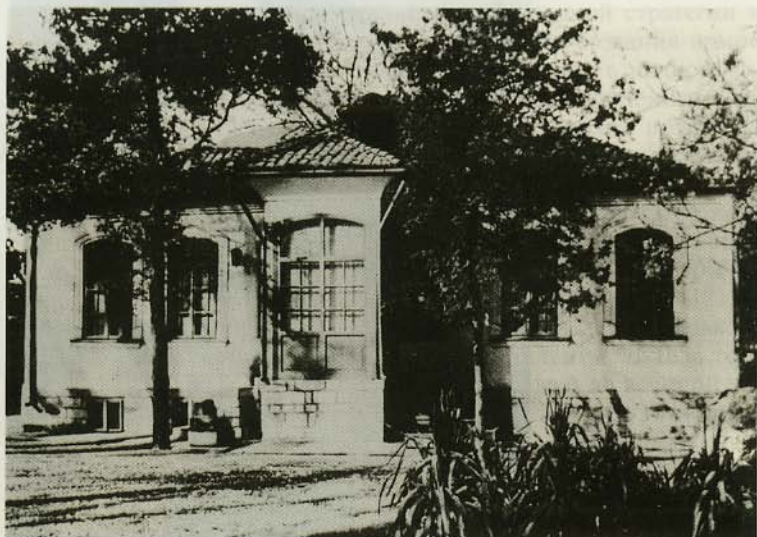

Художник
В. В. Верещагин
с Георгиевским
крестом, которым
обменялся
с М. Д. Скобелевым.

Дом военного губернатора в Плевне. Ныне музей М. Д. Скобелева.

Личные вещи М. Д. Скобелева, хранящиеся в музее г. Плевны.

Бюст
М. Д. Скобелева.
г. Плевна.
Скульптор
А. Спасов.

го действительного обеспечения своих христианских подданных и отвергла постановления Константинопольской конференции. Желая испытать для убеждения Порты всевозможные способы соглашения, Мы предложили... особый протокол... Порта не вняла единодушному желанию христианской Европы и не присоединилась к изложенным в протоколе заключениям.

Исчерпав до конца миролюбие Наше, Мы вынуждены высокомерным упорством Порты приступить к действиям более решительным. Того требуют и чувство справедливости, и чувство собственного Нашего достоинства. Турция отказом своим поставяет Нас в необходимость обратиться к силе оружия... Ныне, призывая благословение Божие на доблестные войска Наши, Мы повелели им вступить в пределы Турции».

Как видно, манифест полностью отражал и настроение русского народа, и дипломатические усилия правительства в решении мирным путем восточного кризиса, и поэтому он был восторженно встречен всеми слоями русского общества. Европа же настороженно встретила известие о начале русско-турецкой войны.

Для правильной оценки хода военных действий взглянем на вооруженные силы России и Турции, на Балканский театр военных действий и планы сторон.

Реформа военно-учебных заведений, о которой было уже сказано, являлась лишь частью коренных преобразований, неразрывно связанных с именем военного министра Дмитрия Алексеевича Милютина. Именно он, реалистично оценивая изменения, происшедшие в вооружении, в военной стратегии и тактике, в подготовке войск, выдвинул задачу создания армии массовой, способной вести боевые действия как в полном составе, так и отдельными группировками, сосредоточенными на важнейших стратегических направлениях. Новизна воззрений главного реформатора российских вооруженных сил не оставляла сомнений.

Происходил Д. А. Милютин из небогатых дворян. По окончании Благородного пансиона при Московском университете в 1833 году поступил на военную службу. В 1836 году окончил Военную академию. Служил в Генеральном штабе, в 1839—1845 годах — в войсках Кавказской линии и Черноморья. В 1845—1856 годах — профессор Военной академии. В 1856 году был назначен членом комиссии «для улучшений по военной части», в которую представил записку о коренной реорганизации армии. В 1860 году — товарищ (заместитель) военного министра. С 1861 года он возглавил военное министерство.

К чести Дмитрия Алексеевича, он не обособлял реорганизацию армии от плана обустройства России и, как здравомысля-

щий политик, понимал, что реформы не только изменят облик Отечества, но и вдохнут новые силы в русский народ. Незыблемыми даже при самых радикальных изменениях, помышлял Милютин, должны оставаться монархия, православная вера и готовность воинства российского положить живот свой за царя и Отечество. Милютин напроочь отметал слепое подчинение солдат, ратовал за их достойный быт, за обучение грамоте.

Чтобы пробить брешь в стене неприятия, Милютину пришлось взяться за перо. В своих трудах он настойчиво доказывал взаимосвязь политики и войны, «единство теории военного искусства с предметами наук политических». Много из того, что непреклонно отстаивал военный министр, встречалось в штыки. Совсем не случайно, что Закон о всеобщей воинской повинности появился только в 1874 году, то есть через тринадцать лет с начала реформ.

В общих чертах смысл военной реформы заключался в следующем: упразднялась рекрутская система комплектования, значительно, до семи лет, сокращались сроки службы, упор был сделан на улучшение подготовки офицерского состава, на изменение системы обучения войск. С величайшим трудом возрождался принцип обучения солдата тому, что ему необходимо на войне. Территория России делилась на четырнадцать военных округов, а дивизии сводились во вновь восстановленные корпуса. Это значительно упрощало управление и способствовало развитию инициативы высшего командного состава.

На бумаге все выглядело гладко, а вот на деле реорганизация армии, которую тормозил высший генералитет, шла чересчур медленно. Решать проблему обучения войск приходилось в постоянной борьбе с рутинерами. И поэтому велика была ценность трудов М. И. Драгомирова по вопросам боевой подготовки, воинского воспитания и тактики армии. В них он обосновал необходимость улучшения индивидуальной подготовки солдата, добиваясь от него самостоятельности действий на ратном поле, обстоятельно излагал и требования к офицерскому составу в умении руководить войсками в боевых условиях.

Военные действия в Средней Азии не могли показать степень боевой подготовленности войск ввиду ограниченности масштабов и относительной слабости неприятеля, значительно уступавшего в организации и вооружении. И только крупная война, как, например, война с Турцией, могла стать подлинным экзаменом результативности реформ Милютина и методов подготовки войск Драгомирова. Но даже такой передовой человек, как Драгомиров, еще не полностью отрешился от взглядов прошлого («пуля — дура, штык — молодец», — рассуждал от-

важный генерал) и, не полагаясь на мощь современного огня, рекомендовал по-прежнему выделять вперед в цепь только «восьмую часть солдат роты, а основную массу их использовать в сомкнутых строях». Такое построение казалось единственным, обеспечивающим дисциплину солдата, его повиновение в бою офицеру и якобы улучшавшим управление.

Если подготовка пехоты опиралась на печальный опыт Крымской кампании, то кавалерия и его не имела. Реорганизация конницы осуществлялась на ощупь, задачи, которые предстояло решать кавалерийским частям в бою, выглядели весьма неопределенно. А ведь современная война требовала от них не только высокой боевой выучки, но и умения решительно действовать в конном строю, совершать стремительные набеги и длительные переходы. Увы, такое многим регулярным частям, высшей мерой готовности которых было отменное умение гарцевать на парадах, оказалось не по силам. И только казачья конница, как и в былые времена, выглядела собранной и боеспособной.

По традиции, артиллерия русской армии представляла внушительную силу. Но и в подготовке артиллерии имелись серьезные изъяны. Недостаточно четко обозначились принципы сосредоточения огня, явно недооценивались возможности маневра. К началу войны артиллерия в русской армии имела значительное численное превосходство над турецкой, и это в какой-то мере компенсировало ее слабые стороны.

В шестидесятых — восьмидесятых годах XIX века, по образному выражению Д. А. Милютина, возникла «несчастливая ружейная драма», смысл которой состоял в том, что русское военное министерство заказывало один за другим различные образцы ружей, но, не успев внедрить как следует один, прекращало выпуск, и предприятия приступали к другому. К началу русско-турецкой войны армия имела на вооружении три типа ружей. Соперничать по дальности и точности огня с ружьями, поставляемыми западными державами турецкой армии, могла лишь винтовка Х. Бердана — «берданка», которой было вооружено менее двадцати процентов солдат действующей армии.

Российское военное командование не располагало достоверной картиной состояния армии противника. Сведения о турецкой армии носили крайне противоречивый характер, и потому в высших кругах те, кто реально оценивал вооруженные силы Турции, оказались в меньшинстве. Характерна по этому поводу выдержка из дневника М. А. Газенкампа, который через несколько дней после начала войны сделал следующую запись: «Вообще, настроение у нас самоуверенное: все убеждены, что война кончится одним ударом и что к сентябрю все будем до-

ма». И это ошибочное представление просуществовало до тех пор, пока русским войскам не пришлось столкнуться с противником на поле брани.

Что же в действительности представляла собой в то время турецкая армия? Высшие посты в ней занимали военачальники, чья личная преданность султану не вызывала сомнений. Генералы интриговали, стараясь выгородить перед верховным правителем свои военные дарования. Обстановку, царившую в высшем турецком командовании, очень точно обрисовал Иззет-Фуад-паша в своей книге «Упущенные благоприятные случаи»: «Из всех офицеров... меньшинство правильно получили свои чины; большинство же было обязано ими протекции». Фаворитизм, каприз заменяли «выбор» и «старшинство».

Султан опекал своих выдвиженцев, словно малых детей, но и те, из боязни потерять теплое местечко, действовали с оглядкой на своего благодетеля и строили козни соперникам. По сути, турецкая армия не имела военной доктрины, и в предвидении боевых действий генералы уповали на волю Аллаха и просчеты противника. Однако рядовой и младший командный состав турецких войск представлял серьезную силу. Солдаты отличались дисциплиной, жестокостью, выносливостью. Дух армии поддерживали муллы, неизменно подогревавшие ненависть к неверным.

Организационно турецкая армия перестроилась на основании закона, изданного в 1869 году, и делилась на кадровые войска, запас и ополчение. Основной тактической единицей стал табор, практическая численность которого составляла от шестисот до шестисот пятидесяти человек, в кавалерии численность табора превышала немногим сто человек. Вооружение турецкой армии было в общем удовлетворительное. Большая поддержка Англии и Германии сделала свое дело: и по вооружению, и по количеству боеприпасов она несколько превосходила русскую армию. Поэтому вооруженные силы Турции представляли сильного противника и борьба с ними предстояла нелегкая. Скобелев, обладавший недюжинными военными познаниями и воинской интуицией, одним из немногих догадывался, что война с Турцией будет кровавой и жестокой.

К трудностям будущей войны можно отнести и сложные условия местности — серьезная водная преграда Дунай и значительный по высоте, а следовательно, и труднопреодолимый пояс Балканских гор. Эти преграды в большой степени усиливали возможности турецкой армии и поэтому расценивались как основные рубежи, на которых, вероятнее всего, следовало остановить русские войска. Балканский театр действий располагался в

близости к тыловым базам Турции, чего нельзя было сказать о русской армии — тот же самый Дунай вследствие небольшого количества переправ служил препятствием для бесперебойного снабжения войск.

ПЕРЕПРАВА

До начала войны с Турцией русские дипломаты вели напряженные переговоры с румынским князем Карлом Гогенцоллерном (Румынским) — выходцем из известного немецкого княжеского рода, давшего Европе с добрый десяток правителей, — о пропуске русских войск через территорию Румынии, существовавшей как отдельное княжество, зависимое от Турции и платящее ей дань. С войной России и Турции Румыния связывала надежды на полное свое освобождение от Порты, и поэтому князь Карл подписал 4 апреля Конвенцию, по которой разрешался пропуск войск Дунайской армии через территорию княжества. В назначенный день 24 апреля войска Дунайской армии перешли границу и четырьмя колоннами двинулись через Румынию к Дунаю. Этот поход частей закончился 12 мая, и русская армия поначалу заняла почти семисоткилометровый участок левого берега нижнего Дуная от Браилова* до Черного моря.

...В нескольких верстах от железной дороги расположился небольшой зеленый городок Плоешти. Дороги, ведущие к нему, густо заполненные многочисленным людом: солдаты в полной амуниции двигались по своим маршрутам, скрипящие обозные повозки, толпы народа на улицах, среди прохожих много офицеров, щеголеватый вид которых говорил о том, что где-то поблизости находилась квартира главнокомандующего. Господа генералы ожидали приезда царя.

Царский поезд шел медленно, часто останавливался на станциях, на которых толпился народ. На одной из таких остановок встречать царя вышли ветераны русско-турецких войн. На правом фланге стоял седой как лунь фельдфебель с многочисленными наградами на изрядно потертом мундире. Александр II, поблагодарив его за ратный труд, спросил, чего бы пожелал старый воин.

- Прошу принять меня снова на службу...
- Хорошо, куда же ты желаешь поступить?
- В отряд генерала Скобелева, — отвечал старик.

Так народное мнение, в отличие от официального, отдало предпочтение «белому генералу», видя в нем будущего героя войны.

---

* Браилов — ныне город Брэила.

В Плоешти произошла встреча отца с сыном. Они долго не виделись. Дмитрий Иванович выглядел сущим казачьим атаманом. Окладистая рыжая борода, обрамлявшая лицо, и низкорослый конь, с которым отец казался слитым, усиливали такое впечатление. В дивизии его звали Паша́. Скобелев-1 знал это и не обижался. Соскочил с коня. Протянул руку. Обнялись.

— Ну что ж, значит, вместе.

— Значит, вместе.

О молодом генерале в дивизии уже слышали и интересовались, что он за человек. Любопытство вопрошавших было удовлетворено. Сведения, добытые о Скобелеве-2, свидетельствовали о том, что начальник штаба — храбрый офицер.

Вместе отцу и сыну удалось быть недолго. Казачью дивизию, которой они командовали, вдруг ни с того ни с сего расформировали и создали две отдельные бригады. Причина расформирования стала известна несколько позднее. Александр II имел двоих племянников, герцогов Лихтенбергских — Николая Максимилиановича и Михаила Максимилиановича, напросившихся в действующую армию, а так как все вакансии оказались занятыми, то и пришлось поступиться двумя боевыми генералами. Скобелевы были «причислены к лику святых», то есть назначены в свиту царя. Но если Скобелев-1 смирился с таким решением: «Плечью обуха не перешибешь», то не в характере Скобелева-2 было находиться без дела в Главной квартире императора. В нее входило несколько сот чинов разного рода, и для ее передвижения с одного места на другое требовалось семнадцать поездов или триста — триста пятьдесят подвод. Затеяться среди такой массы немудрено. Скобелев-2 рассудил по-своему и договорился с Драгомировым, начальником 14-й пехотной дивизии, о своем зачислении к нему в ординарцы. Случай редкий: генерал-майор в роли ординарца у генерал-майора, но в том-то и дело, что Скобелев, даже находясь в этой скромной должности, хотел извлечь пользу — у Драгомирова было чему поучиться, и он не стеснялся учиться, спрашивал, стремясь оказать посильную помощь.

Михаил Иванович Драгомиров встретил войну в пятидесятилетнем возрасте и оказался в должности, явно не соответствующей его военному дарованию. За его плечами осталась учеба в Дворянском полку, где долгие годы на мраморной доске отличников-выпускников красовалась его фамилия. Золотая медаль Николаевской Академии Генерального штаба, которую он окончил в 1856 году, и поездка за границу для изучения военного дела стали первыми шагами к пребыванию в адъютантуре и получению профессорского звания.

За тридцатилетним профессором и заведующим кафедрой в военной среде прочно укрепилась репутация новатора в тактике, передового военного мыслителя, хранителя традиций. И не случайно Александр II прибег к услугам М. И. Драгомирова, пригласив его для чтения лекций сыновьям Александру и Владимиру. Великие князья восходили по ступенькам военной карьеры уверенной поступью и вскоре обошли учителя: им было доверено командование корпусами. Так внутреннее несогласие с принципами обучения войск Драгомирова, а тем более «стро-го морального отношения к солдату-человеку» обернулось для него более чем десятилетним пребыванием в чине генерал-майора.

В отношениях со Скобелевым Драгомиров словно отбрасывал возрастную разницу на двадцать три года — Скобелев и Михаил Иванович хорошо знали и понимали друг друга. Жена Драгомирова вспоминала, что о любимом военном деле они говорили без конца, что вместе они были прелестны, умели вовремя уступать друг другу и понимать с полуслова.

Популяризатор наследия А. В. Суворова, отстаивавший «науку побеждать» применительно к современным условиям, Драгомиров решительно боролся с «наполеоновщиной». Ох, и доставалось Скобелеву от Драгомирова! «Да как же можно слепо копировать то, что творилось на полях сражений в начале века?! — горячо доказывал Михаил Иванович. — Не спорю, гениальное надо хранить, но и приумножать». Драгомиров предостерегал своих учеников от верхоглядства, от пренебрежительного отношения к противнику, убеждал, что успеха достигает тот генерал, который не чурается простого солдата, знает его душу.

Драгомиров, обладавший широкими, демократичными взглядами, сумел увлечь Скобелева своими идеями. И совсем не случайно он пренебрег официальным мнением и принял предложение боевого генерала, волею обстоятельств оказавшегося не у дел. Опасения гнева свыше если и тревожили Драгомирова, то не в такой степени, чтобы они смогли заставить его отказаться от надежного помощника в лице Скобелева: новый ординарец трудился на совесть.

Он брался за любое начинание, лишь бы оно было полезным для общего дела. С его помощью размещались артиллерийские батареи. С несколькими гребцами Скобелев обследовал Дунайские острова, через которые позднее протянулся понтонный мост, а однажды перебрался на турецкую сторону и разведал расположение неприятельских батарей. Скобелев предложил переправить часть конницы вплавь и продемонстрировал, что такой вариант возможен, однако из-за боязни, что многие

лошади не выдержат столь трудного плавания, проект отклонили. Напрасно ему твердили об опасности подобных поступков. Риск придавал притягательную силу задуманному им. «Через несколько дней давно желанный бой, — пишет он в письме к Кауфману, — есть надежда быть в первых при переправе. Молю Бога не ударить лицом в грязь...»

Где бы ни находился Скобелев — в Журже*, в Бии, в Зимнице**, — он учился и читал беспрестанно. Одному ему известным способом Михаил Дмитриевич умудрялся добывать иностранные журналы и сочинения военных теоретиков. Неизменный блокнот хранил записи и практические выкладки, которые вполне могли пригодиться в ходе боевых действий.

Приближался день, назначенный для переправы через Дунай. По ночам, соблюдая меры маскировки, у будущего места переправы в районе Зимницы сосредоточивались войска. Для пущего заблуждения противника распространили слух, будто форсирование состоится у Фламунды. Артиллерия в течение трех дней бомбардировала Никополь***, располагавшийся в верховьях Дуная, и Руцук****, находившийся в низовье реки. Все делалось для того, чтобы турки не обнаружили истинного места переправы главных сил русской армии.

Первой предстояло осуществить переправу дивизии под командованием М. И. Драгомирова. И выбор этот вовсе не случаен: он хорошо знаком с теорией переправ, его перу принадлежал труд «О высадке десантов в древнейшие и новейшие времена». Но одно дело теория. Война порой ниспровергает своей жестокой практикой даже самые лучшие из них, однако данный пример переправы русских войск через Дунай и по сей день является классическим, тем более что незадолго до переправы русских войск Махмет-Али-паша поклялся султану в том, что «утопит русскую армию в Дунае».

14 июня вечером войска, предназначенные для переправы на турецкий берег, в совершенной тишине выстроились и спустили понтоны на воду. В 2 часа ночи 15 июня отбыл первый рейс. Ночь выдалась темная. Низко над землей плыли облака. Сильный ветер заглушал плеск весел. Через 45 минут понтоны причалили к берегу, и высадившиеся из них войска были встречены лишь одиночными выстрелами турецких сторожевых постов. Берег был крут и высок, но тишина и ловкость, с которой солдаты карабкались по обрыву, позволили без лишних потерь занять его и открыть огонь по турецким укреплениям у Систо-

---

* Журжа — ныне город Джурджу.

** Зимница — ныне город Зимнича.

*** Никополь — ныне город Никопол.

**** Руцук — ныне город Русе.

во, обеспечивая тем самым высадку десантов следующих рейсов. Подтвердились сведения о противнике, которыми располагало командование: около места переправы, непосредственно рядом с городом, у турок была одна бригада — семьсот человек и одна батарея и у Вардена, в трех километрах от переправы находилось три тысячи триста человек с одной батареей. Правда, в Рушуке, в шестидесяти километрах от Систово, располагалось свыше двадцати одной тысячи турок и у Никополя, в сорока трех километрах от Систово, еще около десяти тысяч человек, однако эти силы могли прибыть к месту десанта лишь через сутки, что при нормальных темпах переправы (один рейс за два часа) заставило бы их вступить в бой со всей русской армией. Это еще раз свидетельствует об удачном выборе места для переправы.

После высадки десанта турки начали подтягивать войска от Систово и Вардена. Огонь турецких батарей становился все более яростным. Передовые части дивизии Драгомирова вступили в бой.

С третьим рейсом переправились начальник 14-й дивизии Драгомиров, Скобелев, штаб и адъютанты. Только отчалили от берега, как на лодку обрушился град пуль, полетели щепки, брызги обдавали людей, но, к счастью, переправились благополучно. На берегу шумел бой. В тумане сверкали огни выстрелов, слышались крики, команды. Драгомиров понял: что-то не ладится. К тому же не все части дивизии успели высадиться: сильное течение и ветер относили лодки южнее намеченной цели. В результате роты перемешались и управление подразделениями ослабло. И тем не менее плацдарм все расширялся. К девяти часам утра турки отступили повсюду. Дело могло считаться блистательно законченным, но еще на правом фланге шла яростная перестрелка, и Драгомиров, видя, что огонь турок наносит ощутимый урон наступавшим на этом участке, отдал распоряжение приостановить продвижение. Ординарцы бросились выполнять поручение, но, видно, оно не дошло, под рукой никого не было, и тогда Скобелев обратился к Драгомирову:

— Хочешь, я пойду?

— Сделай милость, я тебе в ножки поклонюсь, — ответил Драгомиров, и Скобелев не мешкая отправился в самую гущу боя.

Как всегда, одетый в белый мундир, он шел не спеша в виноградники, где расположились цепи стрелков и куда турки направляли весь свой огонь. Драгомиров наблюдал, как Скобелев, слегка пригнувшись, останавливается у залегшей цепи, дает

---

* Систово — ныне город Свиштов.

указания, и вот линия стрелков выравнивается, огонь становится не беспорядочным, дружные залпы разят цель. Затем Скобелев поднял солдат в атаку, и противник оставил позиции.

Вот что писал в своем рапорте генерал М. И. Драгомиров: «С нашей стороны было немало подвигов беспримерного мужества со стороны как нижних чинов, так и офицеров... Не могу не засвидетельствовать также о великой помощи, оказанной мне Св(иты) Е(го) В(еличества) г.-м. Скобелевым, принимавшим на себя с полной готовностью все назначения, не исключая и ординарческих, и о том благотворном влиянии, которое он оказывал на молодежь своим блистательным и неизменно ясным спокойствием».

К двум часам дня основные силы русской армии переправились на турецкий берег. Город Систово был взят. По мере того как бой удалялся, из укрытий выходило болгарское население, стекались из соседних деревень люди. Болгары восторженно приветствовали братушек — русских солдат.

На другой день через Дунай переправился царь. На турецком берегу сводная рота грянула «ура», когда император со свитой сошел на берег. Тут же произошло награждение. Первым Александр II вручил орден св. Георгия III степени М. И. Драгомирову. В этот день он был щедр на награды: на груди великого князя-главнокомандующего засиял орден св. Георгия II степени, а у Непокойчицкого — III степени.

В окружении генералов Александр II сказал: «С малолетства сроднившись с армией, я не вытерпел и приехал, чтобы разделить... труды и радости».

Многие офицеры полагали, что целесообразнее было бы, если бы царь делал это, находясь в Петербурге. Страна на значительное время лишилась не только главного распорядителя судеб россиян, но и большей части людей, занимавших в государстве ключевые посты*.

За самовольное участие в переправе великий князь устроил Скобелеву разнос и объявил выговор. В окружении брата императора не скупилась на подленькие характеристики: «...как человек ненадежен, обманет, продаст, оклеветает, чтобы лучше самому обрисоваться». Совсем по-иному о Скобелеве отзывался Драгомиров: «Если бы Скобелев был плут насквозь, то не стерпел бы и пустил бы гул, что удача этого дела (переправы) принадлежит ему, а между тем, сколько мне известно, такого гула не было. Нужно... сказать, что напросился он сам на пере-

---

* Вместе с Александром II на театр военных действий прибыли сын великий князь Сергей Александрович, командир лейб-гвардии Преображенского полка, граф А.В. Адлерберг, министр двора и уделов, шеф жандармов Н.В. Мезенцов, военный министр Д. А. Милютин и др.

праву и я его принял с полною готовностью, как человека, видавшего уже такие виды, каких я не видел; принял, невзирая на опасения, что Скобелев все припишет себе, и... не ошибся... Во всем этом он явил себя человеком весьма порядочным».

Возможно, Скобелев мог и обойтись без этого геройства, но оно не было показным: ведь большинство офицеров и солдат дивизии Драгомирова приняли боевое крещение, и поэтому выдержка, хладнокровие и распорядительность Скобелева оказывали положительное воздействие на еще необстрелянных воинов. Понятно и стремление Скобелева проявить себя — не век же ему оставаться в скромной должности ординарца. Существовал, правда, другой путь — интриги, не прекращавшиеся даже здесь, на войне, но это было не в его характере.

Поступку Скобелева дал высокую оценку не только генерал Драгомиров, он попал и на страницы газет, поэтому главнокомандующему поневоле пришлось обратить внимание на Скобелева, прислушиваясь вместе с тем к гнусному шипению окружающих его: «К чему эта рисовка, к чему? Он просто хочет показать, что недаром получил свои кресты».

ХОРОШЕЕ НАЧАЛО — НЕ ВСЕГДА ПОЛОВИНА ДЕЛА

Переправа оказалась всего лишь небольшим эпизодом в военной судьбе М. Д. Скобелева. Но война углубила дело, начатое еще его родителями, она продолжала лепить его характер и, как Роден, отсекая все лишнее, высвечивала его личность.

С переходом корпуса Ф. Ф. Радецкого, в состав которого входила 14-я дивизия, а за ним и других русских войск на правый берег Дуная война вступила в новую фазу — она стала совместной войной русских и болгар за очищение Болгарии от чужеземных угнетателей. За Дунаем русские войска продолжали наступление по трем направлениям — на запад, юг и восток. Западному отряду (около тридцати пяти тысяч человек) под командованием генерала Н. П. Криденера предстояло выйти на линию Никополь — Плевна* и взять Плевну — важный узел дорог северо-западной Болгарии.

Войскам, наступавшим на юг, предписывалось овладеть горными проходами, связывающими северную Болгарию с южной, и в частности Шипкинским перевалом, через который шла наиболее удобная дорога на Адрианополь. Эту задачу поручили передовому отряду генерала И. В. Гурко. Он был энергичен, крут и пользовался авторитетом в армии. По многим своим

---

* Плевна — ныне город Плевен.

взглядам он был близок Скобелеву. Небольшому отряду (вместе с болгарскими дружинами двенадцать тысяч человек при сорока орудиях) предстояло действовать в отрыве от главных сил и решать важную задачу захвата перевала. К сожалению, несмотря на частные успехи, Гурко, теснимый превосходящими силами противника, задачу не выполнил.

В то время, когда генерал Гурко приближался к Шипкинскому перевалу с юга, с севера к нему спешил Н. И. Святополк-Мирский с частью сил, выделенных из корпуса Радецкого. Соединение двух отрядов намечалось на 5 июля, однако этого не произошло, так как передовой отряд все еще вел тяжелые бои у подножия южного склона.

Святополк-Мирский не знал об этом, но, выполняя поставленную задачу, начал фронтальную атаку перевала в назначенное время и понес тяжелые потери.

6 июля в штабе армии получили донесение. Князь Святополк-Мирский сообщал: «Согласно приказанию была начата вчера, 5 июля, атака Шипкинского прохода, но так как ожидаемый отряд генерал-лейтенанта Гурко в тыл туркам не вышел, то Орловский пехотный полк должен был отступить перед громадным превосходством в силах неприятеля, занимающего сильно укрепленные позиции. Орловский полк вел себя героически, но потерял до двухсот человек. Прошу подкрепления безотлагательно». Главнокомандующий решил подкреплений не высылать, но вызвал к себе Скобелева и сказал:

— Поезжай, поправь дело.

И Скобелев поправил. Он скрытно сосредоточил три роты и утром 7 июля повел их в атаку при поддержке артиллерийской батареи и ружейного огня остальных рот полка. Перед такими решительными действиями турки не устояли и разбежались. В 2 часа дня Скобелев лично донес Гурко, что в укреплении на перевале турок нет.

Поначалу успешно развивалось наступление и на других направлениях. Западный отряд с боем овладел турецкой крепостью Никополь, в плен сдались семь тысяч человек со ста тринадцатью орудиями. Восточный отряд под командованием сына Александра II — Александра Александровича (будущего царя Александра III) сковал противника у крепости Рушук. Как будто оправдывались помыслы о легкой победе. По этому поводу находившийся в штабе Дунайской армии В. А. Соллогуб писал: «Совершалось нечто странное. Следование по Румынии не встретило никакого препятствия. Переправа через Дунай ознаменовалась почти ничтожной потерей. Теперь последняя естественная оборонительная линия Европейской Турции отдавалась без боя... Война как будто приближалась к концу. Упоми-

вание о первых молодцах, перешедших Балканы, ясно свидетельствовало, что за первыми молодцами последуют вторые и что театр войны скоро перенесется к окрестностям Царьграда*. Кампания обращалась в триумфальное шествие».

По-иному смотрело на первоначальные успехи русских войск турецкое командование. Как показывают документы, опубликованные после войны, турки предвидели возможность переправы русских войск через Дунай и поэтому исходили из своего плана, где в качестве первого рубежа сопротивления намечался Дунай, однако, в этом плане предусматривалось, что «так как нельзя удержать всю оборонительную линию Дуная от Мачина до Виддина**, то с наступлением войны надлежит завлекать неприятеля в глубь страны и там дать ему сражение... что... в противном случае, отойдя к Балканам и удерживая Варну, Бургас и разные важные пункты в районе Балкан, нам следует стараться не дать противнику распространиться».

27 июня крупный турецкий отряд под командованием Осман-паши, преодолев за шесть дней расстояние в двести километров, опередил русские войска и занял оборону в районе Плевны. Н. П. Криденер, которому предписывалось ее взятие, протоптался на месте в сорока километрах от Плевны в полном бездействии и неведении того, где находится противник. Сосредоточение в Плевне значительных турецких сил создавало угрозу флангового удара по Дунайской армии.

Осложнилось положение и у Шипкинского перевала из-за явного нежелания организовать разведку противника и определить характер его действий. Турки сосредоточили в южной Болгарии сорокатысячную армию под командованием Сулейман-паши. Своими активными действиями он вынудил отряд Гурко отступить за Балканы и со всей силой обрушился на Шипкинский перевал, обороняемый совместно пятитысячным русским отрядом и несколькими болгарскими дружинами под общим командованием генерала Н. Г. Столетова.

4 августа Столетов доносил Радецкому: «Весь корпус Сулейман-паши, видимый нами как на ладони, выстраивается против нас в восьми верстах от Шипки. Силы неприятеля громадны, говорю это без преувеличения; будем защищаться до крайности, но подкрепление крайне необходимо».

Однако Радецкий, введенный в заблуждение разведкой, ждал Сулейман-пашу оттуда, где его не было, и подкрепления, конечно, не прислал. В результате этого малочисленный рус-

---

* Царьград — древнерусское название Константинополя. Ныне город Стамбул.

** Виддин — ныне город Видин.

ско-болгарский отряд в течение трех суток сдерживал натиск противника, имевшего почти пятикратное превосходство. На исходе третьего дня боев положение героев Шипки стало отчаянным. Русским позициям грозило полное окружение. Лишь теперь Радецкий привел на Шипку стрелковую бригаду и дивизию Драгомирова, которые, совершив многокилометровый марш по горам, с ходу вступили в бой, и тем самым угроза окружения была устранена. Сулейман-паша еще не раз пытался взять перевал, но без успеха. С этого момента началось знаменитое «шипкинское сидение» — славная страница в истории боевого содружества болгарского и русского народов.

После упомянутого эпизода, когда Скобелев с Орловским полком пробил дорогу навстречу передовому отряду, генерал вновь оказался не у дел. Он терпеливо дожидался своего часа, а в это время в центре событий оказалась Плевна.

ПЕРВАЯ И ВТОРАЯ ПЛЕВНА

В котловине, окруженной со всех сторон высотами, на которых раскинулись обширные виноградники, утопая в густых утренних туманах, рассеивающихся порою только к полудню, спрятавшись в массу зелени и блестя на солнце черепицей крыш и белыми до боли в глазах минаретами и домами, — такой предстала Плевна перед взорами русских солдат. Но не сказочная красота города и его окрестностей стягивала сюда батальон за батальоном. Плевна со своим тридцатитысячным гарнизоном угрожающе нависла, ошетилившись жерлами орудий, над флангом русской армии. Небольшой исторический экскурс. Русские знали Плевну со времен 1810 года, когда доблестный отряд генерала Воронцова освободил город. В знак победы крепостные стены с бойницами были разрушены. Но Осман-паша захватил город и с помощью европейских инженеров возвел редуты, современные оборонительные укрепления, Плевна превратилась в мощную крепость, окруженную рвами и траншеями.

25 июня сотня казаков совершила дерзкую вылазку и заняла город, но уже на следующий день была выбита авангардом войск Осман-паши. Вся его огромная армия сосредоточилась в Плевне к исходу 27 июня и немедленно включилась в инженерные работы.

Разведка отряда генерала Ю. И. Шильдер-Шульднера, которому было поручено взять Плевну, прозевала подход турецких войск и, даже проведя рекогносцировку боем, не выявила в Плевне значительных сил неприятеля. Решение последовало незамедлительно — атаковать. Авось обойдется. Но коль про-

тивник слаб, атакующий может быть сильнее везде, и 8 июля утром войска в колоннах, не ожидая особого сопротивления, двинулись на приступ.

Каково же было удивление Шильдер-Шульднера, когда на ведомые им войска обрушился шквал огня. Оказалось, что турки за время пребывания в Плевне возвели несколько редутов, из которых не только жестоко обстреливали наступающих, но и совершали успешные вылазки. Сражение превратилось в погром. Шильдер-Шульднер потерял управление войсками, и все обернулось бы печально, если бы турки, опасаясь отрыва от укреплений, не прекратили преследования разбитых полков. Потери русских оказались катастрофическими — две с половиной тысячи человек.

Но этот, казалось бы, тревожный сигнал не насторожил русское командование, и поиски причин поражения отложили до лучших времен. А дальше произошло следующее.

Главнокомандующий приказал Н. П. Криденеру вновь всем отрядом атаковать Плевну. На сей раз к противнику отнеслись более уважительно. Однако разведка так и не сумела определить точное количество турецких войск, истинное начертание обороны и не выявила ее слабые стороны. Численность Плевненского гарнизона турок, по донесению разведки, выглядела устрашающей: шестьдесят тысяч человек и семьдесят орудий. Криденер засомневался в успехе сражения и даже накануне второй атаки Плевны, отдав диспозицию на бой, запросил окончательное решение главной квартиры. Ответ был краток: «Покончить с делом при Плевне возможно скорее». Тем более что, наконец-то, главнокомандующий располагал сведениями об истинной численности турецких войск: пехоты — восемнадцать тысяч человек, конницы — тысяча двести человек, орудий — пятьдесят четыре. Какими же силами располагали русские? Пехота — двадцать восемь тысяч восемьсот человек, кавалерия — три тысячи пятьсот человек, артиллерия — сто семьдесят орудий. Такой перевес в силах удалось создать благодаря передаче Западному отряду двух пехотных бригад из состава корпуса князя А. И. Шаховского. Войска под его командованием насчитывали двенадцать батальонов и сорок восемь орудий. Этой группировке предстояло действовать против южных укреплений турок. Сам же Криденер возглавил основные силы — двадцать четыре батальона и девяносто два орудия. Войска стали деятельно готовиться к штурму. Им предстояло атаковать в лоб редут у деревни Гривица. Криденер посчитал, что это — ключ позиции. Учел генерал и печальный опыт первого штурма, создав для прикрытия на флангах небольшие отряды.

Один из них получил под команду генерал-майор М. Д. Ско-

белев. В его распоряжение поступила Кавказская казачья бригада, батальон Курского полка и 8-я горная Донская батарея.

Прежде всего Скобелев с вверенным ему отрядом решил провести разведку и тщательно обследовать местность, на которой ему предстояло действовать. Легкие на ход ноги кавалеристы проникали иногда на окраины самой Плевны. И тут обнаружилось, что сила и мощь турецких укреплений дутые... Скобелев пытался доказать князю Шаховскому, своему непосредственному начальнику, что редуты укреплены только с фронта и город совершенно не защищен с юга, а дорогу, ведущую от Ловчи (по ней беспрепятственно в Плевну шли подкрепления и обозы), легко перерезать одним полком. Казалось бы, чего проще — коль в хваленой обороне существует слабое место, так и бей всеми силами по нему. Увы, к огорчению Скобелева, от его предложений, суливших немалые выгоды, и Шаховской, и Криденер отмахнулись. Начальник Западного отряда пребывал словно под гипнозом и помышлял не о разгроме турок, а о том, как бы своим отступлением не навредить Главной квартире, которая находилась в недалеком тылу.

Туманным утром 18 июля начался второй штурм Плевны. Русские батареи с девяти часов утра начали обстреливать турецкие укрепления, турки отвечали огнем своих орудий. Артиллерийская подготовка явно не давала заметных результатов, особенно это было очевидным на правом фланге, где наносился главный удар по Гривицкому редуту. Здесь боем управлял сам Криденер. Войска генерал-лейтенанта Шаховского атаковали южные укрепления турок. Между отрядами пролегал такой широкий овраг, что ни о каком взаимодействии не могло быть и речи. Штурм не удался. Криденер и Шаховской вынуждены были отступить.

Шаховскому грозил полный разгром, если бы не действия Скобелева. Он еще ранним утром под покровом густого тумана со своим отрядом скрытно подошел к деревне Кришин и оставил возле нее полковника Тутолмина с восемью сотнями солдат и восемью орудиями. Чуть позже сюда подошел майор Домбровский с одним батальоном Курского полка и четырьмя орудиями. Сам Скобелев возглавил авангард из двух кубанских сотен и четырех орудий. Используя плохую видимость, авангард подошел под самые стены Плевны. Когда туман рассеялся, Скобелев обнаружил между Гривицкими высотами и городом неприятельскую пехоту численностью до десяти тысяч человек, а по дороге в Плевну движение кавалерии. И вот завязался бой. Орудия дали залп по скоплению турецкой пехоты. Противник опешил. Турки, полагая, что атакованы большими силами, сосредоточили на этом рубеже сначала шесть, а затем восемь ору-

дий. Густые цепи пехоты, поддерживаемые конницей, двинулись в атаку, но Скобелев умело отвел свой отряд на главную позицию к деревне Кришин. Ведя бой, он постоянно поддерживал связь с Шаховским. Получив известие о том, что Шаховской занял два укрепления, Скобелев двинул в контратаку свой крошечный отряд, предварительно выслав казацьи заслоны во фланги.

Перед наступающими была поставлена четкая задача: занять господствующую высоту. На нее уже устремились турки, чтобы обойти Шаховского. Дабы создавалась видимость большого количества атакующих, Скобелев построил боевой порядок из двух цепей: первая начинала движение, вторая поддерживала ее ружейным огнем. Невзирая на жестокий огонь турок, одна из рот достигла гребня и, поддержанная с фланга казацьей сотней, ударила в штыки. Своим четырем орудиям Скобелев приказал занять высоту рядом. Выбор позиции оказался удачен. Батарея продержалась на ней до конца боя, а выстрелы ее были настолько точны, что в дуэли с турецкой батареей последней пришлось замолчать.

Хотя противник непрерывно атаковал, Скобелев держал в неприкосновенности свой резерв из трех рот, памятуя о главном — прикрытии фланга на случай появления противника из Ловчи. Однако узнав, что Шаховской с трудом отбивается от наседавших турок, а со стороны Ловчи, по сведениям разведки, противника не ожидается, он не раздумывая ввел в четыре часа дня в бой все, что имелось под рукой, оставив лишь взвод у знамени. И сделано это было очень своевременно: в рядах защитников осталось несколько десятков человек. Некоторые начали отходить, как вдруг на белоснежном коне, весь в белом, размахивая саблей, появляется Скобелев впереди наступающих рот. Звучит его знаменитый призыв: «Вперед, ребята!» В ответ раздается громкое «ура!». Солдаты бросаются в штыки. Перед неожиданным натиском турки не устояли и бежали до самого городского предместья. Встреченный здесь плотным огнем турок, отряд Скобелева отошел под защитный огонь своей батареи. Еще два часа сдерживали защитники высоты турецкие атаки. Когда стемнело, Скобелев отдал распоряжение оставить позицию после того, как будут подобраны все раненые. Под прикрытием казаков подразделения отошли к деревне Кришин. Там Скобелев получил приказание князя Шаховского отступить к Боготу*.

Мал золотник да дорог. Дорогим и нужным оказался небольшой фланговый отряд для отступавших войск князя Ша-

---

* Богот — ныне город Бохот.

ховского. Попытка согнать эту назойливую осу с Зеленых гор стоила туркам больших потерь. Приковав к себе значительные неприятельские силы, отряд Скобелева намного облегчил положение войск князя Шаховского и уберег их от разгрома. Вот как после этих событий докладывал главнокомандующему о Скобелеве представитель Генерального штаба полковник П. Д. Паренсов, участвовавший в действиях отряда: «Заслуга свиты Его Величества генерал-майора Скобелева в деле велика: он своим верным быстрым военным глазомером сразу оценивал положение дел и выбирал надлежащий образ действий, затем своим блистательным спокойствием и распорядительностью, в адском огне, своим геройским личным примером воодушевлял войска и сделал их способными на чудеса храбрости. Одна лошадь под ним убита, другая ранена. Когда пришло время отступить, генерал-майор Скобелев слез с коня и, вложив саблю в ножны, лично замыкал отступление».

Во второй атаке Плевны русские потеряли более семи тысяч человек, а турки — лишь тысячу двести, причем более половины именно там, где действовал фланговый отряд Скобелева. Но Осман-паша не рискнул покинуть Плевну и не стал преследовать отступавших.

Второе плевненское поражение русских породило всплеск русофобии. Иностранная пресса трубила со злорадством: «Военный престиж громадной России изорван в клочья столь пренебрегаемыми турками». Русская же печать находилась в шоковом состоянии и вместо заготовленных цветастых фраз о победах приходилось использовать весь словарный запас русского языка, чтобы изложить смысл событий таким образом, что, дескать, хотя и не победили, но и не проиграли. В русском обществе и армии второе поражение произвело тягостное впечатление.

К. П. Победоносцев в одном из своих писем к бывшему ученику великому князю Александру Александровичу писал: «Мы здесь в ужасном состоянии все, в невообразимом волнении и страхе, вследствие неожиданных неудач под Плевной и после того... Внезапно, посреди быстрых успехов, начались неудачи, — очевидно, от ошибок, от непредусмотрительности, от неосторожности со стороны распорядительных властей. Вмиг доверие к этим властям потрясено, и теперь всевозможные неудачи представляются воображению... Народные умы ужасно взволнованы теперь; и теперь по случаю совершенной неизвестности и наших неудач всюду слышится ропот».

Причины осечки во втором штурме Плевны, по мнению выдающегося русского медика С. П. Боткина, заключались в следующем: «Всякая неудача должна позором ложиться на тех, ко-

торые не сумели пользоваться этой силой (русским солдатом. — Б. К.); вглядываясь в наших военных, особенно старших, так редко встречаешь человека со специальными сведениями, любящего свое постоянное дело; большая часть из них знакомы только с внешней стороной своего дела — проскакать бойко верхом, скомандовать: «Направо, налево», да и баста! Много ли из них таких, которые следят за своей наукой, изучают свое дело? ...Много ли у нас таких, которые с любовью занимаются своей специальностью? Они все наперечет».

В его же воспоминаниях находим: «Кто же виноват во всех неудачах? Недостаток культуры (военной. — Б. К.), по-моему, лежит в основе всего развернувшегося перед нашими глазами... надо трудиться, надо учиться, надо иметь больше знаний, и тогда не придется получать уроков ни от Османов, ни от Сулейманов».

Казалось бы, очередная неудача под Плевной давала Скобелеву превосходный шанс позлорадствовать и над дряхлым бароном Криденером, и над князем Шаховским. Остроуму на язык Скобелеву не составляло труда на фоне неудачи возвеличить собственное «я». Но только в разговоре с отцом в очередной раз лишенный должности Скобелев-младший дал волю чувствам: «Ну, отступи Шаховской хоть на шаг от этой нелепой диспозиции, данной Криденером, сместись он со своим отрядом ближе к ловченскому шоссе — и тогда бы оборона Османа затрещала по швам!» На столь пылкий разбор сражения Дмитрий Иванович возразил: «Так ведь диспозицию утвердил сам главнокомандующий!»

Скобелеву становилось не по себе, когда написанное на бумаге превращалось в догму, когда офицеры шли в бой с завязанными глазами, когда во взглядах солдат без труда можно было прочесть осуждение творимого. Они-то горы готовы бы свернуть при толковых начальниках. И действительно, начиная от ротного командира до командира полка упрекнуть офицеров было не в чем, а вот бригадные и корпусные отцы-генералы, попав в огонь батальев, явно оказались не в своей тарелке и действовали по старинке. Не случайно, что фамилии многих из них постепенно стали исчезать из военных сводок. Между старым и новым развернулась негласная борьба, и плохо то, что старое в нежелании уступить дорогу, явилось причиной новых, ничем не оправданных жертв.

Телеграмма Н. П. Криденера о второй Плевне, извещавшая об исходе сражения, была получена главнокомандующим на следующий день, 19 июля, в седьмом часу утра. В телеграмме говорилось: «Бой длился целый день. Неприятель имеет громадный перевес в силах. Отступаю на Булгарени...»

Главнокомандующий, даже не зная истинных размеров не-

удачи, докладывая Александру II, сказал, что «намерен непременно еще атаковать неприятеля и лично вести эту третью атаку». Великий князь верил всерьез, что перед его выдающимися военными способностями не устоит ни один противник, и поэтому не сомневался в успехе задуманного.

К слову сказать, Осман-паша заставил заинтересоваться собой. Строились предположения, и что это англичанин на турецкой службе, и что он закончил академию в Лондоне. Бросились листать турецкие газеты, но те словно сговорились публиковать лишь скудные факты из биографии этого военачальника. И все же некоторые подробности стали известны. Осман-паша после окончания военного училища прошел все ступеньки военной карьеры, особенно проявив себя в войне с Сербией. Среди медлительных и инертных турецких военачальников он выделялся энергией и распорядительностью, храбростью и аскетизмом. Солдаты у него отличались дисциплиной и жестокостью. На злодеяния паша смотрел сквозь пальцы. Уже в самом начале войны он изгнал из лагеря иностранных военных советников...

Итак, великий князь Николай Николаевич решил испытать счастье и возглавить третий штурм Плевны. Он даже отдал предварительные распоряжения на выдвижение свежих войск и велел отправить телеграмму князю Карлу Румынскому, в которой просил о скорейшем переходе румынских войск через Дунай. Это реакция главнокомандующего. А что император? Получив 19 июля известие о неудаче, постигшей войска у Плевны, он назначил в Беле, месте расположения главной квартиры, совещание, в котором кроме августейших особ присутствовали военный министр Милютин и начальник штаба Непокойчицкий. Результатом этого совещания был вызов всего гвардейского корпуса из России.

В записке от 2 августа, поданной царю, Д. А. Милютин ставил вопрос о необходимости временного перехода всей Дунайской армии к обороне до прибытия подкреплений из России. Он требовал «бережливости на русскую кровь»: «Если будем по-прежнему рассчитывать на одно беспредельное самоотвержение и храбрость русского солдата, то в короткое время истребим всю нашу великолепную армию». И истребили бы на самом деле, действуя напрямик, без ума, не считаясь с потерями, рассчитывая на глупость турецкого командования, забыв о том, что против русских генералов действовал противник, умудренный боевым опытом подавления восстаний в Боснии, в Болгарии, в войне с Сербией и Черногорией, фанатично преданный султану.

Русские войска после сражения 18 июля отступили к Болгарскому Карагачу и Порадиму и заняли там оборону в ожида-

нии подкреплений. Барон Криднер был смещен с должности командира Западного отряда, а на его место заступил командир IV корпуса генерал П. Д. Зотов. Кто-то по поводу этого назначения сострил: «Хрен редьки не слаще». Зотову давно уже было за пятьдесят, боевой опыт, обретенный в молодости в стычках с горцами, изрядно поистерся, но имея характер угодника, генерал мог рассчитывать на поддержку главнокомандующего. Упреждая события, можно сказать, что Зотов так ничем и не проявил себя в кампании, а его нерешительность стала притчей во языцех. Турки не сидели в Плевне сложа руки, они латали старые укрепления, строили новые, улучшали систему огня. Так волею обстоятельств Плевна на продолжительное время сделалась главным предметом, приковавшим внимание русской армии.

Чем же стала для Скобелева вторая Плевна? Ясно, что ни о какой личной крупной победе над неприятелем не могло быть и речи: слишком малы в его распоряжении были силы. Но этот удачный бой на фоне общего поражения явился одной из ступеней в утверждении Скобелева как военачальника. Не заметить его успех было просто невозможно.

Через два дня после второй атаки Плевны Скобелева назначили общим начальником кавалерийского формирования из частей полковника Тутолмина и подполковника Бакланова для охраны флангов войск князя Н. И. Святополк-Мирского. В полученном им предписании указывалось также наступать на Ловчу* и далее на Плевну для того, чтобы в день, когда главнокомандующий поведет атаку с восточной стороны, Сельвинский отряд атаковал бы с южной. В этом же предписании Скобелеву ставилась задача служить постоянной связью между отрядом Святополк-Мирского и войсками, собранными против Плевны.

ЛОВЧА

С конца июля центр сражений переместился к Ловче, важному пункту и узлу дорог, ведущих в Плевну.

Окруженная со всех сторон лесами, Ловча располагалась на правом берегу реки Осмы, на пересечении дорог между Плевной, Сельви и Трояном. Невысокие отроги Балкан вплотную застилали виноградники, и только на одной горе, которая господствовала над городом, отсутствовал зеленый покров, а вершина была основательно выжжена солнцем. Солдаты окрестили ее Рыжей горой. Из солдатского лексикона это название пе-

---

*Ловча — ныне город Ловеч.

рекочевало на топографические карты и в планы русских военачальников. Ловча, так же как и Плевна, была уже однажды в руках русских, но казаки, захватившие город, не успев распорядиться плодами победы, были выбиты передовыми частями армии Осман-паши. Не прошло и суток, как местность, прилегавшая к городу, превратилась в своего рода строительную площадку.

Рыжая гора от подножия до вершины была опутана паутиной траншей и переходов, сравнимых с теми, что по обыкновению устраивают в земле кроты. Турецкие инженеры потрудились на совесть, построив у Ловчи многоярусные укрепления, имевшие внушительный и неприступный вид. Мысль создателей редутов была проста — противник, какими бы силами он ни располагал, оказывался в огневом мешке, и таким образом, к дороге, связующей плевненский гарнизон со Стамбулом, подступиться было невозможно. По ней армия Осман-паши беспрепятственно получала подкрепления, продовольствие и боеприпасы.

Становилось очевидным, что любая попытка взять Ловчу с налета могла закончиться плачевно. И все же в штабе Дунайской армии решили прошупать противника. Поручили это дело Скобелеву. Генерал, будто заправский скаут, можно сказать, брюхом обследовал местность, прилегавшую к Ловче. Скобелев с помощниками подползал иногда так близко к турецким траншеям, что однажды ночью турок, стоявший на посту, едва не прошелся по нему ногами. Часового пластуны скрутили, а вслед разведчикам вперемежку с проклятиями зазвучали бешеные выстрелы. Так день за днем по крупицам складывалась общая картина обороны турок. И чтобы она стала еще более ясной, Скобелев организовал разведку боем. И вот тут-то турки, в надежде раз и навсегда покончить с назойливым русским отрядом, обрушились на атакующих всей своей огневой мощью. А Скобелеву только этого и было надобно.

Вывод, сделанный Скобелевым, был таков: штурмовать Ловчу со стороны Плевны — напрасный труд. Оставалось одно — вести наступление вдоль дорог, направив острие удара на Рыжую гору. На ней располагалась ставка Рифат-паши, начальника Ловченского гарнизона. Численность его составляла восемь тысяч человек пехоты, несколько таборов конницы и восемь орудий. Выполнив задачу, Скобелев 26 июля отписал начальнику штаба Дунайской армии донесение. В нем он утверждал, что «теперь, если не последует изменения в силах неприятеля в Ловче, можно задушить его двумя дивизиями с соответствующей кавалерией».

Но русское командование свободных дивизий не имело.

Войска, вызванные из России, не подошли, и поэтому со взятием Ловчи решили повременить, тем самым предоставив благоприятную возможность туркам наращивать силы.

Все предпринятые Скобелевым усилия оказались напрасными. И до 10 августа его отряд находился в бездействии. В этот день из штаба прибыл с донесением гонец, который передал Скобелеву, что приказом главнокомандующего его назначают начальником вновь сформированного отряда, куда входили: Казанский полк, батальон Шуйского полка, команда саперов, Кавказская казачья бригада, две батареи. Всего около пяти с половиной тысяч человек и четырнадцать орудий. Этот отряд вошел в состав войск князя А. К. Имеретинского, начальника 2-й дивизии, направленных на штурм Ловчи. После взятия города отряд должен был перейти в распоряжение князя Карла Румынского, вступившего в командование Западным отрядом.

Скобелеву вновь приказывают провести рекогносцировку, но он рвется в бой. Для него нет ничего страшнее, чем оказаться простым созерцателем событий, и поэтому он стремится доказать, что бездействие такого большого отряда наносит серьезный ущерб общему делу. Об этом Скобелев поочередно пишет письма Ф. Ф. Радецкому и Н. И. Святополк-Мирскому. Вот выдержка из письма, направленного Святополк-Мирскому 14 августа 1877 года: «Потрясающее впечатление, произведенное рассказом г-на Стенли, о положении наших на Шипке заставляет меня высказать вам мое глубокое убеждение: неприятель искусно маневрирует, отвлекая часть наших войск от участия в сражении на перевале. Немедленное прибытие 9-ти батальонов может иметь решающее значение в нашу пользу. Два полка из Сельви*, 64-й Казанский с занимаемой мною позиции могут быть завтра утром в Габрове; голова колонны даже подходит к месту боя. 1-й батальон Шуйского полка с 9-фунтовой батареей могут с успехом прикрывать Сельви. Ручаюсь, Кавказская казачья бригада с 8-ю конною батареей настолько удержит неприятеля со стороны Траяна** и Ловчи, чтобы дать в Сельви соответствующее решение.

В данный момент Сельви не угрожает никакой опасности. Почему же нам не маневрировать!? Только что с двумя сотнями из-под Ловчи; никаких признаков присутствия значительных сил; из Траяна доносят, что там, кроме как нескольких сотен башибузуков, никаких войск нет...»

Выводы и предложения Скобелева верны, но принять их — значит дать понять, что он творец плана разгрома турок у Шип-

---

* Сельви — ныне город Севлиево.

** Имеется в виду город Троян.

ки, которого, кстати, ни у Святополк-Мирского, ни у Раденко-го нет, а посему — лучше уж будет так, как есть. Но лучше не было.

18 августа князь Имеретинский направил Скобелеву записку, в которой просил его представить свои соображения и прийти к нему в Сельви 19 августа, что Скобелев и сделал.

Поскольку бой за взятие Ловчи был первым боем, в котором Скобелев выступал в роли начальника большого отряда, то на нем остановимся несколько подробнее. Вот план, разработанный Скобелевым.

Задача: взять город Ловчу с возможно меньшими потерями.

Средства: пехота, 2-я пехотная дивизия, бригада 3-й пехотной дивизии, 64-й Казанский полк, 1-й батальон Шуйского полка, команда саперов — итого 22 батальона.

Артиллерия: шесть батарей 2-й дивизии, три батареи 3-й дивизии и 2-я батарея 16-й артиллерийской бригады, одна девятифунтовая батарея 9-й артиллерийской бригады — итого 88 орудий.

Кавалерия и конная артиллерия: Кавказская казачья бригада, 8-я донская батарея, эскадрон конвоя, бригада генерал-майора Леонтьева с конной батареей — итого 12 сотен, 9 эскадронов, 12 орудий.

Основные принципы: 1) Тщательное знакомство с местностью и расположением противника. 2) Обширная артиллерийская подготовка с дальних и ближних позиций. 3) Постепенность атаки. 4) Содействие фортификации при занятии первоначальных позиций, постепенно отнимаемых у неприятеля. 5) Сильные резервы и экономное их расходование. 6) По разъяснении слабости противника захват его путей отступления. 7) Освещение себя со стороны пунктов, из коих противник может ждать подкрепления.

Порядок выполнения задачи: 1) Занятие артиллерийских позиций на господствующих высотах. Сосредоточение на них значительного числа орудий. Устройство на этих высотах батарей и ложементов для стрелков. Устройство сообщений между этими высотами. 2) Сосредоточенный и продолжительный огонь на высоты неприятельской позиции. 3) Одновременный штурм этих высот после могущественной подготовки. 4) Перенесение на высоту № 2 нашей артиллерии; захват высот № 3 и № 4. Устройство на отбитой позиции ровиков для стрелков. 5) Штурм города и укреплений № 5, причем главное наступление вести с левого фланга нашего расположения, куда притянуть и свои резервы. 6) Просить у генерала Зотова одновременно с началом атаки произвести демонстрацию против правого фланга неприятельского расположения у Плевны.

...Многие изрядно изветшавшие от времени журналы бое-

вых действий русско-турецкой войны свидетельствуют, что столь глубокие и ясные диспозиции до прибытия на театр действий Э. И. Тотлебена встречаются довольно-таки редко. Да ведь в начале войны от подобных журналов и вовсе собирались отказаться, мол, писать и отображать события некогда, надо действовать. Но умудренный боевым опытом Скобелев настойчиво требовал, чтобы велись хотя бы краткие дневники. Как они впоследствии пригодились для воссоздания правдивого и подлинного описания хода войны, далекого от того, каким оно выглядело в официальных публикациях!

Ценность же диспозиции, которая приведена выше, несомненна. Это — живой документ, в котором Скобелев предстает перед нами как полководец, преисполненный уверенностью в себе и твердостью решений. Можно возразить, что за плечами Скобелева не одно сражение и уже на земле Болгарии за ним прочно укрепилась репутация отважного и мужественного воина. Действительно, в войне, породившей массовый героизм, трудно было выделиться только за счет этих качеств. Имея преобладающее значение, они цементировали собой многие другие, столь необходимые военачальнику: умение масштабно мыслить, реально оценить обстановку, предвидеть возможные ее изменения, добиться глубокого понимания от подчиненных целей и задач, вдохновить их на самопожертвование и стать впереди, если этого потребуют обстоятельства.

К своим соображениям Скобелев представил подробный чертеж местности. Имеретинский принял этот план без добавлений и поручил осуществить его самому Скобелеву, назначив командовать левофланговым отрядом в составе десяти батальонов, пятидесяти шести орудий и трех эскадронов, то есть выполнить главную задачу. На правом фланге во взаимодействии с колонной Скобелева должен осуществлять наступление отряд под командованием генерала Добровольского.

Князь Имеретинский решил поручить дело взятия Ловчи Скобелеву еще и по той причине, что в случае неудачи можно будет свалить вину на него. За последнее время так отвыкли от боевых успехов, что каждый пытался застраховать себя. Но в данном случае опасения были напрасными — дело находилось в надежных руках. Много лет спустя князь вспоминал об этом в разговоре с одним из участников войны: «Я подошел под ловченские редуты, не имея никакого понятия о них самих, ни о местности перед ними, однако создавалось впечатление, что позиция неприятеля крепка, что дело будет трудное, но как идти на нее, с какой стороны, я не знал и мог узнать, конечно, только после рекогносцировки под неприятельским огнем. В это время ко мне явился Скобелев. Поздоровались. Он сказал:

— Князь, вы новичок в этих местностях и, конечно, не знаете ни расположения, ни стиля неприятеля, узнавать вам придется теперь не иначе как с большими потерями, а я давно здесь, изучил и ознакомлен с каждой пядью земли, с каждой возвышенностью, знаю все тропы, дороги и подступы, знаю дальность боя орудий, расположение траншей — доверьтесь мне, дело пойдет скорее, ручаюсь вам за успех.

Я доверился и не имел повода к раскаянию».

На следующий день после формирования отряд Скобелева выступил в дорогу. Расположившись у Какрино, откуда Скобелев решил начать наступление на Ловчу, отряд деятельно принялся за инженерные работы и в этом деле преуспел настолько, что каждый воин был уверен в неприступности позиции.

В то время как отряд Скобелева готовился к сражению, с Шипки доносилось глухое эхо выстрелов. Это Сулейман-паша, понукаемый султаном, пытался пробиться со своей армией на помощь к плевненскому гарнизону. Турки вложили в наступление всю ярость, какая только возможна на войне. Но, как говорится, нашла коса на камень. Защитники перевала хотя и с трудом, но отбивали непрерывные атаки. Скобелев был вне себя от медлительности высшего командования. На Шипке обильно лилась русская и болгарская кровь, а он с сильным отрядом пребывал в бездействии. Удар по Ловче вполне мог бы стать тем спасительным выходом в критической ситуации, сложившейся на Шипкинском перевале. Турки, словно предчувствуя, что вскоре наступит черед и Ловчи, изрядно усилили гарнизон. Опасения Рифат-паши были не напрасными, но только 18 августа Скобелев получил предписание овладеть Ловчей.

Приказ о наступлении русские воины встретили могучим «ура». В то время турки небезуспешно атаковали Рушукский отряд. Казалось, инициатива переходила на сторону турок. Необходимо было разрушить эту безрадостную атмосферу, и Скобелев прекрасно сознавал, что на него с надеждой смотрит вся русская армия.

В полном составе войска, численностью около двадцати семи тысяч человек и девяноста восьми орудий, выступили к Ловче. Более чем трехкратный перевес оправдан, если учесть и сложность местности, и силу турецких укреплений. Перед началом действий Скобелев отдал приказ по левой колонне, а до господ офицеров довел диспозицию.

У Скобелева была своя манера в сочинительстве приказов, свой неповторимый стиль, где высокая риторика соседствовала с жесткой военной лексикой. Скобелевские приказы больше походили на обращения к войскам. Вот выдержка из приказа на бой у Ловчи: «Пехота должна избегать беспорядка в бою и

строю, различать наступление от атаки. Не забывать священного долга выручки своих товарищей во что бы то ни стало...

Обращаю внимание всех нижних чинов, что потери при молодецком наступлении бывают ничтожны, а отступление, в особенности беспорядочное, кончается значительными потерями и срамом».

Надо отдать должное Скобелеву в его стремлении довести свои требования до каждого солдата. Он строго взыскивал с тех командиров, которые не удосуживались объяснять своим подчиненным, что от них требуется в бою. «Солдат должен всегда знать, куда и зачем он идет... — говорил он. — Сознательный солдат в тысячу раз дороже бессознательного исполнителя».

Скобелев требовал от офицеров самостоятельности в действиях, а поэтому отдаваемые им диспозиции на бой не подавляли инициативу, предоставляли простор мышлению.

Со времени второй Плевны вокруг Скобелева начал объединяться круг таких же молодых, как и он сам, энергичных и одаренных офицеров. В его отряде сложилась атмосфера товарищества и доброжелательности.

«Здесь все товарищи», — говорил Скобелев. И действительно, чувствовался во всем дух боевого братства, что-то задушевное, искреннее, совсем чуждое низкопоклонству. И даже бывшие однокашники, попавшие к нему в отряд и по каким-либо причинам остановившиеся в продвижении по ступенькам военной карьеры, никогда не испытывали чувства зависти, настолько просто Скобелев держался с ними.

Но в делах службы вряд ли кто из окружавших Скобелева мог рассчитывать на его снисхождение за какое-либо упущение. Тогда он становился жесток, и это знали офицеры его отряда. Офицерская дружба, в понятии Скобелева, давала одно право — первым идти на смерть, показывать пример, как показывал его он сам.

Об участи своих подчиненных офицеров Скобелев сильно тревожился: «Папенек, маменек, титулованных родственников — нет. Самые счастливые выйдут из службы с пенсионом в 350 рублей или попадут в становые пристава... А ведь какая это честная и даровитая молодежь».

В редкие часы отдыха офицеры отряда зачастую собирались у Скобелева на славившиеся его хлебосольством обеды. Жизнерадостности Скобелева не было предела. Обладая тонким чувством юмора, он умел понимать шутку и остроумные выходки в свой адрес воспринимал без всякой обиды.

Но не одно хлебосольство влекло офицеров на обеды к Скобелеву. За столом спорили, обсуждали события, сопровождая их меткими определениями. В тесном кругу Скобелев не навязывал

вал своего мнения, на каждый пример приводил исторические факты, безошибочно называл годы, имена, литературу — для молодых офицеров это были часы не пустого времяпрепровождения, а скорее учебы. Скобелев ненавязчиво убеждал, что без знания противника, законов войны трудно добиться победы.

Как-то на одном из таких собраний Скобелева спросил приехавший в его отряд дипломат из свиты царя:

— Неужели вы не боитесь?

— Видите ли, душенька, — был ответ Скобелева, — вы имеете право быть трусом, солдат — может быть трусом, офицеру, ничем не командующему, инстинкты самосохранения извинительны, ну а от ротного командира и выше трусам нет никакого оправдания... Генерал-трус, по-моему, анахронизм, и чем меньше такие анахронизмы терпимы — тем лучше. Я не требую, чтобы каждый был безумно храбрым, чтобы он приходил в энтузиазм от ружейного огня. Это — глупо! Мне нужно только, чтобы всякий исполнял свои обязанности в бою.

И в Скобелевском отряде каждый делал свое дело, памятуя о том, что оно — часть общего...

В половине шестого утра 22 августа войска заняли исходные позиции для наступления на Ловчу, причем выполнили это почти без шума, так что турки и не подозревали о готовившемся наступлении. Князь Имеретинский дал команду начать артподготовку.

Колонна, возглавляемая Скобелевым, должна была выбить турок из занимаемых ими укреплений на Рыжей горе. Князь Имеретинский сообщал об этом в своем донесении главнокомандующему: «Принимая во внимание, что так называемая «Рыжая гора» командует всеми остальными высотами, окружающими г. Ловчу, решено было вести на нее главную атаку. Атака эта была возложена на генерала Скобелева, и только по овладении «Рыжей горой» и ближайшими к ней ложементами должна была начать атаку правая колонна генерала Добровольского».

Батареи вели огонь по Рыжей горе, осыпая ее снарядами, и было видно, как турки начали покидать нижнюю траншею и перебегать на вершину. Скобелев объезжал батареи, давал указания на перенос огня. В половине двенадцатого князь Имеретинский, посчитав артиллерийскую подготовку достаточной, решил начать атаку Рыжей горы, о чем он сообщил Скобелеву запиской: «Пора начать атаку. Стреляем уже пять с половиной часов».

Начал атаку Казанский полк. С распушенными знаменами и с музыкой двинулись казанцы на Рыжую гору. Впереди густая цепь стрелков. Артиллерийский огонь, сопровождавший атаку,

и движение подействовали на турок дезорганизующе, но постепенно сила их огня нарастала.

Единственным укрытием для наступавших могла служить лишь мельница на берегу реки Осмы, окруженная деревьями, далее овраг с обрывистыми берегами, по его дну протекал глубокий ручей — вода по пояс. Но полк двигался вперед, невзирая ни на что. Небольшое замешательство в овраге — и солдаты карабкаются по его скатам, используя для опоры ружья, жерди, плечи товарищей — и вот уже несколько рот на другой стороне. Турки усилили огонь, но атака настолько стремительна, что наступающих уже не остановить. Боясь штыкового удара русских, турки сначала поодиночке, затем группами стали покидать первую траншею. Это придало новые силы атакующим, «ура» становится громким, раскатистым. Близка и вторая траншея — видна растерянность турок, они бегут из нее, а затем и из третьей траншеи под прикрытие редутов. Рыжая гора взята, потери минимальные — несколько десятков человек.

С вершины горы открылся вид на казавшийся вымершим город, а за ним на высотах — сильный неприятельский редут, окруженный в несколько линий сетью траншей.

Небольшая передышка — и снова вперед. Теперь уже путь на Ловчу свободен. Во главе батальона казанцев,двигающихся по дороге, — сам Скобелев. Турки из редута открывают огонь, от которого ни вправо, ни влево не свернуть — кругом голые скалы. Надо спешить, темп невыносимый, турки начинают пристреливаться, но батальон уже достиг окраины Ловчи, за ним — другой. Вскоре весь город оказался в руках русских. На улицах поодиночке и группами появились болгары, обнимают своих освободителей. А Скобелев спешит. Главное, пока противник не опомнился, — взять штурмом нависший над городом редут.

Скобелев решил нанести удар по правому флангу турецких укреплений. На главном направлении был сосредоточен почти весь отряд, чем был достигнут значительный перевес в силах. Около трех часов дня, когда все приготовления были закончены, Скобелев подал сигнал к атаке.

Поддерживаемые огнем четырех батарей, войска двинулись вперед. Чтобы ввести в заблуждение противника, атака началась на левом фланге турок, которые не замедлили перебросить со своего правого фланга значительную часть сил. Затем Скобелев резко изменил направление и сосредоточил на этом фланге все имеющиеся у него под рукой войска. Этот маневр решил исход боя. Со всех сторон солдаты карабкались на бруствер редута. Турки бросились бежать, но у выхода их встретили в штыки, весь редут наполнился убитыми и ранеными. На

помощь оборонявшимся Рифат-паша бросил два табора — последнее, что у него осталось, но и это не помогло. В бой вступили казаки. Они не позволили подкреплению приблизиться к редуту и еще долго преследовали остатки Ловченского гарнизона. В этот день мало кому из турок удалось избежать гибели.

Когда Осман-паша получил сообщение о начале боя в Ловче, он поспешил на выручку и лично возглавил отряд из двадцати таборов, оставив за себя в Плевне Адиль-пашу. Но двигался он нерешительно, очевидно, боясь за ослабленную его уходом Плевну, да и стремительность, с которой была взята Ловча, привела его к опозданию почти на пятнадцать часов. Наткнувшись на укрепление русских войск на Ловченском шоссе, он повернул назад в Плевну.

Как могло случиться, что Осман-паша оставил Плевну и возвратился в нее абсолютно никем не замеченный? Это еще раз наводит на мысль, что ничему-то за это время высшее руководство не научилось.

...Ночь после трудного боя была спокойной. Впервые за несколько суток солдатам разрешили снять амуницию и отдохнуть. «Все отлично, надо отдыхать, готовить себя к славному бою под Плевной», — говорил Скобелев.

...Ловча. Название этого небольшого городка, который в начале войны остался несколько в стороне от основных планов русского командования, а стрелы главных ударов даже краешком не коснулись незаметного кружка, обозначающего город на картах, теперь не сходил с языка у многих. Рядом с ним непременно звучало слово «победа». Ранним утром 23 августа государь, получивший телеграмму от князя Имеретинского, потребовал к себе дежурного флигель-адъютанта Лопухина-Демидова и повелел объявить конвою о взятии Ловчи. В этот день фамилия Скобелева не сходила с царственных уст.

Но лишь только отзвучало эхо выстрелов под Ловчей, как о Скобелеве забыли, и ему вновь пришлось обивать пороги штабных палаток, чтобы решить вопрос о своем назначении. До дивизии, мол, он не дорос, рассудили вверху, а бригадные вакансии, увы, все заняты. Так Скобелев вновь оказался генералом не у дел.

Легкий фимиам успеха кружил начальственные головы и не позволял принять взвешенное решение. А оно, утверждал Скобелев, было отчетливо видно как на ладони. Требовалось развернуть весь фронт русских войск и нанести удар по Плевне со стороны Ловчи. Но войска остались недвижимы. Более того, расположив в занятом городе небольшой гарнизон, отряд князя Имеретинского сошел со стратегически выгодного направле-

ния и присоединился к остальным частям, сосредоточенным под Плевной. В штабе Дунайской армии велась ускоренная разработка нового плана генерального штурма города.

ТРЕТЬЯ ПЛЕВНА

Более полутора месяцев русская армия находилась у стен Плевны, которую Осман-паша превратил в неприступную крепость.

Для русского командования Плевна стала камнем преткновения, но надо было довести дело до конца. Какими же средствами и, самое главное, как собирались брать Плевну на сей раз?

Успех у Ловчи настраивал руководство Дунайской армии на мажорный лад. А тут из России и Румынии одна за другой стали прибывать свежие пехотные дивизии, артиллерийские части. Главнокомандующий воспрянул духом и, видимо, не без его ведома армейские острословы пустили в ход присказку: «Уж теперь-то Плевну взять, как два пальца обмочить». Полевой штаб принялся лихорадочно готовить диспозицию на третий штурм Плевны. О настроении, которое сложилось накануне сражения за город, красноречиво свидетельствуют строки воспоминаний одного из участников войны: «Все верили, что Плевна на этот раз непременно будет взята, и что взять ее ввиду принятых мер — совершенные пустяки. В этом были все убеждены от генерала до последнего фургонщика». Однако задача усложнилась. Русские наращивали силы, но и турки не тратили времени даром, их редуты становились мощнее, приток резервов и обозов с боеприпасами и продовольствием не прекращался, правда, шли они по единственной, после взятия Ловчи, дороге на Софию, но все-таки подходили, и вскоре численность турецкой армии в Плевне достигла тридцати трех тысяч человек. С такими силами Осман-паша думал не только обороняться, но и в подходящий момент нанести удар по русским войскам, занимавшимся строительством укреплений, исправлением дорог и мостов.

19 августа турки, выйдя из укреплений, атаковали русские позиции у Пелишата-Сгаловца. Вот тут-то и можно было навязать противнику генеральное сражение. Кстати, сам Николай Николаевич еще 21 июля в письме к Александру II писал о таком случае как о весьма желаемом, но... уж коль Господь Бог военного дара не послал, то появившуюся возможность упустили. Мало того, наступление турок оказалось неожиданным и застало врасплох русское командование. П. Д. Зотов, получив известие о переходе турок в наступление против 4-го корпуса, не решился ударить во фланг туркам 9-м корпусом, находившим-

ся в непосредственной близости, опасаясь их прорыва к императорской квартире, расположившейся в недалеком тылу, в Горном Студене. Прибывшие к Плевне части Румынской армии оставались пассивными наблюдателями боя, как в поговорке: «Двое дерутся — третий не суйся». И не сошлись. На сей раз в результате десятичасового кровопролитного боя русским войскам удалось, благодаря героизму солдат, отразить наступление с большими потерями для турок. Боевые офицеры роптали и без обиняков заявляли вслух: «Управляют нами дураки». Опровергнуть подобное утверждение стоило огромного труда. Судьба Третьей Плевны была доверена явно не тем людям. Так, в должность начальника Западного отряда 22 августа вступил князь Карл Румынский, о военных познаниях которого даже Александр II, предложивший князю этот пост, имел весьма туманное представление. Но правитель Румынии безудержно рвался к славе, а победный исход войны освобождал его отечество от унижительной роли вассала Турции. Зотов отошел в тень и затаил недовольство, поскольку, возглавляя штаб Западного отряда, он ничем не мог повлиять на исход сражения. Все наиболее важные решения принимались непосредственно в Полевом штабе и, как правило, шли через его голову. Складывалась парадоксальная ситуация: армейская верхушка отрицала даже самую мысль о какой-либо неудаче, командиры полков, батальонов с трудом верили в успех и все же не щадили сил для подготовки к штурму. Опыт двух неудачных приступов был учтен.

Чем же занимался в это время Скобелев? А все тем же: уговаривал, настаивал, возмущался, пытался вразумить, что брать Плевну в лоб — истинное безумие. «Да, Гривицкий редут — ворота Плевны, — отстаивал свое мнение Скобелев. — Займем мы его, и вся система обороны турок рухнет, как карточный домик. Но ведь не всякий короткий путь краток и преодолим». Его слушали с показным вниманием, поддакивали, играли на тщеславии. Еще бы! Ведь генерал, ни много ни мало, отсекал правую руку Осман-паши! Но лишь только за Скобелевым захлопывалась дверь, как вослед ему неслись ядовитые смешки, а предложения ложились под сукно.

И все же настойчивость Скобелева принесла свои плоды — его утвердили командиром авангарда в левофланговый отряд князя Имеретинского. Скобелев без промедления занялся формированием авангарда, который пока существовал только на бумаге.

Как же предполагалось осуществить штурм русско-румынскими войсками? «Основу наступления должно составлять предварительное, возможно продолжительное, обстреливание неприятельских укреплений артиллерией, усиливаемое с посте-

пенным к ним приближением; такое же постепенное, производимое незаметно под прикрытием местности, приближение к укреплениям пехоты и, наконец, атака их открытой силой».

Тем временем войска занимали исходное положение для наступления. Одновременно началась и артиллерийская подготовка, в которой кроме всей артиллерии Западного отряда принимали участие и двадцать осадных орудий большого калибра, доставленных из России.

Однако ни серьезных повреждений, ни потерь из-за бесплановости и распыленности огня противник не понес, а незначительные — восстанавливались по ночам.

На массированный обстрел турки отвечали не менее жестоким огнем. Вот какую оценку действиям русской артиллерии дал А. Н. Куропаткин: «Артиллерийские действия при подготовке, вследствие неправильного употребления артиллерии, неудачны». Громадным преобладанием артиллерии русское командование не воспользовалось.

В отчете генерал-лейтенант П. Д. Зотов писал, что после трехдневной бомбардировки неприятеля пришли к заключению не особенно торопиться с атакой его укрепленного лагеря, а терпеливо дать артиллерии еще и еще делать свое дело разрушения преград, нравственного истомления и материальной дезорганизации обороняющегося, чем так особенно бывает сильна многочисленная артиллерия наступающего, что известно всякому, кто когда-либо стаивал на укреплениях под сосредоточенным ее огнем. Поэтому 28 августа решено было продолжать артиллерийский бой еще день, два, три.

Но обстоятельства обратили это решение в ничто. Продолжать артиллерийский бой оказалось невозможным по двум причинам, из которых и одной вполне достаточно. Обнаружилось, что в артиллерии «легко мог оказаться недостаток в снарядах» и что «от усиленной и непрерывной трехсуточной стрельбы некоторые лафеты осадной артиллерии, а также многие из девятифунтовых орудий полевой артиллерии начали приходить в негодность». Но все-таки бомбардировка продолжалась, поскольку на другое у высшего командования просто не хватило фантазии.

Казалось, опыт предыдущих сражений убеждал в явной нецелесообразности лобовых атак с востока и необходимости штурмовать Плевну там, где она была слабо укреплена. Даже такой сугубо гражданский человек, как известный публицист К. Н. Леонтьев, писал за неделю до третьего штурма Плевны: «Подкреплений пришло много, и... зная местность... нужно теперь... напасть еще на Османа и (если можно?) обойти его с Софии, разбить или взять в плен...»

Зато эта идея обхода не пришла никому в голову как в штабе Дунайской армии, так и в штабе Западного отряда. Осуществлять решили самый, пожалуй, неудачный план создания трех различных по силе группировок, имевших самостоятельные задачи и удаленных друг от друга на значительные расстояния.

На правый фланг для атаки Гривицкого редута направлялись сорок восемь русских и румынских батальонов и сто восемнадцать орудий под командованием румынского генерала Черната; в центр против редута Омар-бей-Табия — тридцать батальонов и сто пятьдесят два орудия генерала Крылова, а на левый фланг двадцать два батальона и тридцать шесть орудий под командованием князя Имеретинского. Кроме этих сил в общем резерве оставалось двадцать семь батальонов.

Читатель уже имел возможность познакомиться с документом, вышедшим из-под пера штабистов Главной квартиры. Опытных русских командиров расплывчатость решения на штурм повергала в уныние. Скобелеву же такое душевное состояние было чуждо. Чего греха таить, поставленная ему персональная задача занятия Зеленых гор вообще не входила в план штурма. Просто первый, второй и третий гребни Зеленых гор по неизвестной причине оказались не заняты турками. Предчувствуя подвох, в штабе Дунайской армии распорядились, чтобы Скобелев не мешкая оседлал с отрядом эту выгодную позицию. А уж как на то отреагирует Осман-паша, оставалось лишь гадать.

В Брестовце, в доме, занятом Скобелевым под штаб, за большим столом — офицеры, на нем карты, карандаши, стаканы с чаем, на деревянных тарелках хлеб. Обсуждался план атаки Зеленых гор и редутов. Спорили все. Скобелев молчал. Так уж повелось с Ловчи. Решение поначалу обсуждалось всеми командирами, а затем он окончательно излагал его, обобщив все «за» и «против». Результат таких обсуждений — все знают задачу твердо, а раз командир ее знает, то и подчиненным растолкует. Если совет помогал делу, Скобелев всегда к нему прислушивался.

Все ясно понимали: бой будет упорным. Осман-паша не слаб умом, чтобы просто так отдать выгодные гребни Зеленых гор, но какими будут его действия и как отвечать на них — вот что волнует Скобелева. Он отдал приказание на выдвижение батарей на высоты, сам осмотрел их расположение, объехал залегшие и изготовившиеся для боя Калужский и Эстляндский полки. Как всегда, для солдат — доброе слово.

Впереди слышалась трескотня ружейных выстрелов — казачьи цепи вели огонь по второму гребню. Закрытая, заросшая отдельными деревьями, кустами, кукурузой и виноградниками,

местность скрывала расположение и силы неприятеля. Лишь дымки ружейных выстрелов обозначали, по-видимому, редкую цепь турок. Но за гребнем стояли резервы, ждавшие своего момента. Батареи вели огонь по гребню и по редуту у деревни Кришин — турки отвечали огнем своих орудий.

Около трех часов дня Скобелев вызвал на Рыжую гору, куда он переместился вместе со штабом, командира Калужского полка полковника Эльжановского, поставил перед ним задачу овладеть вторым гребнем Зеленых гор и укрепиться на нем. Для прикрытия флангов полка выделялись по две казачьи сотни. Второй гребень Скобелеву было приказано атаковать в десять часов утра, но он рассчитал, что, взяв гребень поближе к вечеру, обезопасит себя от контратак, так как ночью турки вряд ли попытаются возвратить его.

Неприятель заметил движение пехотных цепей и обрушил на них огонь артиллерии всего своего фланга. Скобелев наблюдал за наступлением, через ординарцев давал указания: скопления не должно быть, двигаться цепью, резервам — следом за наступающими. От командира полка Скобелев получил следующее донесение: «Я дошел до неприятельской цепи, которая открыла огонь шагах в 500. Мы стоим по обеим сторонам шоссе. Прошли от нашей позиции версты две. Артиллерийский огонь открыт с малых укреплений; ожидаю приказаний. Полковник Эльжановский».

Но не успел Скобелев ответить на записку, как усиливающаяся стрельба была заглушена криком «ура!», который, постепенно удаляясь, становился еле слышным. Скобелев, пустив в карьер свою лошадь, выскочил на второй гребень, но никого на нем не нашел. Батальоны преследовали турок, и тут Скобелев понял, чем это грозит полку. Турки вводили в бой резервы, явно превосходившие по численности наступавших. Немедленно следует команда: «Атаку прекратить! Отражать турок огнем с места». Полк залег. Но в пылу боя, когда командир полка был тяжело контужен, кто-то из офицеров поднял полк, калужцы снова пошли в атаку и с криками «ура!» бросились на турок; короткая, но кровопролитная рукопашная схватка, и вот неприятель бежит, преследуемый солдатами. Бой уже на третьем гребне, турки оставляют позиции, а через некоторое время их выбивают из укрепленных лагерей. Так наступавшие оказались у самого редута, из которого на них обрушился град снарядов и пуль. Невзирая на потери, калужцы спустились к ручью, а отдельные перебрались через него и лезли по скату к редуту. Скобелев быстро оценил обстановку. С большим трудом удалось ординарцам остановить калужцев и отвести назад.

Тяжело пришлось отступавшим, оторвавшимся от своего прикрытия с флангов. Воспользовавшись их незащищенностью, от редутов и со стороны Плевны двинулись колонны пехоты, поддерживаемые конницей. Отбиваясь от наседавших турок, калужцы отошли ко второму гребню. Но самые тяжелые минуты боя позади. Скобелев лично возглавил атаку и своим «Вперед, ребята!» увлек за собой батальоны и отбросил турок.

Но Осман-паша, как предполагалось, не желал мириться с потерей Зеленых гор и двинул против Скобелева новые резервы. Противники сходились и расходились в атаках еще несколько раз. Скобелев был в самой гуще сражения. Если учесть, что бой происходил в зарослях кукурузы и виноградников, то лишь дым выстрелов и разрывы свидетельствовали, у кого дела шли успешнее. В решающую минуту боя Скобелев приказал казакам обойти виноградники и ударить с тыла. Туркам пришлось искать спасения в редутах. Второй гребень остался в руках русских. День подходил к концу, и Скобелев отдал распоряжение убрать раненых, объединить разрозненные подразделения калужцев и приступить к возведению укреплений.

В бою за взятие гребней Зеленых гор русские еще раз наглядно продемонстрировали свои значительные преимущества в действиях на открытой местности. Турки испытали и силу штыковых атак пехоты, и стремительность ударов кавалерии. Даже несмотря на непредвиденный ход боя, Скобелеву удавалось все-таки держать нити управления в руках. Турки понесли большие потери и оставили русским важную позицию, какой являлся второй гребень. Приказ Полевого штаба был выполнен.

...Сумерки опустились на горы. На занятом русскими втором гребне слышен стук лопат. В тыл двигаются калужцы, впереди, по приказу Скобелева, песенники, и вот уже в ночь льется походная песня, стряхнули с себя усталость солдаты, равнение в колоннах. Кажется, и не было трудного боя.

Сам же Скобелев поехал осматривать перевязочные пункты, где скопилось немало раненых и самоотверженно, в невероятно трудных условиях, лишенные порой самого необходимого, работали военные врачи и сестры милосердия.

Первым на некоторое время описание боев под Плевной и возвратимся к довоенным событиям.

Еще задолго до объявления войны в России возникло женское подвижничество, отличавшееся высокими чувствами милосердия и сострадания к славянским братьям и сестрам, живущим под чужеземным гнетом. В правительственные учреждения, благотворительные общества, славянские комитеты шел поток писем и прошений женщин. Представительницы привилегированных сословий и мещанства, жительницы губернских

и уездных городов, требуя, настаивая, умоляя, заявляли о своем желании отправиться на театр военных действий и посвятить себя уходу за ранеными и больными воинами.

Женская половина семьи Скобелевых в полном составе активно включилась в работу Красного Креста. Примечательна одна из статей устава «Русского общества попечения о раненых и больных воинах», согласно которой «лицам женского пола категорически запрещалось занимать должности председателя и товарищей председателя главного управления, а также уполномоченных на театре военных действий». Но Ольга Николаевна благодаря своей энергии сумела преодолеть этот запрет и добилась неофициального признания ее в качестве попечительницы над Болгарским отделением Красного Креста.

Тысячи русских женщин, надев скромную одежду сестер милосердия, фельдшерниц и врачей, отправились добровольцами в военные госпитали, заняли места санитарок и сиделок в больницах. Сестер Скобелевых нередко можно было видеть в больничных палатах Крестовоздвиженской общины. Ольга Николаевна, собирая продовольствие, перевязочные материалы, закупая лекарства, зачастую вкладывала и свои средства и неоднократно сопровождала транспорты в Болгарию. Блестящие столичные красавицы, сестры «белого генерала», Надежда, Ольга, Зинаида получили предметный урок сострадания и заботливости, сохранив его в душах на долгие годы. Отзывчивость к человеческому горю Ольги Николаевны принесла ей широкую известность в Болгарии. Замечательные русские подвижницы, искренние патриотки оставили в истории Балканской войны свой незабываемый след...

Около 10 часов вечера Скобелев получил от князя Имеретинского предписание: «Завтра, 28-го августа, с рассветом подкреплю вас 14-ю ротами Ревельского полка. В случае наступления на вас противника в превосходных силах, отойти на позицию, занятую войсками 2-го эшелона, прикрывающими дорогу от плевненского шоссе на Богот. Полагаюсь вполне на ваше благоразумие. Имейте в виду, что получена шрапнель с двухъярусными трубками, которая будет вам отпущена по вашему востребованию».

Но еще через несколько часов, уже ночью, Скобелев получил уведомление о том, что наступление, назначенное на 28 августа, переносится на один-два дня по причине неудачных действий артиллерии.

Скобелев, понимая, что еще несколько суток удерживать все высоты малыми силами будет трудно, решает оставить второй гребень, укрепившись на первом, о чем и доносит Имеретинскому: «Получив в 2 часа ночи уведомление о том, что атака го-

рода Плевны (предполагавшаяся на 28-е августа) отложена на один день, я очистил второй гребень, отведя с него эстляндцев на первый гребень, здесь укрепился, чтобы дать отпор противнику в случае его наступления».

Ночь прошла спокойно. Турки даже не вели огня. Но утром бой за первый гребень разгорелся с новой силой, что убедило П. Д. Зотова в необходимости отложить штурм. И эту мысль он выразил в своем донесении главнокомандующему: «Наступление это (имеется в виду наступление турок. — Б. К.), хотя и неуспешное, но совершенное при тех обстоятельствах, при которых находился неприятель, обойденный кавалерией с тыла, обстреливаемый и теснимый с фронта, естественно, приводило к мысли о значительности сил противника и, стало быть, к необходимости не особенно торопиться с атакой его укрепленного лагеря».

Артиллерию выдвинули ближе к Плевне и еще два дня вели опять-таки малоуспешный обстрел турецких укреплений. Зотов сделал вывод, что из-за низких результатов огня артиллерии «далее медлить становилось прямо невыгодно и приходилось либо отказаться от штурма, либо произвести его безотлагательно». Решено было последнее. 29 августа, вечером, в войска направили диспозицию на третий штурм Плевны, который намечалось осуществить 30 августа.

Накануне штурма в отряд к Скобелеву приехал генерал К. В. Левицкий, помощник начальника штаба Дунайской армии. Скобелев был прекрасно осведомлен о недоброжелательном отношении к нему Левицкого, но действительность превзошла все ожидания. Левицкий даже не соизволил посетить позиции, несмотря на настойчивые предложения генерала. Так и не вникнув в существо дела, он доложил великому князю: «...Турки не могут отдать те высоты, которые приходится атаковать Скобелеву, потому что с них обстреливается и город Плевна, и весь турецкий укрепленный лагерь, в котором стоит их резерв. Атака этих высот приведет к самому кровопролитному бою: не следует делать иллюзий на этот счет».

По здравому смыслу, казалось бы, именно поэтому надо приложить все усилия для овладения этими высотами. Но Левицкий сделал неожиданный вывод — сначала овладеть укреплениями Южного фронта.

Весь день 30 августа был пасмурный, холодный и унылый. Пошел мелкий, затем превратившийся в ливень дождь. Глинистая почва стала похожей на месиво. Но и это обстоятельство не повлияло на решение командования начать штурм.

30 августа не простой день. В этот день празднуются именины царя. И как повелось издавна, к празднику преподносят по-

дарки. Вот таким-то подарком императору, по мысли великого князя и его окружения, должен быть успешный штурм и взятие Плевны. Решили «осчастливить» Александра II, полагая, что такое знаменательное событие придаст силы войскам и они без сомнения завоюют победу.

...Уже несколько дней государь ездил в войска и ободрял их своим присутствием. Он выезжал ранним утром из своей квартиры и с одного из холмов наблюдал за ходом бомбардировки. С правой стороны располагался главнокомандующий, сзади в несколько рядов стояли генералы свиты, ближе министры, чины поменьше держались по сторонам пригорка группами — все внимательно следили в бинокли и подзорные трубы за стрельбой. На холме главной квартиры главнокомандующего и вовсе держались свободно: кто лежал на спине, кто на животе, да и разговоры велись совсем не относящиеся к войне — вспоминали то, сё... Однообразие и монотонность бомбардировки без всякого видимого результата мало кого беспокоили.

Вдали серыми пятнами виднелись редуты — сделано солидно: широкие, глубокие рвы, высокие насыпи, и трудно было сказать, какой из редутов был наиболее грозным, — все казались труднодоступными. И вот эту позицию решено было попробовать еще раз взять в лоб. Все понимали, что предстоит великое кровопролитие.

День 30 августа вошел в историю как третья Плевна. Накануне в своем донесении царю главнокомандующий писал: «От всей души поздравляю с днем Ангела, и да поможет нам Господь обрадовать Тебя сегодня чем-нибудь хорошим». И это «хорошее» началось.

Утром главнокомандующий, а затем и вся главная квартира выехали на высоты для наблюдения за ходом сражения. На высотах было многолюдно. Вдалеке гремели выстрелы, слышалась барабанная дробь, и вот под эти звуки началось богослужение перед развернутыми иконами. Царь стоял впереди. Затем все опустились на колени, склонив головы. Священник с дрожью в голосе, вскинув руки и подняв лицо к небу, воззвал: «Еще просим о сохранении воинства расейского». Хор подхватил: «У Господа просим. Подай, Господи». Картина впечатляющая: блеск эполет, склоненные головы, голубизна неба и виднеющиеся вдаль горы.

В это время раздался раздирающий уши треск ружейного огня и в центре послышалось: «Ура-а-а-а! Ура-а-а!» Это войска пошли на приступ. Но почему раньше установленного времени? Ведь по диспозиции атака должна начаться в 3 часа дня.

Военная история свидетельствует, что редко какое сражение

происходит согласно намеченному плану, нарушения его могут быть либо пагубны, либо полезны, исходя из обстоятельств и от разумной находчивости или от замешательства и растерянности исполнителей. Диспозиция третьей Плевны была составлена так неумело и при таком плохом знании противника и его расположения, что только благодаря нарушению ее возможен был благоприятный исход боя.

После молебна начался завтрак. На холме поставили стол, за которым разместились царь со своей свитой: место и время такого представительного завтрака, прямо сказать, выбрано «удачно» — на поле брани лилась кровь воинства, а за столом рекой лилось шампанское, вдалеке словно Перун мчался на своей колеснице, а здесь тоже своеобразный грохот — выстрелы пробок. Царь: «Выпьем за здоровье тех, которые там теперь дерутся — ура!»

Войска, как намечалось в диспозиции, шли на штурм неприятеля под невыносимым огнем, и если посмотреть со стороны, то общий штурм Плевны разбился на три разрозненных штурма. Каждая из трех группировок генералов Черната, Крылова, Имеретинского, не имея между собой надежной связи, действовала на свой страх и риск. Русское командование вполне могло бить противника числом, ведь общее преимущество над армией Осман-паши было подавляющим. Пехота, например, имела превосходство в два раза, артиллерия — в пять! Но именно раздробленность и отсутствие взаимовыручки, без чего немыслимо такое масштабное сражение, сыграли свою злосчастную роль.

Не стал тревожным для высшего командования и тот факт, что на левом фланге силы русских равняются неприятельским. И хотя это выяснилось уже в ходе сражения, такое открытие никого в Полевом штабе не обескуражило. По диспозиции левофланговый отряд выполнял второстепенную задачу. Документ этот, попав в руки Скобелева, вызвал у генерала легкий шок: он именовался «начальствующим над всеми частями левого фланга». Такой неожиданный кульбит больно ударил по самолюбию князя Имеретинского, а самого Скобелева застал врасплох. Ведь до штурма оставалось всего несколько часов. Надо ли говорить о той сумятице, которая творилась в штабе?

«Разве ты не понимаешь, — обратился князь к полковнику Паренсову перед штурмом, — что Скобелев отнимает у меня все... да ему иначе и нельзя. При чем же я останусь?» К чести Имеретинского, он сумел найти в себе мужество признать превосходство Скобелева: «Михаил Дмитриевич, было бы странно, если бы я вздумал из себя строить человека, знающего больше,

чем ты... я вполне сумею подчиниться тебе в эти дни при всех обстоятельствах».

А они складывались явно не в пользу атакующих. В 15 часов румынские войска двинулись на Гривицкий редут. И тут выяснилось, что у турок за ним расположен еще один, не менее мощный, чем первый, который вообще не попадал в поле зрения с исходного положения, и поэтому появление редута оказалось полной неожиданностью для наступавших. Первая, а затем и вторая атаки румын не имели результата, захлебнулась и третья атака. Необстрелянные и не принимавшие участия до сих пор в боях румынские полки подходили к редутам на двести — триста шагов, но всякий раз откатывались назад, неся большие потери, число которых составило три тысячи человек. И лишь в 18 часов с подходом еще одной румынской дивизии и корпуса русских объединенными усилиями союзным войскам удалось захватить одно из укреплений, однако цена успеха оказалась слишком велика — три тысячи шестьсот человек убитыми.

Дела в центре обстояли не лучшим образом. Здесь атаку начали на три часа раньше намеченного срока, в 12 часов дня. Причина стала известна позднее: генерал Крылов услышал стрельбу на левом фланге и решил, что пора и ему вступать в бой. На этом участке творилось непонятное: неудачей обернулась попытка двух полков приблизиться к редутам, два других вначале заняли траншеи, но сильный огонь из редутов заставил их отступить. Затем поодиночке вступали в бой полк за полком — надо бы хуже, да некуда, результата никакого, потери — четыре тысячи триста человек убитыми.

По-иному дело обстояло у Скобелева. Получив из штаба диспозицию, Скобелев, уставший от постоянных боев (Осман-паша не оставлял его в покое), созвал совет, который решил: не ввязываться в бой с находящимся на левом фланге отряда редутом у деревни Кришин, ограничиться его обстрелом с третьего гребня Зеленых гор, где установить две батареи. Для отражения же возможной атаки из этого редута выделить отряд казаков. Основным направлением для наступления Скобелев избрал редуты Исса-ага и Кованлек. Замысел ясен: с захватом этих редутов открывалась прямая дорога на Плевну. Некоторые, истины ради, предлагали выполнить предписанное диспозицией, сначала ударить по Кришинскому редуту и тем самым обеспечить себе левый фланг, а после повернуть на Плевну. Но так как отряд был наименьшим, данное решение, в принципе правильное, втянуло бы его в ненужный бой и отвлекло от главной цели — атаки на Плевну. Правда, редуты Исса-ага и Кованлек предполагалось брать с фронта, но сместись отряд вправо или влево — и он под огнем еще более мощных укреплений. Да ведь

и расчет предполагал, что где-то — то ли на правом фланге, то ли в центре — у русских войск будет успех, который не позволит Осман-паше свободно маневрировать силами.

Скобелеву было отпущено не слишком много времени на подготовку к штурму, но он распорядился им настолько умело, что все, от командира полка до солдата, знали задачу, а каждый воин имел все необходимое для боя.

Утром 30 августа Скобелев, воспользовавшись туманом, не начиная артподготовки, приказал Владимирскому полку выдвинуться вперед. Владимирцы почти бесшумно заняли исходное положение в нескольких сотнях шагов от турецких позиций на третьем гребне. Когда туман рассеялся, началась непродолжительная, эффективная артподготовка, после которой Владимирский полк стремительной атакой и с незначительными потерями овладел гребнем. Турки не имели ни малейшего желания оставлять его в руках русских и тотчас предприняли контратаку силой до восьми таборов. В ответ Скобелев подтянул резерв — Суздальский полк. Благодаря совместным усилиям обоих полков контратака турок была отбита, и они отошли в полнейшем беспорядке, оставив на скатах гребня сотни трупов. Больше турки не пытались атаковать. Таким образом, первая часть плана была осуществлена — третий гребень находился в руках русских. Скобелев выдвинул на него батареи и подтянул к подножию остальные полки.

В 15 часов Скобелев, сгруппировав силы, дал команду начать атаку. Войска под боевую музыку и барабанный бой, с развернутыми знаменами двинулись вперед на редуты Исса-ага и Кованлек. Движение сопровождалось сильным ружейным и артиллерийским огнем.

У Скобелева полковые оркестры, барабанщики были органичной частью его военных операций. Они первыми «открывали» атаку, поднимая дух войск и вселяя в них уверенность в своих силах. Над частями развевались боевые знамена: символика, издревле присущая русской армии. Отметим, что к подобным приемам прибегал Наполеон и полководцы прусской школы.

И даже когда турки открыли огонь из редутов, им не удалось ни морально подавить наступающих, ни внести в их ряды расстройство. Казалось, что чаша весов явно склонялась на сторону русских. Но внезапно турки преподнесли сюрприз. Во всю мощь заявили о себе укрепления в центре. Отбив атаки отряда Крылова, защитники Плевны повернули орудия в направлении левофлангового отряда Скобелева. Особенно досаждал наступавшим левый редут Омар-бей-Табия. Скобелев был вынужден остановить наступление. Заминка вполне могла ока-

заться роковой. Но выручили артиллеристы. Они следовали за боевыми порядками пехоты, и Скобелев, словно на полигоне, организовал нечто подобное стрельбам по неподвижной мишени. Редут какое-то время огрызался, а вскоре его пушки и вообще замолкли.

Во время вынужденной паузы Скобелев подтянул Ревельский полк, который прошел через боевые порядки залегших воинов и с ходу атаковал редуты. За ним в сражение вступил Либавский полк. Скобелев почувствовал, что наступила критическая минута боя. Он вылетел из-за пригорка, как всегда, на белом коне, весь в белом, следом за ним несколько офицеров — ординарцы, начальник штаба, казаки. По скату лепились группы воинов, их становилось все больше и больше, и вот уже человеческие фигурки покрыли весь склон. Скобелев догнал солдат, затем опередил их, расстояние между бегущими и серой насыпью сократилось, крики «Ура!» слились с «Алла! Алла!», залпы следовали один за другим. Редут, словно живое чудовище, обжигал наступающих огненными струями, но вот уже и насыпь. Выстрелов почти не слышно — только скрежет штыков да раздражающие воздух вопли: внутри редута — рукопашный бой, жестокости которого не было равных. Такого кровопролитного и беспощадного сражения Европа не знала со времен Бородина. В 16 часов редут взят. Земляные насыпи, орудия сплошь залиты кровью. Уцелевших при защите нет. Избежавшие гибели в стенах укрепления нашли ее на обратном скате. Неимоверная усталость овладела и победителями. Сказывалось напряжение многодневных боев, люди падали от усталости, и лишь только появление Скобелева, проходившего по редуту в сопровождении ординарцев, заставляло солдат подтянуться.

— Спасибо, ребята, за службу, потрудились честно сегодня, я счастлив, что командую такими молодцами. Устали?

— Устали, ва-штво...

— Полдела сделали.

И действительно, передышка была короткой. Турки не собирались за просто так отдавать грозное укрепление, оказавшееся беспомощным перед напором скобелевцев. А русские, в свою очередь, также не желали расставаться с добычей, завоеванной в кровопролитных боях. Вот и схлестнулись стойкость с яростью. Только последняя, изрядно потрепанная в бесплодных контратаках, угасла в янычарах, с тем чтобы спустя некоторое время воспрянуть под ударами плеток.

Скобелев понимал, что цель атаки не достигнута, впереди еще один барьер — редут Кованлек, взять его — значит путь на Плевну открыт. Он подтягивает резервы, артиллеристы занима-

ют позиции прямо в редуте, начинается артиллерийская дуэль — не в пользу турок. Дивизион поручика Прохоровича своим метким огнем быстро подавил орудия редута Кованлек. Немалые потери, понесенные турками во время контратак, когда орудия этого дивизиона расстреливали их в упор картечью, создали благоприятные предпосылки для взятия второго редута.

Но вот все готово к атаке. На этот раз она велась лишь небольшой частью сил с фронта, основные же усилия были направлены во фланг. По траншеям под прикрытием огня артиллерии атакующие приблизились к укреплению.

Скобелев руководил боем из занятого редута. На малейшее изменение обстановки тотчас следовало его распоряжение. И на этот раз чаша весов склонилась в пользу наступающих: турки были выбиты из траншей, бой шел уже на бруствере, зазвучало «Ура!», и вновь жестокая рукопашная схватка. Турки бежали из редута. По бегущим — огонь из ружей, затем из орудий, перевезенных сюда из редута Исса-ага. В 18 часов редут Кованлек полностью был очищен от турок, впереди, всего лишь в трехстах шагах, окраина Плевны, кажется, еще усилие, бросок, и город, у стен которого полегло столько отважных сынов России, будет в руках русских войск. Правда, для этого решающего броска сил у наступающих нет, как нет у Скобелева и резервов. Он понимает, что малейшее промедление — и выгодный момент для взятия Плевны будет упущен, и немедленно шлет донесение в Полевой штаб о взятии редутов, генерал просит дать ему подкрепление. Скобелев прекрасно сознавал, что он достиг большого успеха ценой невероятных потерь, и воспользовался бы возможностью взять Плевну — основную цель третьего штурма, имея под рукой достаточные резервы, но...

Пожалуй, наиболее уязвимым местом в деятельности Полевого штаба был сбор информации. Многие донесения вообще не проверялись, другие не отражали и приукрашивали положение дел из-за боязни огорчить царя. Полученное от второстепенного лица донесение сыграло если не решающую, то определенно отрицательную роль в неудаче русских войск под Плевной. Об этом донесении М. А. Газенкампф не упоминает, но о нем написал в своей книге «На войне» В. В. Верещагин, постоянно находившийся во время сражения рядом с главнокомандующим.

«Если не ошибаюсь, около 6 часов вечера из сплошного дыма выделилась фигура всадника в шляпе с широкими полями, в какой-то полувоенной форме, фигура сошла с лошади и стала подниматься; в ней узнали американского военного агента, капитана Грина, возвращающегося с наших позиций.

Государь тотчас же послал попросить его к себе и стал расспрашивать. Я стоял близко и слышал, как Грин рассказывал, что все атаки отбиты и штурм со всех сторон не удался. Я видел, что действие этого рассказа на государя, главнокомандующего и окружающих лиц было ужасное; вероятно, тут же запала в них перешедшая потом в решение мысль о необходимости оставить всякие дальнейшие попытки действовать открытой силой».

Грин явно лгал, но его ложь никто не проверил. Мало того, офицеры Полевого штаба пустились в споры. Упомянули и Скобелева: дескать, виноват, редут взял, да не тот, который следовало брать по диспозиции, и никто не упомянул о том, что вот уже в течение трех суток отряд Скобелева не выходит из боев.

После сообщения Грина у всех опустили руки. Пусть Скобелев был далеко. Но ведь Гривицкий редут был под носом, однако сведения о его взятии поступили слишком поздно, когда уже было принято решение о прекращении штурма и отводе войск. Растерянность командования полнейшая, иначе нельзя объяснить тот факт, что Скобелеву не была оказана так необходимая ему помощь.

Когда в штабе говорили о второстепенном значении взятых Скобелевым редутов, генералы и не подозревали, что в то же самое время разговор о них шел и в лагере турок. Осман-паша собирал силы, перебрасывал их с других участков на свой правый фланг, давая оценку значимости взятых русскими редутов, совершенно противоположную оценке русских. Ему невероятными усилиями удалось унять панику, охватившую Плевненский гарнизон. Турецкие солдаты изнемогали от утомления, они дрались с утра, им нечего было есть, к тому же доставать воду приходилось с большими затруднениями, так как источник находился между укреплениями и позициями, занятыми неприятелем. Не удивительно поэтому, что их дух был несколько поколеблен.

Не лучше, чем у противника, обстояли дела и в отряде Скобелева. Полки потеряли почти треть своих составов, в некоторых батальонах не осталось ни одного офицера, и поэтому Скобелев, воспользовавшись небольшой паузой, наскоро объединил разрозненные подразделения, иногда отдавая их под начало первым попавшимся офицерам. Люди сильно устали, многие не смыкали глаз по две-три ночи подряд. Высились горы трупов, доносился стон раненых, боеприпасы оказались на исходе. Укрепления, взятые отрядом Скобелева, не имели прикрытия с тыла, и поэтому сразу же, заняв их, солдаты принялись устраивать бруствер, материалами для создания которого служили

дерн с укреплений, доски и даже трупы. Несмотря на усталость и голод, солдаты понимали, что необходимо окопаться, и не жалели для этого сил. Они рыли или, вернее, ковыряли землю штыками, тесаками, скоблили манерками, выгребали руками, только бы как-нибудь прикрыться от огня с трех сторон. Недостаток шанцевого инструмента сказывался не только в отряде Скобелева. Это был больной вопрос всей русской армии. И все же солдатам удалось возвести нечто похожее на укрытие, закончить строительство которого им не дали турки, предпринявшие в надвигавшейся темноте еще одну попытку отбить Скобелевские редуты — так их теперь стали называть.

Собрав оставшиеся силы, Осман-паша двинул их на защитников редутов. Подхлестываемые плетками офицеров, турки бросились в первую контратаку. Весь редут окутался густыми тучами порохового дыма. Крики «Алла!» уже рядом, но следует залп, другой — ряды наступающих, словно споткнувшись о невидимую преграду, остановились, затем попятились назад и, развернувшись, бросились в обратную сторону, сопровождаемые огнем и ликующим «Ура!». Уже стемнело, когда турки предприняли еще одну атаку. Пользуясь прикрытием траншеи, ведущей от не занятого русскими редута, они дошли до него и обрушились на малочисленных защитников. Отбивались штыками. Турки, словно саранча, облепили все скаты, их победа совсем близка. Защитники отбивались с одной мыслью — подороже продать свои, казалось, обреченные жизни. Турки теснили, но вдруг могучее «Ура-а-а!» огласило ночную мглу — это свежие силы двух батальонов, приведенных Скобелевым, вступили в бой. Турки, не ожидавшие такого поворота событий, на мгновение растерялись, и этого оказалось вполне достаточно, чтобы заставить их повернуть вспять. Бежали они в полной панике, бросая оружие, не преследуемые русскими. В эту ночь турки больше не пытались возвратить редуты и ограничились лишь постоянным их обстрелом. С приходом двух батальонов (последнее, что осталось из резерва у Имеретинского) сложилось определенное равновесие сил. Скобелев понимал, что дальнейшее развитие боя зависит от того, какая из сторон быстрее подведет резервы.

Ночью в отряд Скобелева прибыл из главной квартиры полковник Орлов, которому Скобелев объяснил положение дел и просил как можно скорее прислать подкрепление, теперь уже с заботой не столько о развитии успеха, а для того, чтобы удержать занятые с таким трудом неприятельские редуты. Вся ночь прошла у Скобелева в незримом сражении с глупостью и интриганством высшего командования, и в частности, с П. Д. Зотовым.

Утром 31 августа Скобелев получил копию с депеши Зотова князю Имеретинскому. Зотов практиковал такой способ доставки приказаний от подчиненного к начальнику, что значительно «ускоряло» их получение. Деша гласила: «По приказанию Главнокомандующего предписываю Вам и ген. Скобелеву укрепиться и держаться на ныне занимаемых позициях впредь до особого приказания. Подкреплений не ждите, их у меня нет. Ожидаю точных сведений о потерях 30 августа». Как записал в своих воспоминаниях Д. А. Скалон, Зотов из зависти к конкуренту приказал ни в коем случае не поддерживать Скобелева.

Тревога овладела Скобелевым. Он мерил шагами пригорок, а в руке сжимал скомканную депешу от Зотова. «Черт знает что такое. Пишут, что нет подкреплений, а между тем я видел у них целые колонны, ничего не делающие. Хоть бы произвели демонстрацию и отвлекли от нас часть неприятельских сил, ведь нам приходится бороться чуть ли не со всей армией Осман-паши, — говорил он, волнуясь, Куропаткину. — Если бы мне теперь одну свежую бригаду...»

И такой бригадой наверняка могла быть бригада из 4-го корпуса генерала Крылова, находившегося недалеко на восточной стороне Тученицкого оврага.

Скобелев, всегда умело пользовавшийся различными приемами для поднятия духа войск, посылает в редуты своего ординарца Дукмасова с депешей, полученной от Зотова. Что это, ошибка? Ведь ни о каких радужных надеждах о высылке подкреплений в ней и речи не было. По мысли Дукмасова, эта телеграмма должна произвести удручающее впечатление на героических защитников редутов. Но после зачтения текста ординарец в ответ услышал: «Ну что ж, будем рассчитывать на свои силы, продадим подороже свои жизни». А лица говоривших были суровы, и решительные взгляды подтверждали, что именно так и будет.

Читатель, вероятно, не забыл, что сражение «открыл» банкет в честь тезоименитства государя. Кто и сколько в тот день выпил — осталось вне документов и мемуаров. Но неужели хмель так сильно задурманил начальственные головы, что в них даже не промелькнула мысль оказать помощь Скобелеву? Кто-то из генералов все-таки подал голос, но главнокомандующий так шикнул на него, что более никто не пытался возобновить разговор о поддержке левофлангового отряда. А между тем в полосу его действий режущая слух канонада не стихала целый день. Не прекратилась она и с наступлением темноты. Государь проявил беспокойство. «А не послать ли туда, — указал он в сторону Тученицкого оврага, — подкрепление?» Непокойчицкий тут же нашелся: «Ваше Величество, было бы рискованно ослабить

главный резерв, и если Скобелев будет разбит, то это не так важно, лишь бы главная атака была отражена». О какой атаке могла идти речь, когда Осман-паша, обеспокоенный взятием трех мощных редутов, полагал, что русские на следующий день возобновят штурм?

Ни главнокомандующий, ни Непокойчицкий не согласились оголить шоссе на Булгарени из-за боязни атаки турок. Весь штаб словно сговорился: только отступать, а Скобелев просил развить явный успех. Он доказывал, что Плевну надо брать, что туркам нечем закрыть образовавшуюся на фланге брешь. Что бы сделал Скобелев, будь он главнокомандующим? Конечно, не уступил бы позиций, завоеванных столь дорогой ценой. А затем, удерживая Гривицкий редут и тем самым держа турок в постоянном напряжении, перебросил бы часть сил туда, где находился сам. До Плевны от Скобелевских редут, почитай, рукой подать. Свой расчет Скобелев строил из того, что резервы у русского командования есть. Так какой смысл держать их в неприкосновенности! Ведь решается судьба баталии, а может, и всей войны. Решение, о котором помышлял Скобелев, с тактической точки зрения вовсе не являлось архисложным. Но и на него не хватило полководческого дара ни у Карла Румынского, ни у главнокомандующего. Зотов и Непокойчицкий также ратовали за отход. С лозунгом «На все воля Божья!» весь штаб отправился почивать.

Поздно вечером Осман-паша принял решение о переброске на свой правый фланг дополнительных сил с левого фланга и с центра части резерва, не побоявшись тем самым ослабить их, считая участок, где прорвался Скобелев, самым важным. Вот как об этом он сообщил Риза-бею, командовавшему западными укреплениями: «Сегодня мной собран отдельный отряд, из 15-20 батальонов, который завтра произведет атаку занятых противником укреплений, а потому предписываю всем войскам правого фланга упорно держаться на занимаемых ими местах».

У русского командования в распоряжении была ночь, таким же отрезком времени располагали и турки, и они им воспользовались умело. Николай Николаевич не решился отдать приказ об отступлении на левом фланге, редуты все-таки взяты, но и словом не обмолвился о высылке подкрепления Скобелеву — больше волнений ему доставляла забота о безопасности императора, да и свою персону из виду не упускал. Колебался главнокомандующий, а штаб в полном смысле слова шатался. Шли разговоры: «Авось удержим», а вот чем и как — это предоставили решать Скобелеву.

И Скобелев решил. Во-первых, если подхода резервов не ожидается (а он все-таки надеялся на то, что пусть не движение

вперед, а важность удержания выгодной позиции заставит командование оказать помощь), сделать все необходимое для отражения атак турок, у которых Скобелевские редуты были бельмом на глазу. Он решил сосредоточить весь шанцевый инструмент, имеющийся в наличии, и, насколько позволит время и физические возможности людей, не выходявших из кровопролитных боев трое суток, укрепить редуты с тыльной стороны. Во-вторых, обеспечить путь к возможному отступлению — этот вариант он тоже предвидел и расположил два батальона Калужского полка на втором гребне Зеленых гор между редутами и позициями артиллерии. С этой же целью должны быть использованы спешенные казаки. В-третьих, выделить хоть какой-нибудь резерв — для ликвидации возможного прорыва турок. В-четвертых, по возможности убрать раненых, формируя из них команды во главе с получившими нетяжелые ранения. Скобелева преследовала мысль, что он не в состоянии захоронить павших русских солдат, тела которых в случае занятия турками редута будут подвержены варварским издевательствам. И последнее: обеспечить питание солдат и подвезти боеприпасы. Последнее было, пожалуй, самым основным.

В то время, когда высшие армейские чины видели сны, Скобелев трудился без устали. Казалось, он успевал повсюду. Солдаты видели «белого генерала» в траншеях, у походных кухонь, в его охрипшем голосе вовсе не звучали нотки уныния. Скобелев умел поддержать дух в войсках, внушить каждому мысль о высоте нравственной силы русского солдата — основного преимущества над турками. И уставшие, измученные воины подтягивались, работали энергичнее.

Высокопоставленные начальники не жаловали своими визитами войска, расположенные на передовой. А если все же они и покидали насиженные места, то эти скоропалительные наезды были окружены такими предосторожностями, что выкроить время на беседу с солдатами попросту не удавалось. Складывалось впечатление, что генералы словно спотыкались о невидимый барьер, который отделял их от нижних чинов. Душа солдата для большинства русских генералов оказалась сокрыта за семью печатями. Но и солдаты отвечали тем же — оставались глухими и равнодушными к слезливым просьбам: потерпеть, выдюжить и т.п. Терпели и стойко переносили они трудности в надежде на помощь Бога, да и об Отечестве желанном памятовали.

В пореформенный период в армии происходил важный процесс нравственных перемен: от шпицрутенгов и зуботычин — к созданию системы обучения и воспитания солдат, пользовавшихся относительной свободой. Для многих офицеров этот период затянулся только потому, что они не желали замечать в

солдате человека, равного себе, и за нежелание понять это рас-
плачивались глубокой неприязнью.

Другое дело — Скобелев. В нем удачно сочетались замеча-
тельные качества, воспринятые у выдающихся русских полко-
водцев прошлого — Суворова, Кутузова, Багратиона. В их рат-
ных подвигах находил он ту любовь и уважение, которую изве-
стные военачальники питали к «серой массе», к простому рус-
скому солдату, несшему на своих плечах тяжкое бремя войны.
Во все времена человек, надевший солдатскую шинель, был
особо почитаем у русского народа. Существовал неписанный на-
каз, который давали соотечественники отправлявшимся на во-
инскую службу. Нарушить его означало навлечь на себя несмы-
ваемый позор. Скобелев, в силу жизненных обстоятельств
имевший мизерную возможность общения с простыми людьми,
стремился познать этот мир, где слова «честь», «Родина» и
«долг» были вовсе не пустыми звуками. Солдаты приняли гене-
рала «за своего». Любовь была взаимной. Скобелев, посылая
солдат в самое пекло, откуда выйти живым почиталось за вели-
кое счастье, никогда не отсиживался за спинами подчиненных,
вровень с солдатами стоял перед смертью. Он всегда ревностно
оберегал достоинство русского воина.

Ни для кого не являлось секретом, что господа офицеры
грешили рукоприкладством. Узнав однажды, что один из пол-
ковых офицеров ударил солдата, Скобелев вызвал провинивше-
гося и сурово отчитал:

— Я попросил бы вас этого в моем отряде не делать. Теперь
я ограничиваюсь строгим выговором, в другой раз должен при-
нять иные меры.

Офицер стал оправдываться, сослался на дисциплину, на
глупость солдата, на то, что зуботычина — единственный спо-
соб внушения...

— Дисциплина должна быть железною, — едва сдерживая
гнев, сказал Скобелев, — в этом нет никакого сомнения, но до-
стигается это нравственным авторитетом начальника, а не бой-
ней. Срам, полковник, срам! Солдат должен гордиться тем, что
он защищает свою Родину, а вы этого защитника, как лакея,
бьете!.. Гадко!.. Нынче и лакеев не бьют. А что касается глупо-
сти солдат, то вы их плохо знаете... Я очень многим обязан
здравому смыслу солдат... Нужно только уметь прислушиваться
к ним...

На полях сражений русско-турецкой войны кабинетная
стратегия терпела крах. Скобелев, пожалуй, одним из первых
оценил это. Впрочем, он никогда ей и не следовал, предпочи-
тая видеть картину боя на самом поле сражения. Солдатская
тактика и смекалка зачастую подсказывали ему самые нежиз-

данные решения. Так было под Ловчей, когда в ход пошли ходули для преодоления глубоких ручьев. Здесь, под Плевной, солдаты использовали небольшие переносные лестницы, по которым ловко карабкались на крутые скаты редутов. Да, на таких солдат надобно было молиться! Когда Скобелев слышал выражение «Война все спишет», то приходил в неопиcуемый гнев:

— Солдат на войне должен чувствовать заботу, и если он голоден и оборван, грош цена такому командиру!

Заметим, говорил это генерал, значительно уступавший севовласым командирам в возрасте и жизненном опыте. И вовсе не случайно, что солдаты отвечали ему безграничной преданностью, любовью и с гордостью говорили: «Мы — скобелевцы!»

...Хотя Скобелев был брошен командованием на произвол судьбы, ему все же удалось добиться того, что войска выполнили намеченное. В эту ночь, как и ранее в боях у Ловчи, большую помощь Скобелеву в организации обороны оказывал начальник штаба его отряда Алексей Николаевич Куропаткин. Он родился в семье офицера в 1848 году, и поэтому на выбор его жизненного пути большое влияние оказали семейные традиции. В 1866 году после окончания Павловского военного училища служил в Туркестане, где принимал участие в военных действиях, затем поступил в Николаевскую академию Генерального штаба и в 1874 году закончил ее. До начала русско-турецкой войны находился в Туркестане, откуда по прошению был направлен в Дунайскую армию. К началу войны с Турцией Куропаткину было двадцать девять лет. Молодость, энергия и личная храбрость — вот те черты, которые повлияли на решение вопроса о выборе начальника штаба. Скобелев, знавший Куропаткина по Туркестану и ценивший в нем эти качества, а кроме того, штабную культуру и отличное знание военного дела, остановился именно на нем. Дальнейшие события подтвердили правильность выбора.

Начиная с рассвета турки, не опасаясь за другие участки, на которых стояла тишина, дали себе волю и обрушили на защитников Скобелевских редутов ураган огня. Но Скобелев, сознавая то, что наспех возведенные укрытия не могут служить прочной защитой для обороняющихся, отдал распоряжение на отвод части сил за редуты, тем самым значительно сократив потери от перекрестного огня...

Рассветало, туман рассеялся. От Кришина показались густые цепи турок, медленно продвигающихся вдоль первого редута. Издавая гортанные крики, они бросились на штурм. Картечные гранаты дивизиона капитана Васильева и плотный оружейный огонь вырывали из их строя один десяток за другим. Турок от-

деляло от редутов около сотни шагов, но это расстояние оказалось непреодолимым. По трупам, густо усеявшим склон, можно было судить, что первый приступ дорого обошелся наступающим.

Отойдя от редутов на одну версту, они привели свои ряды в порядок, залегли и открыли ружейный огонь, готовясь к атаке. Осман-паша направил сюда новые подразделения. Около восьми часов утра атака повторилась, теперь уже более значительными силами. Скобелев, наблюдавший за движением турок, послал ординарца с приказанием снять две роты с третьего гребня и нанести удар во фланг наступающим, кроме того, на этот гребень он приказал выдвинуть батарею. Турки, оказавшись в огненном мешке, неся тяжелые потери, залегли в ста метрах от редута и открыли беспорядочный огонь. Как ни стремились офицеры поднять их в атаку, ничего не вышло. Огонь орудий с фронта и фланга заставил все же турок подняться и побежать, но в сторону, противоположную редуту № 1. Расположив свои потрепанные цепи против него и открыв огонь, турки, поняв бесплодность атак на редут № 1, решили изменить направление удара, перенеся его на редут № 2, предварительно подтянув резервы из Плевны. Теперь против героев действовало двадцать два табора (около тринадцати тысяч человек), то есть почти половина всего гарнизона Плевны. Могли ли рассчитывать защитники редутов, при всей их стойкости, на успех в отражении атак при почти трехкратном превосходстве неприятеля?

В 10 часов 30 минут Скобелев получил записку от П. Д. Зотова: «По приказанию Великого Князя главнокомандующего, если вы не можете удержаться на занятых вами позициях, то начните, но, по возможности, отнюдь не ранее вечера, медленное отступление к Тученице, прикрываясь конницей Леонтьева. Сообщите это приказание Его императорского Высочества князю Имеретинскому. Держите все это в великом секрете, а в том, что вы сумеете и поймете сделать должное, сомнения нет.

Гривицкий редут у нас в руках, но продолжать наступление не с чем, а потому решено медленное отступление».

Просили продержаться до вечера, но каким способом? Об этом в записке не было сказано. Во всем полагались лишь на Скобелева — авось не подведет. И Скобелев не подвел.

Невозможное поначалу делалось возможным благодаря мужеству и героизму русских солдат. Критическим моментом в обороне редутов стала третья атака турок. Началась она с такого сильного обстрела, что, казалось, в этом море огня вряд ли кто из защитников уцелеет. Цепи турок приблизились к редутам, и защитники их дрогнули, сначала поодиночке, а затем

группами стали покидать их. И тут в ряды отступающих ворвался Скобелев:

— Ребята, не годится показывать спины проклятым туркам!

И окровавленные, измученные до предела остатки полков, словно скинув с себя груз усталости, бросились в окопы. Турки не воспользовались представившимся моментом, защитники встретили их дружными залпами. Атака турок захлебнулась, хотя потери русских были велики.

Какие силы надо было иметь, чтобы не дрогнуть в этом кровешном аду? Какие слова надо было найти, чтобы у подчиненных не возникло сомнения в необходимости защиты редутов? Какой выдержкой необходимо обладать, чтобы с уст не сорвались слова проклятий тем, кто бросил его отряд на произвол судьбы? Какое мужество надо было проявить, чтобы горечь не заполонила разум? Сражение было чем-то похоже на уличную драку, где припертый к стене смельчак-одиночка отчаянно отбивался от наседавших недругов, выискивая при этом путь к спасению.

Внезапно напомнил о себе редут Омар-бей Табия. На остальных позициях турки чувствовали себя вольготно и свободно маневрировали силами. Увы, Скобелев немного мог противопоставить натиску. Опыт подсказал, что с началом обстрела лучше будет, если солдаты покинут редут. Сам-то Скобелев, конечно, остался, ведя наблюдение за противником. И как только турецкие цепи потеряли бдительность (укрепление-то безмолвствовало), приказал вернуться. Мощный залп дал понять наступающим, что силы у защитников еще есть. Почти без перерыва четвертая атака обрушилась на Скобелевские редуты. Но и она успеха не имела. Редуты представляли к этому времени страшную картину. Трупы русских и турок лежали горами. В глубокой траншее, связывающей редуты, продольные неприятельские выстрелы клали сразу десятки людей, и горы трупов, заполнявших траншею, чередовались с еще живыми защитниками. На редуте № 2 часть бруствера, обращенного к Плевне, была сложена из трупов. На редуте № 1 три орудия 5-й батареи 3-й артиллерийской бригады были частью исковерканы и лишены прислуги и лошадей. Остальные два орудия 2-й артиллерийской бригады, также утратившие прислугу, были уведены раньше. Стоявшее в редуте орудие тоже было подбито. Скобелев велел вынуть кольца, чтобы орудия не попали в руки турок.

Но положение отряда Скобелева после четвертой атаки стало безнадежным. Оставив мысль получить подкрепление, Скобелев с угрюмым видом обходил укрепления. Огонь турок почти стих, но лишь по той причине, что готовилась пятая атака. Возглавить ее решил сам Осман-паша. Он приказал стянуть все

имеющиеся резервы, тем самым ослабив до крайности состав гарнизонов в траншеях и редутах на всех остальных позициях. Дабы придать новые силы подчиненным войскам, Осман-паша приказал нести впереди исламское зеленое знамя, а муллам в таборах распевать молитвы. Позади атакующих расположилась батарея и два кавалерийских полка, которые получили приказ стрелять и рубить каждого, кто вздумает отступить.

Что мог сделать, оказавшись в таком положении, Скобелев? Отступить. Но его просили продержаться до вечера, да и отступление превратилось бы в бегство, так как его нечем было прикрывать, все силы брошены в редуты. И в это время он получил сообщение, что в его расположение прибыл ослабленный во вчерашнем сражении Шуйский полк, направленный командиром 4-го корпуса Крыловым. Разве это те силы, в которых нуждался Скобелев? Весь корпус стоит без дела, а ему выделяют полк, потерявший в боях более одной трети своего состава. Скобелев понимает, что это конец, и отдает распоряжение командиру полка оставаться в резерве, в готовности прикрыть отход основных сил отряда из редутов.

В 16 часов 30 минут турки несколькими линиями густых колонн двинулись в атаку на Скобелевские редуты. В нее они вложили всю ярость. Огонь защитников косил их, внося расстройство и ломая ряды, но, невзирая на это, огромная масса наступавших неумолимо двигалась вперед. Вот они уже у редута № 1, комендантом которого Скобелев назначил майора Горталова. Силы явно неравны, и Скобелев, как ему ни тяжело это сделать, отдал приказ собрать раненых и отступить. Вокруг Скобелева — оставшиеся в живых ординарцы, несколько офицеров из редута.

— Господа, мы отступаем, — голос его дрогнул. — Мы отдаем туркам взятое. Сегодня день торжества наших врагов. Но и нам он славен... Не покраснеют мои солдаты, когда им напомним тридцатое августа... Мы уходим! Шуйцы прикроют отступающих.

Небольшая горстка защитников во главе с майором Горталовым продолжала оставаться в редуте № 1. Они, несмотря на приказ, не пожелали отойти, бросились на турок в штыки и все погибли*.

Не пожелали уйти из редута № 2 его защитники во главе с комендантом подполковником Мосцевым. Он организовал круговую оборону, видя, что турки начинают обходить редут с флангов. Скобелев, оценив обстановку, понял, что это может

---

*На месте бессмертного подвига Федора Матвеевича Горталова, сутки удерживающего редут, установлен бронзовый бюст героя.

привести к напрасной гибели нескольких сотен героев, и повел в атаку Шуйский полк, но перед этим направил Мосцевому записку с приказанием отступить.

Корреспондент Максимов, раненный на одном из Скобелевских редутов, страдая от потери крови, записал в блокнот: «До нас донеслись ликующие крики турок: «Алла!» Что значат эти крики, эта музыка, этот зловещий... грохот орудийных колес? Неужели турки отняли у нас редуты, доставшиеся нам кровью тысяч людей, — редуты, на которых мы с такими жертвами держались 24 часа? Неужели все эти тысячи раненых, убитых, изувеченных, обезображенных — все это напрасные жертвы нашей злосчастной судьбы? Неужели мы снова отступили с плевенских позиций?»

В 5 часов вечера турки овладели обоими редутами. Максимов стал свидетелем следующей картины. Скобелев, используя кратковременную передышку, отдал приказ подобрать раненых. Положили на импровизированные носилки и Максимова. Полюбившийся Скобелеву корреспондент, можно сказать, отправлялся в тыл с удобствами, остальных же раненых санитары и солдаты тащили на себе. При этом уцелевшие воины, опять-таки по распоряжению Скобелева, образовали некое подобие каре, по внешним сторонам которого кружили русские конники. Турки попробовали сунуться, но получили отпор. Да и артиллеристы-молодцы поражали турецкие цепи с такой меткостью, что у тех пропала охота к преследованию. Так, отбиваясь от наседавших турок, остатки Скобелевского отряда вышли на второй гребень.

Скобелев присел на валун и низко опустил голову. Он выглядел так же, как и его солдаты: мундир был облеплен грязью, сабля изломана, Георгиевский крест сбилсЯ набок, лицо черное от порохового дыма, волосы обгоревшие, глаза полны слез, голос охрип. На душе тягостно, и эта тяжесть болью отзывалась в сердце. У этого, казалось бы, железного человека, лишившегося почти всего отряда, пережившего и смерть друзей, и трагические переходы многочасового боя от победы к поражению, по щеке медленно катилась огромная слеза.

— Пошлите сюда казака...

И быстро на листке бумаги набросал несколько строк: «Из редутов выбит. Отступаю в порядке, прикрываюсь вашим Шуйским полком».

— Отдать этот листок генералу Крылову. Спешите.

Гонец исчез в темноте.

До вечера 1 сентября Скобелевский отряд занимал второй гребень, который турки обстреливали лишь ружейным огнем, но чувствовалось, что и на этой позиции они не оставят Ско-

белева в покое, и он как мог укрепился на нем. В 7 часов вечера Скобелев получил приказание об отводе войск со второго гребня на позиции, которые занимал отряд до начала третьего штурма Плевны. Потом стало известно, что против Скобелева было направлено до 40 батальонов, то есть 4/5 всех сил Османа.

Так закончился теперь третий штурм Плевны. Как и после неудачи второй Плевны, верховным командованием овладела паника. Главнокомандующий и Непокойчицкий не знали, за что взяться, царь опасался наступления турок, опасался этого и Зотов, и поэтому приказал спешно демонтировать осадные батареи и отправить их к переправе в Систово.

В этот день на одной из осадных батарей главнокомандующий провел военный совет, на котором едва не возобладало мнение: не следует ли при создавшихся обстоятельствах снять осаду Плевны? Между прочим, было решено вызвать из России всю гвардию, в ожидании же ее начать отвод войск от Плевны. На сей раз Скобелева пригласили на этот совет, чтобы объявить о производстве в чин генерал-лейтенанта и вручить орден Станислава I степени*. Получив, хотя и запоздалую, возможность высказаться, Скобелев отмолчался. Моральное истощение последних дней вконец утомило.

Но ни чин, ни орден не могли ему дать большего удовлетворения, чем то, которое он получил от назначения начальником 16-й дивизии. Вакансия освободилась почти при анекдотических обстоятельствах. Скобелев был утвержден начальником дивизии вместо генерала Померанцева, которого имеретинский жеребец сбросил с себя на землю и вдобавок изрядно лягнул. Наконец-то справедливость, правда не совсем полная, но восторжествовала, и ему доверили командование большим соединением, которым в то время считалась дивизия. Достаточно напомнить, что даже такой видный военный деятель, как Драгомиров, начал войну начальником дивизии.

Скобелев попросил разрешения у главнокомандующего дать ему отпуск. Ни в какой награде он так не нуждался, как в отдыхе. Великий князь не отказал, и Скобелев выехал в Бухарест.

Отгремели жестокие сражения третьей Плевны. Мертвое молчание разделяло стороны.

---

* Орден учрежден 7 мая 1765 г. польским королем Станиславом Августом (Понятовским). После третьего раздела Польши Александр I стал жаловать орден польским уроженцам. 1 декабря 1815 г. он утвердил статус, по которому орден был разделен на четыре степени. 17 ноября 1831 г. Николай I причислил орден к российским орденам. 28 мая 1839 г. четвертая степень была упразднена. Девиз ордена «За Веру, Царя и Закон». Знак ордена — мальтийский красный крест, с мечами и короной над ним. Звезда ордена — золотая с медальоном голубого цвета. Лента ордена темно-голубая, гладкая.

Утихли бои, но мысли вновь и вновь обращались к этой жестокой сече. Все пытались найти причину неудачи. Казалось, все осуществлялось по науке: и подготовка к штурму, и обстрел позиций противника, и сам штурм, а успех вновь ускользнул. Это доказывало либо силу турецкой армии, либо слабость русской армии, чего нельзя было предположить, ибо во всех сражениях русский солдат показывал истинный героизм, стойкость и значительное моральное превосходство над турецким. Причина была совсем в другом — в совершенной бездарности высшего русского командования. И это стало настолько очевидным, что даже царь был в нерешительности. Кому же поручить покончить с Плевной? И как добиться перелома в войне, которая складывалась не в пользу русских?

Вечером 31 августа Александр II вызвал Д. А. Милютину и сказал: «Приходится отказаться от Плевны, надо отступить».

«Пораженный как громом таким неожиданным решением, — вспоминал Милютин, — я горячо восстал против этого, указал неисчислимы пагубные последствия подобного исхода дела».

«Что же делать, — сказал государь, — надобно признать, что нынешняя кампания не удалась нам».

В трех штурмах Плевны русская армия потеряла тридцать две тысячи человек убитыми. Потери эти усиливались большим количеством раненых, которых только после третьей Плевны было около десяти тысяч человек. Потери большие, а цель так и не достигнута. За два с половиной месяца войны высшее командование Дунайской армии ничему не научилось, да и не имело такового желания. Все его действия были основаны не на реальном соотношении сил, а в расчете на доблесть русского солдата, на благоприятную случайность, предоставленную Всевышним, и на глупость турецкого командования. Мало того, за весь период с начала кампании совместными усилиями наделали столько ошибок, что их хватило бы на несколько войн, и самое главное то, что за глупость верхов приходилось расплачиваться реками русской крови, пополнявшимися ручьями братской крови болгар, на которых турки вымещали всю злобу за свои, даже небольшие, неудачи.

Высшее командование не желало понять простую истину, что вести войска на смерть можно, только имея шанс на успех. А убеждения как такового и не было, все действия строились на авось. Полное безволие и неспособность руководить войсками особенно проявились при третьем штурме Плевны, когда даже несомненный успех высшее командование сочло за неудачу.

Чем же объяснить, что Скобелева не поддержали? Нетрудно догадаться, что и в таком важном деле, как штурм Плевны, не

последнюю роль сыграли интриги. Именно В. В. Верещагин, неотлучно находившийся при Главной квартире, первым высказал эту мысль. Вспомните поведение Левицкого, Зотова, Непокойчицкого в самые напряженные моменты сражения. Вспомним записи, которые сделал в журнале боевых действий Дунайской армии Газенкамф. Нет, вовсе не отсутствие информации, а нежелание протянуть руку помощи Скобелеву, который с обескровленным отрядом сражался со всей армией Осман-паши, сыграло свою злосчастную роль. Талантливость, молодость и храбрость Скобелева будили во многих зависть. Он выполнял свой долг на совесть и был прям в суждениях о высших должностных лицах. Такое разве могло пройти бесследно! Несомненно, успехи Скобелева в третьем штурме Плевны объясняются беспримерным героизмом солдат и офицеров его отряда. Но ведь такие же войска, такие же солдаты и офицеры служили и в других частях и в бою проявили доблесть не меньшую, чем подчиненные Скобелева. Поэтому можно сделать вывод, что для общего успеха 30 августа не доставало искусной руки, ума и отваги — всех тех качеств, которыми в достатке обладал Скобелев. Он постоянно находился в самой гуще сражения, следил за его ходом, вовремя принимал необходимые решения, а в особо критические моменты сам вел войска, увлекая их личным примером.

«Наполеон великий, — вырвались у Скобелева горькие слова, — был признателен своим маршалам, если они в бою выигрывали ему полчаса времени для одержания победы: я выиграл целые сутки, и меня не поддержали».

Третья Плевна открыла глаза на многое и показала истинную цену каждому военачальнику. Обвинять ротных, батальонных, полковых командиров в каких-либо просчетах — несправедливо. Тактика лобового удара напрочь отвергала любую инициативу.

Окружение императора всеми правдами и неправдами пыталось скрыть поражение под Плевной, однако тревожные вести с Балкан различными путями проникали в Россию, вызывая возмущение в различных слоях общества. Очень точно охарактеризовал обстановку в России К. П. Победоносцев: «Ошибки, упорные, повторяющиеся изо дня в день, теперь на устах у всех и у каждого. Приезжающие из армии не находят слов выразить горечь и негодование свое на бессмысленность планов и распоряжений... Это грозит в будущем великой бедой целой России, если все останется в армии по-прежнему... Что-нибудь надобно делать, чтобы растворить эту желчь, чтобы погасить это негодование».

Теперь относительно потерь. Скобелеву еще долго ставили в

вину то, что у него потери, самые высокие. Говорили: «У кого больше перебили солдат, как не у Скобелева?» — это было еще до замораживания 24-й дивизии на Шипке, до Горного Дубняка*, до перехода гвардии через Балканы. И объясняли это его тщеславием: «Он пошлет десятки тысяч на смерть ради рекламы. Ему дорога только своя карьера».

Заметим, что с начала войны и до третьего штурма Плевны Скобелев не занимал никакой штатной должности. А как только заполучил ее, то преподнес и доморощенным стратегам, и противнику предметный урок. И вовсе не желание выслужиться, чуждое Скобелеву по натуре, а боевой опыт, помноженный на знания, укрепляли авторитет «белого генерала». Получив под командование значительный по численности отряд, Скобелев тут же претворил в жизнь собственные задумки. Зеленые горы стали полигоном, где Скобелев опробовал тактику глубокого эшелонированного прорыва и активного артиллерийского наступления. Еще труднее упрекнуть Скобелева в бездушном отношении к солдатским жизням.

Сравнивая задачи трех отрядов, штурмовавших Плевну, можно заключить, что задачи левого фланга были значительно сложнее остальных. При взятии редутов потери у Скобелева были наименьшими, чем на остальных участках, и лишь после того, как турки подвергли левый фланг русских в течение суток яростным атакам, число их, естественно, значительно возросло.

Официальные цифры потерь при трех штурмах Плевны выглядели так: более пятидесяти тысяч с русской стороны, около двадцати тысяч — с турецкой. Становилось очевидным, что четвертый штурм намного увеличит этот скорбный счет... И вот тут выяснилось, что относительно дальнейших действий русских войск ни в штабе Дунайской армии, ни у сиятельных особ единомыслия нет. Государь поодиночке побеседовал с братом, Милютиным, Непокойчицким. Николай Николаевич предложил свернуть лагерь под Плевной, перейти Дунай и стать фронтом на границе Румынии. Милютин подал идею «правильной осады Плевны», Непокойчицкий вообще не высказал ничего вразумительного, сославшись на Божью волю.

Как нам помнится, государь дал твердое обещание не вмешиваться в управление войсками. И до сих пор Александр Николаевич слово свое держал. Теперь же настал момент, когда на карту были поставлены судьба армии, исход войны. Груз ответственности пришлось взять на себя. Но прежде чем сделать это, государь созвал 1 сентября военный совет. Высказывались поочередно. Николай Николаевич вновь задал об отступлении.

---

* Горный Дубняк — ныне город Горни-Дыбник.

По праву старшего государь оборвал брата, а тот вспыхнул: «Как видно, я не способен быть воеводой, ну и смени меня, пойду заниматься коннозаводством». К сожалению, государь не откликнулся на это предложение. Совет продолжался. Зотов поддерживал великого князя, а вот помощник Непокойчицкого Левицкий ловко выдал мысли Милютина за свои, и военному министру пришлось как бы заимствовать их. Но он выступал последним и со всей прямоотой высказался за организацию осады Плевны.

Беспокойство государя было глубоким. Доверие к высшим чинам было подорвано. Насмешки, которые безудержно сыпались из уст европейских правителей, раздражали. Сообщения из России выглядели угрожающими. Прояви государь чуточку ранее решительность, избавься от тех, кому место было в обозе и все могло сложиться по-другому. Но нет, никто не услышал упрека, никто не был смещен. Более того, Зотов стал «начальником обложения Плевны». Александр II согласился с настояниями Милютина держаться и укрепляться на прежних позициях до прибытия подкрепления из России, а затем перейти к постоянным атакам неприятельских укреплений, перерезав путь сообщения с Виддином и Софией.

Зотову недолго пришлось осуществлять задуманное военным министром. Действовал генерал вяло, с оглядкой на великого князя и вынудил-таки государя рубануть сплеча. Зотов был отстранен от должности, а Александр II воспользовался советом Милютина и поручил ему отправить телеграмму в Петербург Э. И. Тотлебену*. Герой Севастополя внимательно следил за событиями на Балканах и, получив приглашение, дал согласие на назначение на пост командующего войсками, действовавшими против Плевны.

«До третьей Плевны, — говорил Скобелев, — я был молод, оттуда — вышел стариком! Разумеется, не физически и не умственно... Точно десятки лет прошли за эти семь дней, начиная с Ловчи и кончая нашим поражением... Это кошмар, который может довести до самоубийства. Воспоминание об этой бойне — своего рода Немезида, только еще более мстительная, чем классическая... Я искал тогда смерти и если не нашел ее — не моя вина!..»

---

* Имя генерала Э. И. Тотлебена неразрывно связано с одной из самых ярких и героических страниц русской армии — обороной Севастополя. Один из лучших военных инженеров того времени, он приложил немало усилий для превращения города в неприступную крепость. Тотлебен, способный принимать решения не торопясь, тщательно все обдумав и не проявляя при этом никакой горячности, более чем кто-либо другой отвечал требованиям сложившейся обстановки.

В последней фразе все же больше эмоций, нежели правды. Жизнелюб Скобелев очень хотел увидеть то, что сотворится через год, два, пять... Да и свою персону он зрел отнюдь не затеявшейся в русском генералитете. Настроение подавленности у «белого генерала» было недолгим. Помогли, как всегда, книги. Он перелистывал страницы военно-исторических изданий, свертывал их с записями в блокноте, с которым был неразлучен, делал умозаключения, строил планы.

Здесь, в Бухаресте, никто не пользовался такой известностью и таким уважением, как Скобелев. Раненые солдаты и офицеры, принимавшие участие в боевых действиях, еще до приезда «белого генерала» рассказывали, не скрывая восхищения, о военачальнике, с которым им пришлось воевать. И совсем не случайно на биваках звучала солдатская песня «Генерал Скобелев-2 под Плевной».

*Было дело так под Плевной,
Дело славное, друзья!
В бой водил нас всех удалый
Наш ли Скобелев-второй,
Сам он, славный, пред полками
Ясным соколом летал.
Сам солдатами он правил,
Сам и пушки направлял.
Бой кипел, герой наш смелый,
Удалой боец лихой,
Не страшился пульей вражьих,
Не боялся и штыка,
И не раз подле героя
Смерть была уже близка.
Он над пулями смеялся,
Видно, Бог его хранил.
И редуты за редутом
Брал у турок он штыком.
Раз одна злодейка пуля
Полетела в хребтеца.
Ангел же его хранитель
Спас могучего бойца.*

(Записана в Тамбовском полку в 1890 году. — Б. К.)

Так уже при жизни Скобелева начала складываться легенда о генерале-богатыре, народном любимце.

В Бухаресте же произошла и первая встреча Скобелева с Тотлебенем, который остановился здесь перед тем, как отправиться в действующую армию. Тотлебен 12 сентября писал из Бухареста: «Завтра рано утром поеду с генералом Скобелевым в Зимницу, а послезавтра надеюсь прибыть в главную квартиру в Горный Студень. Генерал Скобелев был болен, оставался поэтому несколько дней в Бухаресте... Я признаю нашу встречу здесь счастливой случайностью, так как он хорошо знаком с

положением дел... Он сообщил мне, конечно, много интересно-го... Скобелев и многие другие... говорят, что в армии ожидают меня с большим нетерпением».

На первых порах они сошлись, даже казались неразлучными. Вместе обедали, ужинали. Обоих объединяло общее дело и недоверчивость к «штатским генералам». Но несхожесть характеров, различие взглядов на войну сомнению не подлежали.

Один — весь осторожность, даже медлительность, спокойствие, рассудительность (Тотлебену было под шестьдесят). Другой — кипучая жажда деятельности, отвага, стремительность в принятии решений, порывистость — словом, качества, необходимые в открытом бою с неприятелем. Поэтому для блокады Плевны нужнее был Тотлебен, а для сражения — Скобелев.

БЛОКАДА ПЛЕВНЫ

Тотлебен прибыл в Главную квартиру 15 сентября и представился царю. На следующий день он был назначен начальником над всеми русскими и румынскими войсками и, ознакомившись с положением дел, принял твердое решение действовать против армии Осман-паши блокадой, взять Плевну измором. Тотлебен также отверг и всякую мысль о попытке взять город путем постепенной систематической осады. Решение, несомненно, осторожное, в противовес предложению, выдвинутому рвущимися в бой Скобелевым и Куропаткиным, но, учитывая возраст Тотлебена, становится понятной его боязнь растратить здесь, под Плевной, о которую разбились уже три русских штурма, столь дорогую ему славу героя Севастополя. «Четвертого штурма Плевны не будет», — заявил он. Решение на блокаду Плевны отвечало и требованиям обстановки. Войска, измотанные в кровопролитных сражениях, нуждались в отдыхе. В случае удачи блокады можно было в относительно короткий срок заставить гарнизон Плевны либо капитулировать, либо прорываться, и тогда бы роли поменялись: туркам пришлось бы штурмовать возведенные русскими войсками укрепления. Правда, шли слухи, что у Осман-паши в Плевне сосредоточены запасы на год, но это воспринималось с серьезными сомнениями.

Представлять Осман-пашу таким плевненским сидельцем, не рвущимся в бой, было бы ошибочно. Но командующий турецкой армией был скован по рукам и ногам повелениями султана. Смысл их сводился к тому, чтобы как можно дольше держаться в Плевне и тем самым не позволить русским возобновить активные действия. Султан, дав очередную взбучку Мехмет-али-паше и Сулейман-паше, заставил их перейти от обороны к решительному наступлению. Мехмет-али-паша, сосредото-

точив имеющиеся силы, навалился на Рушукский отряд, которым командовал цесаревич Александр. Государю пришлось изрядно поволноваться за судьбу как отряда, так и сына. Все закончилось относительно благополучно лишь только потому, что командующие турецкими армиями действовали несогласованно. Положение в зоне действий Рушукского отряда удалось восстановить, а армия Сулейман-паши после бесплодных атак на Шипке вынуждена была занять исходные позиции.

Осман-паша, поняв, что русские, по крайней мере пока, отказались от штурмовых действий, принялся за укрепление своих тыловых коммуникаций, разместив гарнизоны на участке Софийского шоссе от Плевны до Телиша. Участок от Телиша до Орхание взяли под охрану гарнизоны из особого корпуса Шефкет-паши, служившие прикрытием пути, по которому Плевна регулярно и беспрепятственно получала подкрепления.

Командование русской армии давно вынашивало идею перерезать шоссе, по которому шло снабжение осажденной Плевны, но сделать это с помощью кавалерийских отрядов не удавалось. Теперь же, исполняя замысел Тотлебена о блокаде, шоссе во что бы то ни стало следовало надежно перекрыть. Поручили это Западному отряду, усиленному свежими гвардейскими полками, прибывшими из России. Перехват Софийско-Плевненского шоссе наметили в двух местах: у Горного Дубняка и у Телиша. Войска возглавил генерал И. В. Гурко. Но первый бой для русских сложился неудачно. Турецкие укрепления располагались на холме, с которого хорошо просматривалось и простреливалось все вокруг. Гвардейские же полки шли в атаку в колоннах и потому в первые же минуты боя понесли тяжелые потери от многослойного огня турок. Очевидец наступления Измайловского полка запомнил, что головные роты шли в развернутом фронте, офицеры на своих местах отбивали такт: «В ногу! Лево! Лево!» С 9 часов утра до 5 часов вечера brave гвардейцы, следуя предназначениям диспозиции Гурко, пытались овладеть укреплениями противника, но безуспешно. Между тем наступал вечер. Русская артиллерия прекратила огонь из-за боязни поразить своих же. У Гурко опустились руки, он уже собирался отойти назад, считая положение безнадежным. Иначе думали офицеры и солдаты. Отбросив в сторону парадную выучку, приведшую к потерям и неудачам, по одному, группами, от укрытия к укрытию солдаты просачивались на вал и уже в темноте с криком «Ура!» ворвались во вражеские траншеи. Турки не выдержали рукопашного боя и подняли белый флаг. Но победа далась дорогой ценой: гвардейцы потеряли около трех тысяч трехсот человек.

Теперь на очереди был Телиш, но и здесь наступление из-за плохой организации закончилось неудачей и тоже при больших потерях.

Хотя дивизия Скобелева во взятии Горного Дубняка прямого участия не принимала, но умело организованный «белым генералом» отвлекающий маневр заставил Осман-пашу серьезно нервничать и отказаться от намерения оказать помощь гибнущему Горно-Дубнякскому гарнизону.

Большие потери в боях под Горным Дубняком и Телишем еще раз подтвердили никчемность старой тактики. Плотные колонны, могучая ударная сила в штыковом бою оказывались прекрасной мишенью для укрытой в траншеях вражеской пехоты и артиллерии.

С начала кампании русская армия потеряла убитыми более пятидесяти тысяч человек. Высшее командование не очень сокрушалось по поводу этих утрат, однако на сей раз император был возмущен. Оно и понятно, ведь под Горным Дубняком сражалась гвардия — верная опора трона, и потери в ней были нежелательны. Поэтому на совещании 15 октября государь, касаясь предстоящей атаки Телиша, категорически изрек: «Атака должна быть артиллерийская, отнюдь не допуская увлечений».

Указание Александра II выполнили в буквальном смысле и с завидной точностью: в результате почти трехчасового обстрела десятью батареями Телишских укреплений турки сложили оружие, не дожидаясь атаки пехоты. Узнав о падении Телиша, турки поспешили ретироваться и из Дольного Дубняка*, спрятавшись под защиту плевненских валов. Теперь Плевненский укрепленный лагерь оказался в кольце, все дороги были перекрыты. И. В. Гурко в награду за взятие Горного Дубняка и Телиша получил от царя саблю, украшенную алмазами.

Итак, Плевна в блокаде. Что в создавшейся обстановке мог предпринять Осман-паша? Пробиваться через кольцо окружения, ждать прорыва блокады извне, сложить оружие? Но у Осман-паши выбора не было: телеграммой турецкого военного министра предписывалось — обороняться до окончательного израсходования продовольствия, после чего прорываться на Орхание или в каком-либо ином удобном направлении. Правда, Стамбул предпринял попытку силами наскоро сформированного Орханийского корпуса под командованием Мехмет-али-паши прорвать кольцо окружения. Однако попытка эта ни к чему не привела, и армия Осман-паши осталась в кольце один на один с противником. Тотлебен теперь мог без помех

---

* Дольный Дубняк — ныне город Долни-Дыбник.

М. Д. Скобелев.

Портрет генерала М. Д. Скобелева

Командир
Углицкого полка
полковник Панютин.

Начальник штаба
Скобелевского отряда
А. Н. Куропаткин.

Генерал
И. В. Гурко.

Штаб отряда генерала М. Д. Скобелева.

Знамя М. Д. Скобелева,
вышитое матерью.

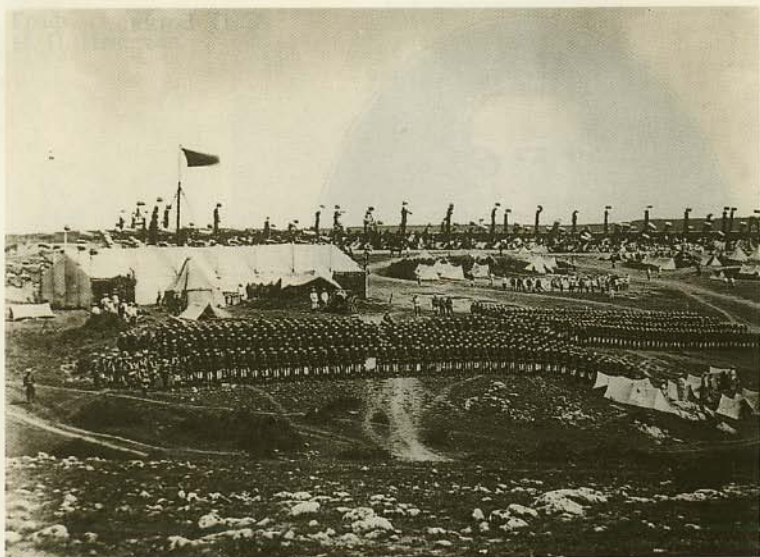

Генерал
А. П. Струков.

Авангард под
командованием
А. П. Струкова
врывается
в Адрианополь.

Полковой праздник
Казанского полка.

Генерал-адъютант
П. С. Ванновский
в 1901 году.

С. П. Боткин.

Главный интендант
русской армии
И. А. Аренс.

Граф
Н. П. Игнатъев.

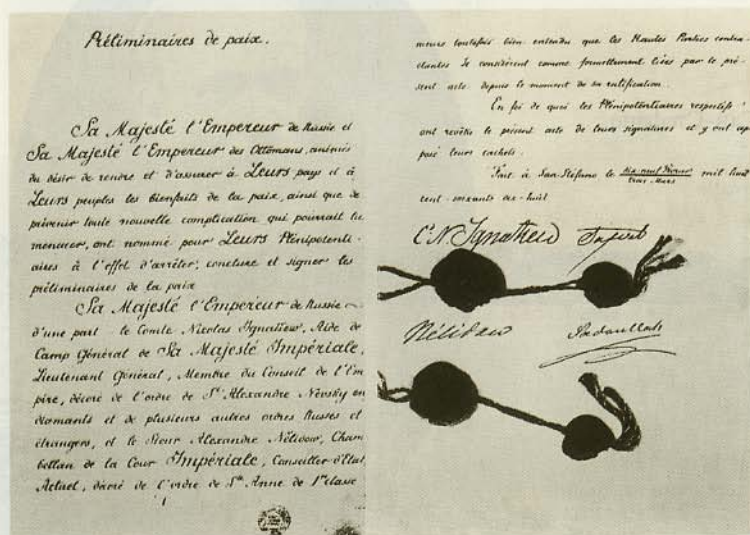
Сан-Стефано.

Подписание Сан-Стефанского мирного договора.

Первый и последний листы мирного договора.

Принц
Александр Баттенберг,
первый князь Болгарии.

Торжественное вступление гвардии в Санкт-Петербург.

Санитарный отряд
Красного Креста.

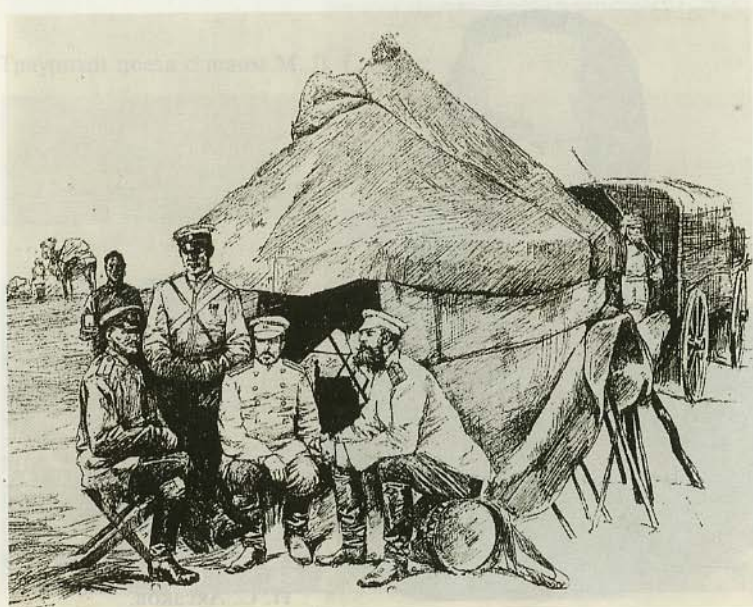
Памятник
О. Н. Скобелевой
на месте гибели,
г. Пловдив.

М. Д. Скобелев среди соратников в 1881 году.

Ахал-Текинская экспедиция. Военный совет у М. Д. Скобелева.

Адмирал С. О. Макаров.

Портрет Макарова в орденах Св. Станислава 1-й степени и Св. Владимира 2-й степени.
Крест Красного Креста.

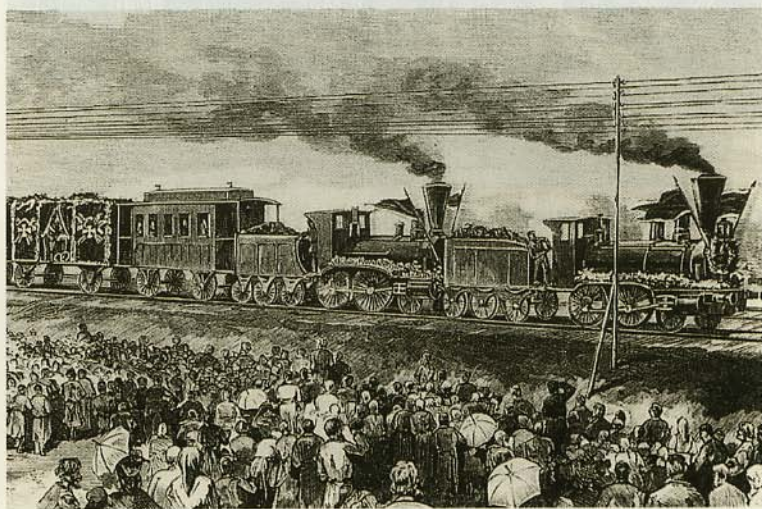

И. С. Аксаков.

Москва.
Церковь
Трех Святителей.

Траурный поезд с телом М. Д. Скобелева.

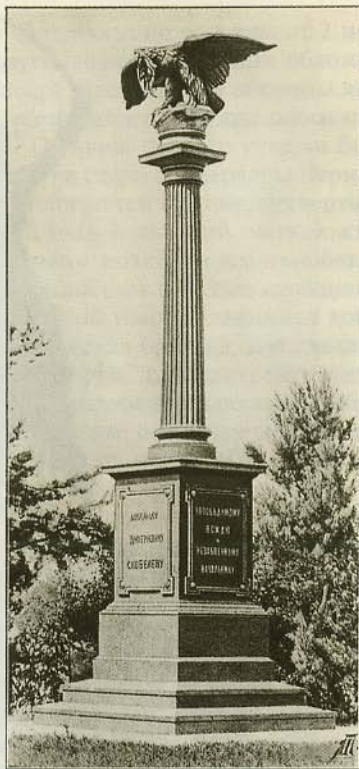

Гробница М. Д. Скобелева в церкви села Спасское.

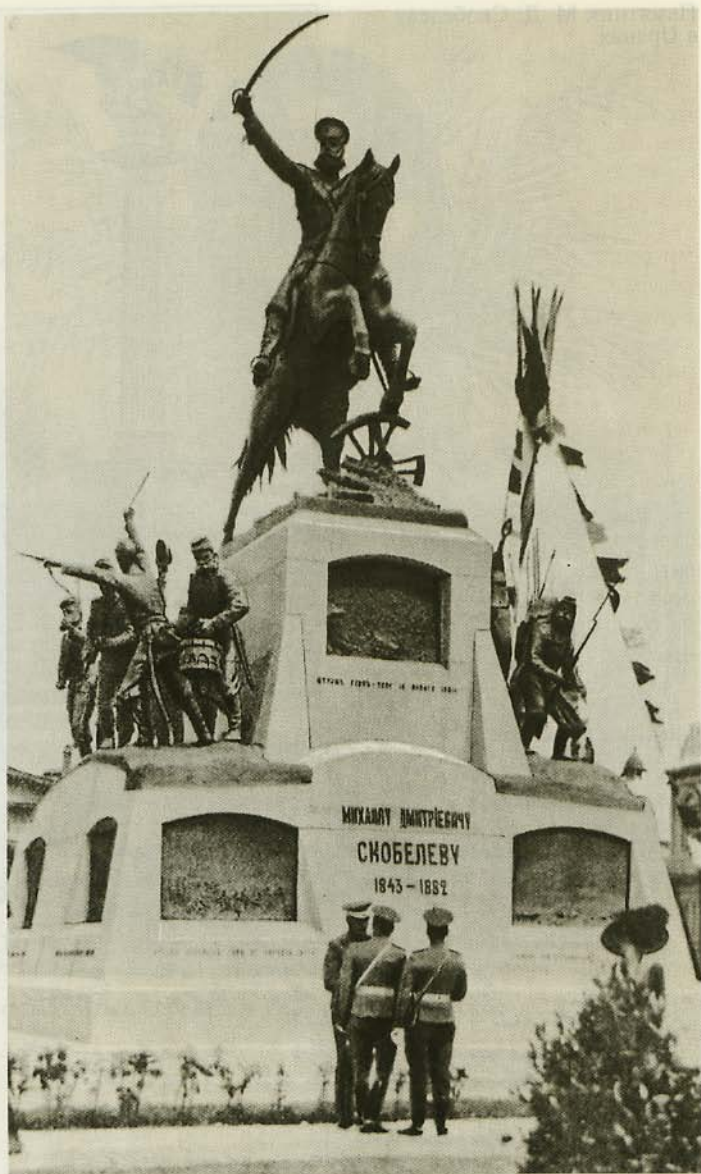
Факсимиле писъма
М. Д. Скобелева.

Я просил Вас отпустить Геновского
сразу после свидания Тасюшу и Импера
и в Москву, так как у меня Генова
арестована по моему делу, и, следовательно,
и мое свидание Тасюшу, Комаров
и даже аббревиатура Генова
и Генова в Москве.

Все это разумеется. В. Пр. Сид. и
Генова и Генова и Генова
и Генова. Генова Генова
Генова Генова

Ваше пожелание
Генова

Памятник М. Д. Скобелеву в Москве. 1912 год.

решать задачу блокады Плевны. В приказе по войскам от 2 ноября говорилось: «Позиции вокруг Плевны при линии обложения в 70 верст разделяются на шесть участков, для обороны коих назначено число войск, соответствующее протяжению и относительной важности каждого». Оборона первого участка была возложена на румынские войска во главе с генералом Чернатом, второй участок — под командованием Зотова, четвертый участок оборонялся бригадой 30-й и 16-й дивизий, несколькими отдельными батальонами, казачьим полком и десятью батареями под общим командованием Скобелева, пятый отводился войскам генерала В. В. Каталя, шестой участок занимали войска гренадерского корпуса, кавалерийская бригада, два кавалерийских полка и двенадцать батарей генерал-лейтенанта И. С. Ганецкого. Наиболее важные участки возглавляли Скобелев и Ганецкий. Через них проходили две основные дороги: на участке Скобелева на Ловчу — Троян и на участке Ганецкого на Орхание — Софию.

Вокруг Плевны стал создаваться пояс укреплений. В их строительстве русским войскам удалось полностью использовать богатейший опыт предыдущих боев. Прокладывались дороги между участками, для маневра силами, в случае прорыва на одном из них, линии телеграфа надежно связали военачальников.

Скобелев глубоко сожалел, что наступило еще одно сидение, теперь уже плевненское. Сторонник наступательной войны, он не мог мириться с тем, что битый им противник находится рядом, в нескольких сотнях шагов от траншей, занимаемых его дивизией. Между русскими и турецкими войсками установилось как бы негласное соглашение: стреляют турки — русские отвечают, русские начинают — турки отвечают. Подобное было не для Скобелева, и он ищет любую возможность, чтобы напомнить противнику о своем существовании.

Три неудачных штурма Плевны не могли не сказаться на моральном состоянии русских войск. Солдаты упрека не заслужили. Глухой ропот шел из траншей и землянок. Нижние чины корили и ругали на чем свет стоит тех, кто вел их на напрасный убой. Хотелось выть горьким воем и кусать локти от сознания бессилия изменить что-либо. Так обстояли дела и в 16-й дивизии, впоследствии иначе и не называемой, как Скобелевская. «Белый генерал» принял дивизию, когда атмосфера тревоги (ждали перехода Осман-паши в наступление) парализовала многие начальственные умы.

В середине сентября Скобелев начал знакомство с частями 16-й дивизии. Перед третьим штурмом Плевны в ее рядах насчитывалось двести тридцать девять офицеров и десять тысяч

пятьсот шестьдесят нижних чинов. После штурма потери составили: офицерского состава — сорок четыре процента, нижних чинов — сорок процентов. При столь значительных потерях пришлось переформировать полки в двухбатальонный состав. Во время третьей Плевны 1-я бригада 16-й дивизии была непосредственно подчинена Скобелеву и принимала активное участие в штурме, а затем в удержании Скобелевских редутов. Остальные два полка — Углицкий и Казанский — действовали в центре, и если казанцы понесли не напрасные потери, заняв траншеи, то сорок два процента потерь в личном составе Углицкого полка лежали на совести начальства, его неумении управлять войсками. Достаточно вспомнить атаку в центре, где полки вводились в бой один за другим, не имея перед собой четкой цели наступления.

Уже внешний вид солдат, по воспоминаниям А. Н. Куропаткина, говорил о многом: постоянно мокрые, озябшие, сумрачные, сильно испачканные, в рыжих размякших сапогах, облепленных глиною, в дурно сидевших скомканных, насквозь промокших головных уборах. Поэтому деятельность Скобелева по превращению дивизии в боевой организм заслуживает особого внимания, ведь именно с этой дивизией связаны наиболее яркие страницы его военной биографии.

18 сентября Скобелев принял дивизию и, к общему удивлению и солдат, и офицеров, поселился в палатке недалеко от передовой, в расположении Казанского полка. В тот же день Скобелев устроил смотр частям, и, как заметил один из офицеров дивизии в своем дневнике, в лагере стало «то же, да не то».

Что же было этим «не то»? Во-первых, приказ: всем подразделениям во время передвижения иметь песенников, на полковые построения выходить с оркестрами. Отныне удалые солдатские, задушевные русские песни, звуки оркестров раздавались над биваками. Песни и музыка — это только прелюдия к той огромной работе, которая развернулась в расположении 16-й дивизии. Во-вторых, Скобелев позаботился и об обмундировании, о довольствии и оружии войска. Генерал, можно сказать, три шкуры драл со снабженцев и в конце концов добился своего — солдаты стали походить на солдат. Командиру, во взводе или роте которого Скобелев умудрялся найти хотя бы одну неисправную или плохо начищенную винтовку, приходилось выдержать такой поток брани, который, казалось, ну никак не соответствовал образу интеллигентного генерала. Но тем не менее, Скобелев и артиллеристам дал понять, что никакие отговорки о трудностях в устранении неполадок он не приемлет.

В снабжении продовольствием Скобелев натолкнулся на

стену, в основание которой первый камень заложил сам главнокомандующий. 16 апреля 1877 года великий князь Николай Николаевич подписал соглашение с неким товариществом «Грегер, Горвиц и Коган» о поставках продовольствия и сена в действующую армию*. Присоветовал главнокомандующему названное товарищество не кто иной, как Непокойчицкий, у которого Грегер арендовал имение и одновременно подвизался на торговле хлебом в одной из мелких одесских контор. Трио ловкачей, взявших на себя довольствие русской армии, сумели навязать великому князю не только баснословные цены на поставки, но и открыто обворовывали войска. Не случайно, что Э. И. Тотлебен, став главнокомандующим, в июне 1878 года отказался от услуг товарищества. По окончании войны по делу снабжения армии было назначено следствие. Высокий покровитель не выдал, а вот что писали в свое оправдание Грегер, Горвиц и Коган: «Высшее начальство армии и Августейший главнокомандующий удостоверяют, что со стороны продовольствия не было ни единого раза никаких затруднений к осуществлению всех планов боевого похода, что составляет почти небывалый пример в военной истории». Забегая вперед, можно сказать, что ни один голос не раздался в защиту жуликов.

Наступила осень. Балканы заволокли свинцовые тучи. С редкими перерывами лил дождь, превративший поля и дороги в сплошное месиво. Осень — не самое благоприятное время для ведения боевых действий, и они шли между турками и русскими ни шатко ни валко. Непогода со всей остротой поставила вопрос о снабжении армии. Недоумение командиров сменилось гневом: хлеб, крупы, фураж на тыловых базах отсутствовали. Бросились искать виноватых, и следы привели опять-таки к пресловутому товариществу Грегер, Горвиц и Коган. «Как только начались непогоды и бескормица, — писал генерал П. П. Карцов, — агенты (товарищества. — Б. К.) исчезли, и в самое трудное для продовольствия время, с ноября по март, никто не видел ни одного из этих проходимцев. Можно положительно сказать, что товарищество было не только бесполезно для армии в смысле продовольствия, но, развивая в крае дороговизну, положительно вредило нам».

Не каждый командир мог выдержать баталии с представителями снабженческого аппарата, поэтому некоторые их и вовсе не затевали.

---

* Должность главного полевого интенданта занимал действительный статский советник И. А. Аренс, до конца дней своих (1904 г.), как писалось в некрологе, «сохранивший репутацию безукоризненно честного человека».

Скобелев, как никто другой, понимал важность обеспечения дивизии всем необходимым в условиях наступившей осени и приближающейся зимы. В одном из его приказов командирам частей указывалось: «...сохранение здоровья, сил нижних чинов, поддержание высокого нравственного духа во многом зависит от здоровой, вкусной и достаточной пищи». Но отдавать распоряжение не составляет большой сложности для любого начальника. А вот добиться своего — здесь уже необходима твердая воля и строгий контроль за исполнением. Твердой волей Скобелев обладал: в каждом полку во главе с офицерами были созданы команды, которые направлялись в освобожденные районы Болгарии и Румынию на закупку провианта. И вскоре стали говорить, что запах скобелевских котлов доходит до Шипки.

А контроль... Одно дело, когда его осуществляет командир, а другое — когда комиссия, да притом авторитетная: в составе ее и офицеры, и нижние чины. Проверяют все: и решение хозяйственных вопросов, и обучение прибывающего пополнения. Если хотите, на современном языке это — народный контроль.

...Проверили. Результаты в рапорте на стол командиру. Какова реакция Скобелева? Виновных в нарушениях на первых порах он решил предупредить, а в дальнейшем... каждый ротный командир, замеченный в небрежном отношении к продовольствию для нижних чинов и вообще в незаботливости о них в обширном смысле этого слова, «должен отречься от должности».

Стоило ли говорить о том, что 16-я дивизия с этой стороны выгодно отличалась от остальных соединений?

В снабжении обмундированием солдат Скобелеву пришлось проявить всю изобретательность и пожертвовать даже личными сбережениями, чтобы решить эту проблему. К наступлению холодов дивизия было полностью одета в теплые полушубки и фуфайки.

Что бы ни говорили о русской армии того времени, но реально она оказалась на перепутье, и не только в тактике и вооружении. Худо-бедно офицеры, учитывая боевой опыт, расширили арсенал приемов и не взирали более на пехотный устав как на подобие печки, от которой полагалось танцевать. Изменилось и отношение к оружию. Пуля, рядом с которой неизменно бытовало слово «дура», на деле доказала, что она превосходит по эффективности штык-молодец.

Война медленно, но верно разрушала ущербное понятие о солдатской массе как о безликой и примитивной. Солдат из механизма, артикулом предусмотренного, превращался в боевую единицу, способную решить участь любого сражения. Разрушить хрупкую атмосферу взаимопонимания между солдатами и

офицерами, заложенную в ходе реформ, труда не составляло. Пример тому — три неудачных штурма Плевны. После такого конфуза солдаты, можно сказать, повернулись спинами к начальству. А вот Скобелев нашел способ, чтобы проторить дорогу к душе солдата.

«На ошибках учимся. За одного битого двух небитых дают. В народе недаром говорят: глуп, как турок», — сыпал присказками генерал и не чурался брать в руки лопату, кирку, показывал оружейные приемы, что он делал мастерски, а затем садился к солдатскому костру и, нахваливая кашу, слушал рассказы о житье-бытье.

Но даже сытый, хорошо одетый и вооруженный солдат еще не солдат, если он не обучен. Вид турецких укреплений постоянно напоминал о том, что противник не разбит и что предстоит пролить еще очень много крови, прежде чем падут, казалось бы, неприступные стены редутов. В то, что они были такими, Скобелев не верил: однажды он уже брал их и поэтому на первый план ставил обучение войск.

В течение сентября-октября каждый из полков получил на комплектование от тысячи до тысячи пятисот человек. Хотя численность дивизии значительно возросла, однако не достигла штатной. Более трети личного состава, как говорится, и пороху не нюхали, и поэтому с утра и до позднего вечера полки штурмовали возведенные в тылу насыпи, по виду схожие с турецкими редутами. Скобелев находился там постоянно. Он твердо помнил суворовский принцип: «Тяжело в учении — легко в бою» и сурово спрашивал с тех, кому казалось, что все предпринимаемое им напрасно. Скобелев прекрасно понимал, что великое противостояние русской и турецкой армий долго продолжаться не может, и поэтому готовил дивизию к новым боям. Он неоднократно предлагал Тотлебену занять первый и второй гребни Зеленых гор, но кроме как на проведение демонстрации на Ловче-Плевненском шоссе разрешения не получил. Поэтому продолжал настаивать на решительном характере действий, который помог бы стряхнуть тяготевший над армией дух поражения. Пассивное ожидание в окопах в течение двух-трех осенних и зимних месяцев, считал Скобелев, приведет к потерям от болезней равным, а может быть, даже и большим, чем при новом приступе. Опровергнуть эти доводы стоило большого труда.

Э. И. Тотлебен, зная горячий характер Скобелева, категорически запретил ему проявлять всякого рода инициативу и, пожалуй, больше чем кого-либо, контролировал в сооружении укреплений, устройении батарей и дорог. Дока по инженерной части, Тотлебен, однажды побывав у Скобелева, был неожиданно

удивлен. «Генерал-забияка», как иногда Тотлебен шутливо называл Скобелева, доказал, что и в инженерной науке ему нет равных. Траншеи вырыты полного профиля, бруствер высокий, для отдыха солдат оборудованы землянки, артиллерия за высокими насыпями. Спроси любого пехотинца, артиллериста — каждый знает свою задачу. Люди одеты лучше, чем у других начальников. Да по лицам видно, что настроение у солдат бодрое — во всем чувствовалась заботливая рука. И уж совсем неожиданным прозвучало предложение Скобелева попариться в бане. Тотлебен вежливо отказался, но стал свидетелем, как взвод солдат с вениками в руках промаршировал по направлению к землянке, над которой клубилось легкое облачко пара.

Полковник П. Д. Паренсов свидетельствовал: «Быть при Скобелеве, это значило пройти целую школу теории, применяемой тут же на практике... Однажды он прочитал мне целую лекцию об условиях стояния войск на бивуаке, о важности ассенизации бивуака и различных способах это устроить, в особенности, если предстоит на нем долгая стоянка».

...В любой войне начальниками различных степеней отдавались и будут отдаваться приказы. Не исключением на сей счет оказалась и турецкая кампания. Приказов и распоряжений отдавалось множество, и остается сожалеть, что вдумчивых, охватывающих все стороны боевой деятельности войск, явно недоставало. Скобелев же и в этом деле оказался новатором, а отданные им 12 и 13 октября приказы ввиду предполагаемой продолжительной осады могут и по сей день являться примером полного освещения вопросов, связанных с расположением войск на месте.

В этих приказах Скобелев и инженер, и заботливый тыловик, и врач — словом, «отец солдату». А ведь этому отцу было только тридцать четыре года. Но и тогда он уже сложился как военачальник, вникающий во все тонкости войны, не привыкший считать какие-то одни ее стороны важными, а другие менее значительными. Скобелев исходил из принципа: «На войне мелочей нет».

Наконец монотонное течение событий прервало распоряжение Тотлебена: «Взять Зеленые горы». Это был первый бой, в котором дивизия в обновленном составе во главе с новым начальником должна была принять боевое крещение. Вряд ли стоит объяснять, что это значило для такого большого по тому времени соединения. Тем более что Скобелев решил занять гребни ночью. Пусть, как полагали многие, дело выведенного яйца не стоит, однако на сей счет Скобелев имел свои соображения. Он понимал, что неудача может отрицательно сказаться на моральном состоянии войск, и поэтому боеподготовке дивизии придавал большое значение. Основное — твердое знание задачи всеми участниками боя. И Скобелев добивался того,

чтобы все, от полкового командира до солдата, четко представляли, что от них требуется.

В ночь с 23 на 24 октября войска заняли гору в деревне Брестовец, в одном километре от передовых турецких траншей на Зеленых горах. На эту высоту выдвинули батарею из двадцати четырех орудий и оборудовали ложементы для пехоты. Все делалось в абсолютной тишине, и только залп из всех орудий дал понять туркам, что спокойной жизни на этом участке пришел конец.

24 октября Скобелев с Куропаткиным и группой офицеров осматривали турецкие позиции. Противник вел себя в этот день беспокойно, словно чувствуя, что в русском лагере что-то готовится, его артиллерия не прекращала огня, разрывы гранат поднимали в воздух клочья земли. Скобелев намечал ориентиры, направление удара.

Накануне сражения 28 октября Скобелев провел смотр частей дивизии.

Ночь 29 октября выдалась на редкость темная. В кромешной тьме, молча, пробираясь виноградниками, шли цепи: в лагере турок безмятежное спокойствие. Гортанные перебивания часовых лишь изредка нарушали полную тишину. И вдруг она огласилась тысячеголосым криком «Ура!», сходным со звуком камней, несущихся с гор с бешеной скоростью. Турки, застигнутые врасплох, не оказав какого-либо организованного сопротивления, бежали.

Таким образом, расстояние между редутами и теперь уже русскими траншеями сократилось наполовину. Но противник не имел ни малейшего желания оставлять столь долго укрепляемую им позицию и, не откладывая дела, еще до рассвета предпринял несколько контратак, поддержанных огнем артиллерии. И вновь понадобилась уверенность и распорядительность Скобелева, чтобы вернуть на позиции дрогнувших и отразить контратаку. Первый гребень Зеленых гор остался в руках русских. И хотя дивизия в этот день действовала успешно, Скобелев, отдавая должное участникам боя, в своем приказе подробно остановился на всех недостатках, напомнил, что стыдно бегать от турок, которых отцы и деды лихо побеждали.

«Ужасная ночь! — вспоминал очевидец. — Серо и туманно утром. Кончился бой — опять за лопаты и кирки. В траншеях печурки. Для Скобелева в середине траншеи было выбито небольшое пространство земли. Насыпали соломы. Скобелев лежал на бурке. После появились железная кровать, стол, табурет, настил, печка. Но редко кто видел Скобелева отдыхающим».

Переезд Скобелева со штабом в первую траншею некоторые приняли за фарс. Конечно, хаты деревни манили теплом и

уютом. И командиры больших и малых рангов не спешили расставаться с ними. В понимании же Скобелева война ничем не напоминала увеселительную прогулку, а была тяжким трудом с потом и кровью. Он был тружеником на войне, и не случайно о жизни 16-й дивизии, о ее командире вскоре заговорила вся армия. Где лучшие землянки — у Скобелева, где солдаты тепло одеты и сыты — у Скобелева, где болезней меньше — у Скобелева. Не удержался от соблазна посетить расположение дивизии и сам великий князь — главнокомандующий.

— Это что за краснорожие?.. — пренебрежительно обратился он к шеренге солдат. — Видимо, сытые совсем.

Для Скобелева так и осталась непонятной эта фраза, выражавшая то ли полное удовлетворение, то ли намекавшая на сибаритство. Уместно будет сказать, что к высокопоставленным визитерам Скобелев относился, по меньшей мере, неуважительно. Предлагая «прогулку» под огнем, он у многих отбил охоту приезжать на Зеленые горы без дела...

Весь ноябрь русские и турецкие артиллеристы соперничали в меткости и маневре огнем. Надежда вернуть первый гребень не покидала турок, и они по нескольку раз в день атаковали скобелевские траншеи. После очередного приступа, в котором турки понесли весьма чувствительные потери, безнадежность затеи стала очевидной, и на участке Скобелева установилось относительное затишье.

За этот небольшой период боев Скобелев дал возможность всем полкам проверить боеготовность и побывать в огне. Так приобреталась уверенность в собственных силах, складывалась атмосфера взаимопонимания и взаимовыручки, которой вскоре на всю Дунайскую армию прославилась 16-я дивизия, буквально на глазах превратившаяся в слаженный боевой организм.

Ни суровые климатические условия, ни трудности окопной жизни не сломили у русской армии уверенности в окончательной победе. Скобелев немало сделал для восстановления духа войск, но можно представить, что творилось у турок, когда из русского лагеря доносилась музыка, песни, ликующие возгласы, которыми солдаты сопровождали известия об успехах на других участках. Неспokoйный сосед оказался у Осман-паши. И именно в этот период Скобелев, ранее без единой царапины выходивший из самых яростных сражений, был дважды контужен.

— Ай! — схватился генерал за бок.

— Что такое с вами? — спросил Куропаткин.

— Тише. Я ранен... — Скобелев прижимает ладонь к боку... Адъютант подхватил его.

— Оставьте... разве можно? Солдаты видят, — шепотом про-

говори́л он. — Здорово, молодцы! — напрягаясь, уже громко закричал Скобелев. — Поздравляю вас, славно отбили атаку...

— ...Рады стараться, — слышалось из-за бруствера.

Второй удар был еще серьезнее, он пришелся в область сердца. Целую неделю Скобелев не вставал. Существовали предположения, что последствия этой контузии, очевидно, явились причиной скоропостижной смерти Михаила Дмитриевича. Но это были лишь предположения.

Мнительность Скобелева относительно ранений нашла выход в упреке, обращенном к отцу: «А все твой полушубок!» Дмитрий Иванович подарил ему черный овчинный полушубок, оказавшийся несчастливым.

Отец и сын встречались редко. Дмитрий Иванович явно тяготился пребыванием в свите и по-доброму завидовал Михаилу. Сын сравнился с ним в звании, а в наградах и вовсе превзошел. Дмитрий Иванович был нечастым гостем у Скобелева-младшего еще и потому, что сын неизменно просил денег. Ясно, что шли они не на пирушки, не на карточные долги, а на закупку провианта и одежды для солдат, но скуповатый Дмитрий Иванович как мог избегал разговоров о деньгах. И все же скрепя сердце он уступал настойчивым и изобретательным просьбам любимого чада. Все разговоры о том, что в отношениях между Дмитрием Ивановичем и сыном сквозила натянутость, — пустые измышления. Любовь была взаимной, прочной и носила некоторый заговорщицкий оттенок. Ведь Ольга Николаевна так и осталась в неведении о ранениях сына. Михаил Дмитриевич необычайно любил мать и избегал доставлять ей огорчения.

Пребывание в свите позволяло Дмитрию Ивановичу смягчать тональность разговоров, которые ходили вокруг имени сына. А уж чего он только не наслушался! И не потому ли, как только представилась возможность, генерал без сожаления покинул Главную квартиру? Под свое начальство Скобелев-старший получил большой кавалерийский отряд, который действовал при блокаде Плевны за расположением войск генерала И. С. Ганецкого. Командуя им, он в январе 1878 года перешел с колонной генерала П. П. Карцова через Балканы, участвовал во взятии Филиппополя и преследовании армии Сулейман-паши. Георгиевский крест III степени стал наградой за его личное мужество и храбрость в русско-турецкой войне.

ПАДЕНИЕ ПЛЕВНЫ

Вокруг Плевны трудами и настойчивостью Тотлебена, усилиями русских и румынских солдат и офицеров образовалось мощное оборонительное кольцо. Робкие попытки прорваться

его на прочность снаружи, как известно, закончились провалом, а для того чтобы осуществить прорыв передовой линии, требовались большое мужество и немалые силы. Первого качества у Осман-паши было не занимать, а вот войск явно недовставало. В русско-румынской армии насчитывалось сто двадцать пять тысяч штыков и почти пятьсот орудий. Попробуй тут сунься! Однако все отчетливо сознавали, что вечно блокада продолжаться не может, и со дня на день ждали прорыва Осман-паши. Главнокомандующий через парламентаров посылал ему письма, в которых предлагал условия сдачи, дабы избежать ненужного кровопролития. На все послания Осман-паша, находившийся за высокими стенами редутов, давал ответы недвусмысленные: придите и возьмите. Он писал великому князю: «Я еще не выполнил всех условий, требуемых военной честью для возможности сдачи, и не могу покрыть позором имя оттоманского народа и в защиту правды и с величайшей радостью и счастьем готов скорее пролить кровь, чем позорно сложить оружие».

Но сведения, поступавшие из Плевненского лагеря от болгар и взятых в плен турок, говорили о том, что запасы продовольствия у армии Осман-паши на исходе и что войска готовятся к прорыву.

24 ноября у Осман-паши окончательно созрело это решение, поскольку продовольствия осталось лишь на несколько дней. Он отдал распоряжение о подготовке, приказал прекратить всякую перестрелку, но направление прорыва не сообщил даже своим ближайшим помощникам, — боялся, что каким-нибудь образом оно станет известно русскому командованию. Войска по ночам с чрезвычайной осторожностью с редута на редут небольшими отрядами сосредотачивались на направлении прорыва. 27 ноября все имевшиеся запасы продовольствия были розданы на руки солдатам.

«Завтра или никогда! Если не удастся, никто не скажет, что я не поступил как честный солдат», — вырвалось у Осман-паши, когда он объезжал войска. Итак, решение принято — пробиваться на Виддин. Осман-паша прекрасно понимал, что пойдя он на Ловчу, его бы встретил Скобелев, а об этом русском генерале он был высокого мнения и поэтому решил не рисковать в столь ответственный для его армии момент, считая, что такая встреча может закончиться с результатом не в его пользу.

Тотбелен, поняв, что Осман-паша решил пробиваться по Софийскому шоссе, отдал 27 ноября следующее распоряжение: «Одной бригаде 16-й пехотной дивизии с тремя батареями и бригаде 3-й гвардейской дивизии под общим начальством гене-

рал-лейтенанта Скобелева, перейдя 28 ноября, на рассвете, на левый берег Вида, расположиться: бригаде 16-й пехотной дивизии с тремя батареями близ Дольного Дубняка и быть готовыми поддержать отряд генерала Ганецкого, бригаде же 3-й гвардейской дивизии, впредь до разъяснения обстоятельств, быть готовой поддержать, смотря по действительной надобности, отряд генерала Ганецкого или отряд генерала Каталея». То есть Скобелеву поручалось действовать в резерве на случай, если Осман-паше удастся прорвать позиции Ганецкого.

В турецком лагере стояла тишина. Темная, холодная ночь разделяла стороны. У турок не было видно ни огонька. Эта тишина для Скобелева была хуже яростной перестрелки. Уже не готовятся ли турки к атаке? И поэтому он направил в сторону турецких траншей секрет. Солдаты исчезли в темноте. Томительное ожидание. Но вот возвращаются. Докладывают: «Траншеи турками оставлены, в руде идут сборы, увозят орудия». Скобелев немедленно сообщил об этом главнокомандующему и Тотлебену, а Куропаткину велел отправить Ганецкому телеграмму следующего содержания: «По приказанию генерала Скобелева доношу, что перебежчик показал, что Кришинский редут оставлен турками, которые собираются к мосту на р. Вид для наступления, и что если это окажется справедливым, то он, Скобелев, двинет находящуюся на Софийском шоссе бригаду 16-й дивизии в Дольный Дубняк».

Надо было знать, что представлял собою И. С. Ганецкий. К началу войны генералу исполнилось шестьдесят семь лет. И все же Александр II доверил престарелому вояке командование корпусом. Да еще каким! Гренадерским. Ребята в нем — на подбор. Что и говорить: старость — не радость. Чудачества Ганецкого, предпочитавшего фрунт и муштру боевой учебе, были предметом постоянных насмешек. Генерал был упрям, но инертен. И когда настал черед действиям, Ганецкий, вместо того чтобы привести подчиненные ему войска в боевую готовность, упустил драгоценное время. В результате пятидесятитысячная масса турок, обрушившаяся ранним утром 28 ноября на гренадерский Сибирский полк, застала его врасплох. «Не только резервы не были в готовности поддержать боевую линию, но даже часть артиллерийских лошадей во 2-й батарее, т. е. в той, которая находилась в первой линии, была уведена на водопой...» Потери русских были так велики, что из атакованных рот отходило лишь несколько разрозненных кучек.

Туркам удалось прорвать сначала первую, а затем вторую линию обороны участка Ганецкого. Дело принимало трагический оборот. Пришлось бросить резервы в бой, который по ярости и жестокости превзошел прежние схватки у стен Плевны.

Противники сходились и расходились в рукопашной схватке, где русские всегда имели перевес. Турки дрогнули и бросились бежать, преследуемые подходившими один за другим русскими полками. Осман-паше удалось кое-как сгруппировать остатки частей и повести их на прорыв, но и эта попытка оказалась безуспешной. Турок теснили повсюду. В этот момент Осман-пашу ранило в ногу. Склонив голову, не обращая внимания на кровь, он медленно ехал назад в Плевну, обгоняемый беспорядочными массами бегущих. Прорыв не удался. Этот вариант был исчерпан, оставался последний — сдаться.

Когда турки уже начали отступление, Скобелев, еще не зная об этом, выехал из Кришинского редута через реку Вид, чтобы принять под командование бригаду 3-й гвардейской дивизии. Чуть раньше за середину расположения гренадерского корпуса он отправил бригаду своей дивизии. Подход бригады не был столь уж необходим, так как турки к одиннадцати часам прекратили всякое сопротивление. Но действия Скобелева впоследствии пытались представить как нежелание прийти на помощь войскам Ганецкого. Более того, командир гвардейской бригады генерал Курлов через несколько дней после падения Плевны подал рапорт на Скобелева и обвинил его в том, что он не дал возможности гвардии отличиться. Каждый мерил войну на свой аршин.

Осман-паша сдается со всей армией!.. Эта весть облетела русские войска. День шел к концу, когда в расположение отряда Ганецкого прибыл парламентар. Но, зная вероломство турок, через него была направлена записка Осман-паше. «Ваше превосходительство, — написал генерал Струков, — командующий отрядом, генерал Ганецкий, поручил передать вам, что он примет для переговоров только лицо, заменяющее вашу особу, так как генералу известно, что сами вы ранены».

Для переговоров Осман-паша выслал своего начальника штаба Тевфик-пашу, который провел Струкова через толпы турецких войск, в неприязненном молчании расступившихся перед русским генералом. Струкова ввели в небольшой домик, в котором расположился Осман-паша, и он предложил условия сдачи. Осман-паша полностью согласился с ними. Через полчаса приехал Ганецкий. Осман-паша отдал приказание о сдаче армии и вручил свою саблю Ганецкому.

Отец и сын Скобелевы подъехали к дому, когда переговоры о сдаче уже подходили к концу. Оба — направлены главнокомандующим: старший для того, чтобы принять на себя заботы о пленных, младший назначался военным губернатором Плевны и всего укрепленного района. Скобелевы вошли в дом и были представлены Осман-паше. Скобелев-2 обратился к нему че-

рез переводчика: «Скажите паше, что каждый человек по натуре более или менее завистлив, и я, как военный, завидую Осману в том, что он имел случай оказать своему отечеству важную услугу, задержав нас на четыре месяца под Плевной».

Паша поблагодарил. «Русский генерал еще молод, — сказал он, обращаясь к Скобелеву-2, — но слава его уже велика... Скоро он будет фельдмаршалом своей армии и докажет, что другие могут ему завидовать, а не он другим». И это говорил противник!

Плевна, стоившая таких огромных жертв, пала! Армия Осман-паши пленена! Эта весть из уст в уста передавалась по цепочке, и везде она вызывала радостные чувства: ведь закончилась почти пятимесячная борьба. Безоружные, нестройными колоннами, понутив головы, брели пленные турки по дороге, ведущей в тыл русской армии — их число доходило до сорока тысяч человек. Как бы поступили в таком случае турки? Не погнушавшись даже таким внушительным количеством, разули бы и раздели беззащитных донага, слабых и изувеченных отправили бы к праотцам, посбрасывая их в пропасть или прикончив штыками, а тех, кто поздоровее, в цепи — и в метрополию. Прожорливость империи, благополучие которой зиждилось на рабском труде, воистину не имела границ. Россия не нуждалась в таких человеческих «вливаниях». Главной заботой начальников всех степеней была временная изоляция военнопленных. Все страхи турок о поголовной резне за совершенные злодеяния так и остались страхами!

С первых дней войны за Скобелевым в армии прочно укрепилась репутация генерала-рыцаря. «Бей врага без милости, куда оружие в руках держит, — говорил он. — Но как только пленным стал — друг он тебе и брат. Сам не доешь, а ему дай».

...В результате падения Плевны Турция лишилась одной из своих лучших полевых армий. И возместить эту существенную потерю в самое ближайшее время не представлялось возможным. Но если бы даже и удалось восстановить ее каким-либо образом путем создания новой армии, то практически невозможно было сделать, пожалуй, самое основное — поднять боевой дух войск.

Скобелеву в качестве военного губернатора Плевны поручалась охрана Осман-паши, и в знак уважения к противнику он приставил к нему почетный караул. На следующий день намечалось торжество по случаю взятия Плевны. Войска были построены к городу лицом, на плато, с которого еще недавно вела огонь турецкая батарея. Но среди огромной массы войск выделялась 16-я дивизия. Щеголями, или, как говорили в военном быту, «женихами» выглядели молодецкие скобелевские батальоны. Высшее командование армии, войска, духовенство и пев-

чие ожидали приезда царя. И как только показался император с многочисленной свитой, перекатами зазвучало «Ура!». Навстречу Александру II быстрыми шагами спешил главнокомандующий. Братья расцеловались. Царь достал из кармана высшую военную награду — Георгиевскую ленту I степени и надел на шею великого князя, его движения при этом были нервны, порывисты. Вновь гремит «Ура!» в честь главного героя Плевны. Не остались без наград те, кто помогал великому князю. Тотлебена наградили орденом св. Георгия II степени, Ганецкий получил Георгиевский крест III степени. Не остался без награды и Милютин. Когда государь объявил, что награждает его орденом св. Георгия II степени, военный министр непроизвольно пожал плечами и сказал:

— Позвольте, ваше величество, ведь моей заслуги в сем деле нет!

— Прими и носи, — ответил царь, — мы здесь тебе многим обязаны, — и шутливо добавил: — Дмитрий Алексеевич, разрешишь ты мне надеть на саблю Георгиевский темляк, хотя бы за мое терпение?

Отказа не последовало. Завершился церемониал объездом войск и молебном, после которого император со свитой отправился в Плевну, где в доме, занимаемом Скобелевым, состоялся завтрак, на который были приглашены все командиры частей. В ожидании Осман-паши Александр II попросил Скобелева показать дом. Они вышли из гостиной и остались наедине. Император вдруг остановил Скобелева, прервал рассказ, привлек к себе, поцеловал и с волнением произнес:

— Спасибо тебе, Скобелев!... За все... за всю твою службу — спасибо!

Услышать такую похвалу из уст императора было лестно для любого военачальника, а тем более для Скобелева, слышавшего несколько месяцев назад совершенно иную оценку его ратного труда. Но Скобелев не мог не оценить и такта Александра II. Ведь публичное проявление чувств императора и выделение молодого генерала могло вызвать очередной всплеск недоброжелательных пересудов. И может быть, у Александра II возникла мысль, что он несколько опоздал с признанием заслуг «белого генерала».

Тем временем у дома собралась огромная толпа. Она расступилась. По образовавшемуся проходу, поддерживаемый с одной стороны турецким офицером, с другой — казачьим, шел Осман-паша для представления Александру II. Хорошее настроение не покидало императора. Он задал несколько вопросов, касающихся неудачной попытки прорыва, и возвратил Осман-паше саблю. Из Богота, куда его отправили сразу же после беседы с

царем, турецкий военачальник послал в Стамбул телеграмму следующего содержания: «Вам неизвестно, что полтора месяца мы находились на осадном положении. Не получив с тех пор никакой помощи, я решился пробиться со всею армиею сквозь ряды русских войск. Несмотря на все усилия, я не успел в этом и теперь нахожусь военнопленным, вместе со всем плевненским гарнизоном. Оцени храбрость моих солдат, Его Императорское Величество и Его Августейший брат удостоили меня самым благосклонным приемом...»

В Плевне начиналась новая жизнь. Высшим сановникам представилась блестящая возможность на деле убедиться в административном таланте Скобелева, о котором ходило множество толков во время пребывания его на посту ферганского генерал-губернатора. Титанические усилия пришлось приложить ему, чтобы очистить город и окрестности от разлагавшихся трупов, выделить медицинский персонал для обслуживания раненых турок. Но и эти проблемы, при всей их серьезности, не стояли так остро, как предотвращение мародерства.

И совсем не случайно в сочетании с известным именем «Ак-паша» часто употреблялось слово «справедливый».

Если для Турции падение Плевны ускорило начавшийся еще ранее процесс истощения материальных и моральных сил, то для русской армии оно означало, во-первых, высвобождение нескольких корпусов; во-вторых, создавалась благоприятная возможность для перехода от обороны к наступлению; и, в-третьих, эта победа подняла боевой дух балканских народов, вызвав панику у султана и у правительств Запада. Что русские не станут топтаться на месте — это прекрасно понимало турецкое правительство, и уже 30 ноября Порты обратилась к правительствам Европы с просьбой о посредничестве в деле скорейшего прекращения войны. Тем самым правительство Турции откровенно расписывалось в собственном бессилии и неспособности к дальнейшему ведению войны. Но как показали события, роль посредников мало подходила для Англии, Германии и Австро-Венгрии. Крайне заинтересованные в решении восточного вопроса не в пользу России, они были едины в своем стремлении не допустить победы славянских народов. На создание блока против России требовалось время, а им теперь распоряжались русские.

Английское правительство, оставив в стороне Австрию и Германию, самостоятельно направило просьбу дивана в Петербург. Русское правительство приняло решение не начинать никаких мирных переговоров впредь до предварительного признания турецким правительством основных русских мирных условий: согласие на полную автономию всей Болгарии, Боснии и Герцеговины, согласие на независимость Черногории, Сербии и

Румынии. Кроме того, по мирным условиям Турции предстояло выплатить контрибуцию, сделать черноморские проливы доступными для торговых судов всех нейтральных стран. Условия жесткие, но справедливые, и за этими условиями стояла сила русского оружия, в случае отказа турецкого правительства русское командование было полно решимости использовать этот веский аргумент.

Взятие Плевны русскими произвело огромный эффект как на фронте, так и в глубине России. Многие полагали, что самое трудное позади и война скоро кончится. Но такой вывод мог появиться только в результате недостаточного знания и понимания действительной военной обстановки. На самом деле вопрос о том, как добиться скорой и окончательной победы, был еще далеко не ясен. Более того, вставала угроза, что для войны успех у стен Плевны запоздал, и она может затянуться. События торопили русское командование к быстрейшему завершению войны. Для этого требовалось еще до наступления весны перейти Балканы, с тем чтобы не позволить правительствам западных стран каким-либо образом оказать давление извне. Вопрос о предстоящих действиях русской армии рассматривался 30 ноября советом, собранным Александром II* в Порадимае, на котором, кроме царя, присутствовали главнокомандующий, князь Карл, Д. А. Милютин, Э. И. Тотлебен, А. А. Непокойчицкий и вызванный к этому времени с Кавказа Н. Н. Обручев. После доклада Обручева, согласованного с Милутиным, было принято решение о переходе русской армии в наступление еще до весны, для чего трем отрядам войск под командованием И. В. Гурко, Ф. Ф. Радецкого и П. П. Карцова предстояло форсировать: первому — Западные Балканы с нанесением удара на Софию, второму — перевалы в районе Шипки и третьему — Троянский перевал.

ШЕЙНОВО

Подошло время открыть еще одну страницу в балканской биографии М. Д. Скобелева.

За то время, пока длилась осада Плевны, Шипкинский перевал не единожды превращался в подобие муравейника. По склонам гор то карабкались вверх, то стремительно бежали вниз турки, русские, болгары. При этом соперники так нещадно поливали друг друга свинцом и сражались с такой яростью, что даже спустя много лет на этой земле, пропитанной кровью

---

* На этом же совете государь объявил о своем намерении возвратиться в Россию и 3 декабря 1877 года покинул действующую армию.

и усеянной смертоносным металлом, не могла пробиться растительность.

Осознав всю бесплодность попыток занять перевал, Сулейман-паша отошел с армией к подножию гор и тут узнал новость. На его место султан назначил Вессель-пашу. Ставленник Стамбула, дабы не ударить лицом в грязь, попытался вдохнуть в подчиненных утраченный боевой дух и, с присущей ему энергией, возобновил атаки позиций русских войск и болгарских ополченцев. Турецкого военачальника ожидало разочарование. Горы оставались неприступными. В ход событий вмешалась природа, которая заставила противоборствующие стороны на время забыть об активных действиях.

Да и о каких действиях, например, со стороны русских могла идти речь, когда мужеству и стойкости собратьев по оружию пришлось выдержать еще одно нелегкое испытание? По донесению полковника Духонина, занимавшего со своим отрядом позиции на горе св. Николая, можно судить, что происходило на Шипке. «Ни в одной траншее огня развести нельзя, одежда всех офицеров и солдат изображает... сплошную ледяную кору... Ружья покрыты сплошной ледяной корой, и солдаты с чрезвычайными усилиями поддерживают в хорошо смазанных маслом ружьях исправное действие затвора и выбрасывателя, постоянно приводя их в движение окоченевшими пальцами».

Не случайно потери отряда Ф. Ф. Радецкого от болезней и обморожений значительно превышали боевые. Храбрый и добродушный генерал имел губительное пристрастие к картам, а положением солдат интересовался мало. Занятый с утра до вечера игрой в винт, он, находясь всего лишь в пяти километрах от переднего края обороны, не мог выбрать время для посещения землянок и траншей, в которых гибли от мороза, по его образному выражению, «святые серые скотинки». В своих донесениях он рапортовал по начальству о полном благоденствии вверенного ему войска. Стала знаменитой его фраза: «На Шипке все спокойно». «Спокойно», без выстрелов и разрывов снарядов, русские войска на Шипке потеряли около одиннадцати тысяч человек больными и обмороженными. Только в одной 24-й дивизии погибли шесть тысяч человек. Дивизию пришлось снять с позиций и отправить в тыл на восстановление, и до конца войны она не принимала в ней участия.

Турки находились в более выгодных условиях. Они не нуждались ни в продовольствии, ни в фураже. И все же «шипкинское сидение» имело важное значение — проходы через Балканы прочно удерживали русские войска.

...Еще в сентябре Радецкий предлагал осуществить переход через Балканы. Тогда, в начале осени, турки не в состоянии бы-

ли перекрыть многочисленные тропы, ведущие с гор. Главнокомандующий отверг это предложение, сочтя его преждевременным. Радецкий не сумел настоять на своем, а вскоре в горах выпал снег, тем самым сослужив туркам службу надежного стража дорог. Когда главнокомандующий поставил Радецкому задачу перехода Балкан, генерал едва не вскричал: «Помилуй Бог! Лето — не зима». Но, в отличие от командира Шипкинского отряда, Николай Николаевич оказался более настойчивым и обязал Радецкого выступить в путь не позднее 19 декабря. Серьезно сомневаясь в успехе перехода, Радецкий с большими проводочками все же приступил к подготовке наступления.

Он поделил свой отряд на три колонны. Правая и левая, перейдя через Балканы восточнее и западнее Шипки, должны были нанести одновременный удар по турецким позициям, расположенным к югу от перевала. В этот момент вступит в действие и центральная колонна, чтобы сковать силы неприятеля со стороны Шипкинского перевала.

В Габрове сосредоточились войска правой колонны в составе шестнадцати с половиной тысяч человек при четырнадцати орудиях. Эту колонну возглавлял М. Д. Скобелев. В районе Тырнова сосредотачивались войска левой колонны, общей численностью девятнадцать тысяч человек при двадцати четырех орудиях, под командованием Н. И. Святополк-Мирского, центральную колонну вел сам Радецкий — двенадцать тысяч человек при двадцати четырех орудиях. Путь правой колонны пролегал западнее Шипки через Иметлийский перевал, а левой — восточнее Шипки через Травненский перевал*.

Сам по себе план окружения турецких войск сомнений не вызывал, но исполнителей ожидало множество трудностей. Основная, пожалуй, — управление и организация связи между тремя колоннами, удаленными друг от друга на значительное расстояние. Сложным был и сам переход. Добровольные помощники — болгары, узнав о том, что задумали братушки, изумленно качали головами. Уж кому-кому, а им-то хорошо было известно коварство троп, ведущих через Иметлийский и Травненский перевалы. Летом по ним можно было пройти пешком, провести коня, но зимой местные жители остерегались предпринимать такое путешествие. А ведь по этим тропам предстояло пройти огромному войску! Сам путь и условия движения по нему колонн сильно разнились друг от друга. Для правой колонны он равнялся семнадцати километрам, а для левой — сорока восьми километрам. Однако общая крутизна подъема правой колонны в три, а спуска в два с половиной раза превосходила крутизну

---

* Травненский перевал — ныне Травнинский перевал.

подъема и спуска левой колонны. Если же учесть двухсотметровый обрыв в трех километрах от Иметли, то разница в профиле перевалов — еще заметнее. Но ко всему перечисленному добавлялось еще одно препятствие — значительная часть маршрута правой колонны проходила в зоне наблюдения и обстрела турок, что делало невозможным движение по нему днем.

Получив от Радецкого указания на подготовку колонны к переходу через Балканы, Скобелев, заранее предполагавший такое развитие событий, а поэтому не терявший времени даром, развил кипучую деятельность. Пожалуй, за весь период войны с Турцией трудно найти пример более тщательной подготовки войск к действиям в суровых климатических условиях. Организаторский талант Скобелева раскрылся здесь не менее ярко, чем военный. Он как начальник колонны трудился с одной мыслью: независимо от условий перехода необходимо сделать все, чтобы уберечь отряд от неоправданных потерь в пути, сохранить его боеспособность. «Убедите солдат на деле, что вы о них вне боя отечески заботливы, что в бою — сила, и для вас ничего не будет невозможного», — говорил Скобелев. Личный пример начальника, его требования к подготовке стали мерилом для офицеров и солдат отряда. По всей округе Скобелев разослал команды для закупки сапог, полушубков, фуфаек, продовольствия и фуража. В селах приобретались выючные седла и выюки. На пути следования отряда, в Топлеше, Скобелев создал базу с восьмидневным запасом продовольствия и большим количеством выючных лошадей. И все это Скобелев осуществлял силами своего отряда, не уповав на помощь интендантства и товарищества, занимавшихся снабжением армии.

Время напряженных боев со всей очевидностью показало, что русская армия по качеству вооружения уступает турецкой, и поэтому Скобелев снабдил один батальон Углицкого полка ружьями, отвоеванными у турок. Еще одно новшество внедрил Скобелев. Как только не чертыхались солдаты, всякий раз надевая на спину тяжеловесные ранцы! Ни присесть с такой ношей, ни прилечь, да и в бою она сковывала движения. Скобелев где-то добыл холст и приказал пошить мешки. И легко солдату стало и удобно! На холщовые мешки уже после войны перешла вся русская армия. Над Скобелевым посмеивались: дескать, боевой генерал превратился в агента интендантства, и смешки еще более усилились, когда стало известно о приказе Скобелева каждому солдату иметь по полону сухих дров. Скобелев же продолжал готовить отряд. Как показали дальнейшие события, дрова оченьгодились. На привале солдаты быстро разжигали костры и отдыхали в тепле. За время перехода в отряде не было ни одного обмороженного. В других отрядах, осо-

бенно в левой колонне, по обморожению из строя выбыло большое количество солдат.

19 декабря Ф. Ф. Радецкий на совещании предписал начальникам колонн самый осторожный образ действий. Например, Скобелев получил задачу занять Иметли и там, укрепившись, оставаться впредь до приказа. В предписании Н. И. Святополк-Мирскому было столько подробностей, что всякая его самостоятельность в действиях сводилась на нет. Мало того, после недельных колебаний, выступить или не выступить, Радецкий отдал дополнительные указания, которые окончательно сбивали с толку начальников колонн. Скобелеву предписывалось выступить вечером 25 декабря с целью занятия Шипки, дальнейший же смысл сводился к тому, чтобы он воздержался от выполнения этой задачи. Такие же расплывчатые распоряжения были отданы и Святополк-Мирскому. Много позднее стало известно, что укрепленный лагерь турецких войск находился в деревне Шейново, а не на Шипке. Телеграфная связь имела только с левой колонной. С правой колонной связь предполагалось осуществлять посыльными. Установить сообщение между колоннами вообще не представлялось возможным. Эта несогласованность в действиях могла привести к тяжелой неудаче, так как турецкая армия под командованием Вессель-паши (тридцать пять тысяч человек) численно превосходила каждую из русских колонн в отдельности и могла разбить их в случае одновременности нападения.

«Генерал Скобелев лично осмотрел все части, советовался с начальниками частей, поговорил с офицерами, подбодрил солдат, пошутил с ними. Всюду кипела живая работа, настроение войск было бодрое. Заботливость, предусмотрительность начальника, отсутствие беспотопной суеты, отмены раз отданных приказаний, отсутствие часто беспричинного разноса, хорошее расположение духа начальника и в этот раз, как и во всех других случаях, успокоительно действовали на войска и вселяли уверенность в исходе похода», — описывал итоги подготовки Скобелева начальник штаба Куропаткин.

Перед выступлением Скобелев отдал по отряду приказ: «Нам предстоит трудный подвиг, достойный испытанной славы русских знамен: сегодня мы начинаем переходить через Балканы с артиллерией, без дорог, пробивая себе путь, в виду у неприятеля, через глубокие снеговые сугробы. Нас ожидает в горах турецкая армия... Не забывайте, братцы, что нам вверена честь Отечества... Дело наше святое». В этом же приказе Скобелев обращался к болгарским дружинникам, входившим в состав отряда: «В сражениях в июле и в августе вы заслужили лю-

бось и доверие ваших ратных товарищей — русских солдат. Пусть будет так же и в предстоящих боях. Вы сражаетесь за освобождение вашего Отечества, за неприкосновенность родного очага, за честь и жизнь ваших матерей, сестер, жен — словом, за все, что на земле есть ценного, святого».

Левая колонна Святополк-Мирского выступила первой на рассвете 24 декабря. Оставив все орудия на подъеме из-за невозможности их перевоза, она относительно легко преодолела перевал.

Вечером 25 декабря начал движение авангард правой колонны, возглавляемый Скобелевым. За ним двинулись основные силы. Трудности перехода начались с первых шагов движения. Снег достигал глубины двух метров, и силами солдат удалось расчистить дорогу только до ширины, позволявшей отряду двигаться гуськом, а ведь через перевал предстояло провести повозки и артиллерию. Скобелев понимал всю сложность и опасность такого предприятия, однако не бросил орудия. Особенно опасным оказался участок пути по карнизу, длиною около трех километров, шириной не более двадцати пяти метров. Справа от карниза поднималась вверх отвесная скала, а слева круто обрывалась вниз глубокая пропасть. Подтаявшую снеговую поверхность сковало морозом в плотную корочку, которая не продавливалась под ногами, а представляла скользкую поверхность. «Бездна тянула к себе, — вспоминал об этом переходе Вас. И. Немирович-Данченко*, — голова кружилась, тошнило. Двое сорвались туда — и безвозвратно. Кое-где тропа эта идет наклонной плоскостью, тут — разве крылья ангелов могли удержать солдат». Когда же и это страшное место осталось позади, то встретилось новое препятствие — длинный двухсотметровый спуск с крутизной более 45 градусов, по которому надо было съезжать на природных салазках. О наличии крутого спуска и еще одной ветви дороги, более удобной для движения, Скобелеву было известно из рассказа болгарина Славеякова. Однако Скобелев направил авангард в составе 2-й бригады 16-й дивизии с задачей взять Иметли по более сложному пути, так как подкупающая простота второго маршрута была коварной. Двигаясь по этой дороге, отряд стал бы отличной мишенью для турок, занимавших позиции у деревни Шипка.

Медленно продвигались по опасному маршруту. Скобелев

---

* Василий Иванович Немирович-Данченко (1844—1936) — известный романист и военный корреспондент. Воспитывался в Брестском (Александровском) кадетском корпусе. Прервал учебу и стал профессиональным литератором. Корреспондент газеты «Новое время» в Болгарии (1877—1878). Его перу принадлежат более двухсот литературных трудов. За личное мужество награжден боевыми орденами.

был постоянно впереди. Когда разведка донесла, что противник обнаружил движение колонны, раздалось эхо выстрелов. Авангард завязал бой с турками у Иметли. Скобелев произвел рекогносцировку, едва не стоившую ему жизни. Под ним была уби-та лошадь. Получил тяжелое ранение Куропаткин. Стало ясно, что турки, занимая хорошо укрепленную позицию, вряд ли отдадут ее без боя. Скобелев нетерпеливо ожидал, когда соберется хотя бы половина отряда. Ограничившись обстрелом укреплений днем, он решил атаковать Иметли ночью.

Как только стемнело, на штурм турецкого лагеря выступил авангард под командованием Н. Г. Столетова. Бой был жесток, но внезапность ночной атаки и решительность атакующих сделали свое дело — к утру турки оставили деревню. Без передышки колонна продолжала путь.

Ущелья и долины наполнялись говором и шумом спускавшихся батальонов. Стали слышны слова команд, треск сучьев, и скоро среди надвигающейся темноты яркими факелами запылали костры.

— Здорово, братцы, — приветствовал солдат Скобелев, обходивший войска. — Устали?.. Ну да ничего, отдыхайте. Завтра еще поработаем вместе. — И так от костра к костру, везде расспросы: хватает ли продуктов, боеприпасов?

...Сложность маршрута, постоянные стычки с противником привели к тому, что расчетное время перехода Балкан оказалось нереальным. Скобелев понимал, что его отряд в полном составе не в состоянии принять участие в атаке Шейновского укрепленного лагеря, намеченной Ф. Ф. Радецким на 27 декабря, поэтому сообщил в донесении: «Сделаю все от меня зависящее, чтобы атаковать турок завтра к вечеру, но во всяком случае, и в котором бы часу ни было, если увижу атаку левой колонны, поддержу ее, какими бы малыми силами я ни располагал. Считал бы все-таки предпочтительнее атаковать позже и буду действовать в этом смысле, если обстоятельства не переменятся». Святополк-Мирский получил записку от Радецкого, однако осторожный ее тон не охладил пыла Мирского, и он во что бы то ни стало решил начать атаку в назначенное время.

Все его действия возвращают к печальной памяти трех штурмов Плевны. Он не стал дожидаться, пока колонна Скобелева спустится с гор, и решил начать атаку собственными силами. Хотя местность не имела укрытия, князь перед боем отдал категорическое приказание идти вперед безостановочно, не стреляя и, сблизившись с противником, перейти в наступление в штыки и овладеть укреплениями турок. Тем самым он заранее обрек свой отряд на неудачу. Расстояние почти в три километра стрелковая бригада, буквально осыпаемая неприятель-

скими пулями и снарядами, преодолела по совершенно открытому месту, двигаясь вперед в блистательно стройном порядке. Подойдя без выстрела к первой линии неприятельских укреплений шагов на сто пятьдесят, она с криком «Ура!» бросилась в штыки и выбила турок из окопов первой линии. Эти «стройные» и «без выстрела» передвижения по открытому полю боя привели к тому, что, овладев первой линией окопов, отряд Мирского оказался неспособным взять следующую линию, так как потери наступавших были слишком велики.

Необходимо было его поддержать, но какими силами? О том, что в этот момент Скобелев располагал лишь четвертью отряда, свидетельствуют многие очевидцы, в том числе Верещагин, Немирович-Данченко. Скобелев посылал одного ординарца за другим, чтобы поторопить со спуском, но тот был слишком крут, и излишняя спешка могла привести к беспорядку и тем самым лишь только замедлить его. И все же Скобелев с имевшимися силами решил хоть как-нибудь помочь. Он организовал демонстративные действия, построил батальоны к атаке и выдвинул вперед горную артиллерию. Пушкам подрывали передки и добились, что они стали попадать прямо в середину неприятеля. Туркам пришлось отвлечь часть сил на Скобелевский отряд. Таким образом, весь день 27 декабря Скобелев потратил на сосредоточение войск и проведение рекогносцировки. Спустившимся отрядам кавалерии было приказано перерезать дорогу, ведущую от Шейнова к Казанлыку. Как показала рекогносцировка, местность представляла собой сплошную обширную равнину, перерезанную в нескольких направлениях неглубокими, удобно проходимыми оврагами, усеянную мелкими рощами и отдельными группами деревьев. Неглубокий снег, за исключением оврагов, где образовались заносы, мало препятствовал движению. Шейновские укрепления состояли из построенных на курганах редутов и отдельных между ними окопов, имеющих хороший обзор и обстрел. На них и решил направить главный удар Скобелев.

По диспозиции, отданной Скобелевым вечером 27 декабря, атака Шейнова должна была начаться в 10 часов и вестись тремя линиями: передовой из трех батальонов и двух болгарских дружин с восемью орудиями, второй главной линией в аналогичном составе и общего резерва из шести батальонов. Если при третьем штурме Плевны проявились наметки такого глубоко эшелонированного построения боевого порядка, то под Шейновом оно приобрело более четкие формы. Общая глубина такого построения составила один километр. Этим же построением в Скобелевском отряде окончательно утвердилась тактика стрелковых цепей.

Наступление и атака Шейнова по равнине, с ограниченным числом естественных укрытий от огня противника, успевшего за долгие месяцы расположения на месте хорошо укрепиться, могли привести к повторению неудачных плевненских боев. И надо отдать должное Скобелеву — в Шейновском сражении он сделал еще один важный шаг в развитии способов ведения наступательного боя. Почти полное отсутствие артиллерии (одна горная батарея вряд ли могла соперничать с артиллерией противника) натолкнуло Скобелева на мысль подготовить наступление ружейным огнем. Первая линия наступающих батальонов имела на вооружении наиболее дальнобойные винтовки, в том числе и трофейные. Задача этих частей состояла в том, чтобы подавить огонь противника, для чего в переднюю линию были выдвинуты все восемь имевшихся в наличии пушек. Важная роль в бою отводилась кавалерии, которая действовала на флангах наступающих. В случае успешного развития боя кавалерийские части должны были выйти в тыл противнику, чтобы отрезать ему пути отхода.

Наступление правой колонны началось в 8 часов 28 декабря, раньше времени, намеченного диспозицией, чтобы воспользоваться туманом. Основной удар Скобелев направил на правый фланг турецких укреплений, который атаковали два батальона и болгарские дружины, а вспомогательный — на левый: здесь действовал один батальон.

Когда расстояние до редутов сократилось до восьмисот-девятисот шагов, наступающие стали двигаться вперед перебежками (сто — сто пятьдесят шагов), которые позволили русской пехоте сблизиться с врагом при относительно небольших потерях.

Как было намечено в диспозиции Скобелевым, за пятьсот — шестьсот шагов от турецких позиций цепи остановились, залегли и открыли такой интенсивный огонь, что вскоре из редутов стали доноситься лишь разрозненные выстрелы. Воспользовавшись этим, русские батальоны и болгарские дружины ворвались в редуты. Турки пытались спастись в лесу. Вессель-паша, поняв, во что может превратиться этот прорыв, моментально бросил в атаку свой резерв, и под давлением превосходящего противника русские и болгары отступили. В этот момент Скобелев ввел в первую линию Углицкий полк, который с музыкой и развернутыми знаменами двинулся вперед. В первой линии шел 1-й батальон, за ним 2-й и 3-й. Все батальоны на ходу перестроились поротно в две линии, развернули все ряды и разомкнули их. Вторая линия рот двигалась примерно в пятистах шагах от первой. С тысячи двухсот шагов движение началось перебежками. Командир Углицкого полка полковник Панютин

так описывает порядок наступления полка: «Выдвинув 2-ю и 3-ю роты в направлении шейновских редутов разжиженным строем, я приказал им наступать вперед. За 2-ю и 3-ю ротами еще две и т. д. по две роты, приказав, чтобы задние роты подходили к передним скачками, а передние — скачком вперед. Таким порядком я был убежден, что турки не в состоянии будут установить точного прицела по постоянно движущимся ротам. И выходило так, что задние роты вышибали передние».

Сухие строчки рапорта не передают драматизма ситуации. Ведь Скобелевский отряд сражался почти со всей армией Вессель-паши! В напряженном бою явно торжествовало не число, а умение. Умение солдат, обученных Скобелевым, самостоятельно мыслить, принаравливаясь к местности и, невзирая на жестокий огонь, продвигаться к цели. Даже когда в полосе наступления третьего батальона произошла заминка, то уверенность, что она будет непродолжительной и не расстроит планов, не покидала Скобелева. Так и произошло.

В этот критический момент поднялся барабанщик Углицкого полка. «Ваше благородие, — обратился он к Панютину, — что вы на них смотрите: пойдемте на редут. Пропадать, так по присяге. Тут все равно всех перестреляют!» И с этими словами он вылез из канавы и пошел вперед с барабанным боем. Панютин поднялся во весь свой богатырский рост, взял знамя у знаменосца и двинулся в самую гущу сражавшихся. Те, кто дрогнули и побежали, остановились и повернули оружие на врага. Те, кто залегли в надежде, что турецкие пули минуют их, преодолев секундную слабость, пошли за Панютиным и барабанщиком в атаку. Батальон выровнял свои ряды и выбил турок из траншей. Турки упорно держались в редутах, однако удар был настолько силен, что организованное сопротивление сменилось паникой.

Скобелев не упустил этот благоприятный момент. В прореху, образовавшуюся в обороне турок, он бросил Казанский пехотный и два Донских казачьих полка. Казачки поработали шашками и пиками на славу, а пехотинцы довершили дело, начатое конниками. Бой внутри укрепленного лагеря разбился на отдельные схватки. Турки, с отчаяньем обреченных, сражались за каждый дом, каждую улицу. В такой круговерти, казалось бы, ни о какой организации боя не могло быть и речи. И все-таки она была: офицеры создавали импровизированные штурмовые группы, которые с успехом выбивали турок из насиженных укреплений. Положение турецкой армии стало безнадежным. Кавалерия отрезала ей все пути к отступлению.

Генерал-майор К. И. Дружинин, автор 11-го тома «Истории русской армии и флота» (М., 1913), подчеркивал: «Нельзя не

отметить того искусства, с которым вел бой Скобелев. В эту минуту, когда он достиг решительного успеха, в его руках оставались еще нетронутыми 9 свежих батальонов, уже подходивших к опушке леса; вероятно, один вид этой грозной массы должен был много способствовать последовавшему решению Весселя капитулировать».

Действия центральной колонны складывались менее удачно.

Ф. Ф. Радецкий решил ударить по туркам в лоб и тем самым облегчить положение остальных колонн, с которыми окончательно потерял связь. Туман лишил войска центральной колонны маневра, и атаку они вели по узкой дороге, представляющей собой нечто вроде желоба между скал. Русские получили отпор и потеряли тысячу пятьсот человек. Радецкий, отбиваясь от наседавших на него турок, вынужден был отойти. В это время прискакал один из его адъютантов с сообщением о капитуляции армии Вессель-паши.

Около 14 часов к Скобелеву привели пленного турецкого офицера, сообщившего, что Вессель-паша послал его договориться о предварительных условиях сдачи. Вскоре со стороны Шейнова прискакал казак.

— Ваше превосходительство, — обратился он к Скобелеву, — турки вывесили белый флаг!

Скобелев оседлал своего коня и в окружении ординарцев выехал в Шейново. Везде груды убитых, у редутов русские, в траншеях, редутах и в лагере — турки. По дороге двигаются толпы пленных.

Когда Скобелев узнал, что таборов десять турок бежало, он сказал ординарцу: «Харонов! Стремглав сейчас же к Дохтурову... Слышите?... Пусть кавалерия вдогонку... Чтобы ни один человек не ушел от меня... Поняли?» Дохтуров, командир казачьего полка, как ему и было предписано в диспозиции, перехватил отступавших на Казанлык турок и всем полком обрушился на них. В результате турки потеряли несколько сотен убитыми, а шесть тысяч вынуждены были сдаться в плен.

В узких переулках Шейнова трудно было отыскать резиденцию Вессель-паши. Но вот показался небольшой холм, пестрящий красными фесками, на котором развевалось два белых флага. К Скобелеву подошел русский офицер и отдал саблю плененного паши. А где же он сам? От толпы в фесках отделилась небольшая группа. Впереди Вессель-паша, главнокомандующий Балканской армией, лицо мясистое, суровое, волосы с сильной проседью. Скобелев произнес несколько фраз о храбрости его войск, но ни одна морщина не разгладилась на лице паши. Он молча и злобно глядел на Скобелева и, наконец, еле слышно процедил:

— Сегодня гибнет Турция, такова воля Аллаха! Мы сделали все!

— Вы дрались славно, браво... Такие противники делают честь. Они храбрые солдаты! — сказал Скобелев. Столетов переревел.

«А все-таки мерзавцы, что сдали такие позиции», — отметил Скобелев про себя.

Вокруг толпа пленных, раздавались возгласы: «Ак-паша! Ак-паша!»

— Что они говорят? — спросил Скобелев.

— Говорят, что их победили потому, что русскими командовал Ак-паша!

В это время со стороны Шипки донеслось эхо выстрелов: там шел жаркий бой.

Скобелев:

— Сдается ли Шипка?

Вессель-паша:

— Этого я не знаю.

Скобелев:

— Как не знаете? Да ведь вы главнокомандующий!

Вессель-паша:

— Да, я главнокомандующий, но не знаю, послушают ли они меня.

Скобелев:

— А если так, то я сейчас же атакую Шипку. — И чтобы подтвердить угрозу делом, он приказал двинуть по направлению к перевалу резервную бригаду, Суздальский и Владимирский полки. Между турецкими офицерами произошло движение, они перебросились несколькими фразами.

Вессель-паша:

— Постойте-постойте, я пошлю туда моего начальника штаба.

Вместе с генералом Столетовым начальник штаба армии Вессель-паши отправился на перевал... Двинулись по направлению к перевалу и войска, под музыку, на увеличенных дистанциях с тем, чтобы создавалось впечатление их огромной численности. Через несколько часов Скобелев получил сообщение о том, что и шипкинский отряд турок капитулировал.

Шейновское сражение закончилось блестящей победой русских войск. Перестала существовать еще одна из самых боеспособных турецких армий. Всего было взято в плен двадцать две тысячи человек, в том числе три паши и более семисот офицеров. Перед русскими войсками после этой победы открывался путь на Адрианополь*, а затем на Стамбул.

---

* Адрианополь — греческое название города Эдирне в Турции.

На следующий день после Шейновского боя Скобелев устроил смотр войскам. Длинные шеренги выстроились лицом к взятым редутам, сзади, словно сахарные глыбы, — Балканы. На равнине перед редутами следы вчерашнего сражения. На белом коне, сопровождаемый офицерами, Скобелев.

— Именем Отечества, именем государя благодарю вас, братцы! — обратился он к победителям.

Грянуло такое громкое «Ура-а!», что казалось, эхо этого мощного крика способно донестись до Стамбула. Шапки полетели вверх. Нетрудно заметить, что Скобелев нарушил принятую форму обращения и на первый план поставил слово, которое в его приказах и письмах, лишенных пустозвонства и слащавой фразеологии, звучало с особой патриотической силой.

...Пока Скобелев воздействовал на Вессель-пашу, пытаясь заставить капитулировать шипкинский отряд, Н. И. Святополк-Мирский, не теряя времени даром, пользуясь услугами телеграфа, которого Скобелев был лишен, отстучал в Главную квартиру донесения о своих успехах и, описывая их, выбрал самые цветастые обороты, не забывая упоминать свое имя.

Ну а теперь об одном эпизоде, рассказанном Скобелевым и записанном Верещагиным, но вычеркнутом цензурой из его книги.

«Говорят, что я нарочно дал туркам почти раздавить Мирского, что я нарочно не пошел в первый день, чтобы явиться после спасителем. Мирский интригует изо всех сил. Ведь он просто вор. Знаете, что он сделал? Он пришел в мой барак, когда меня не было дома, спросил у Курковского (денщика. — Б. К.) саблю Вессель-паши, которую тот сдал мне, и унес ее, чтобы представить Радецкому, — разве это не воровство? Ведь Вессель-паша передо мной положил оружие». Но что самое интересное — поначалу многие поверили в победу Мирского: сабля-то паши у него в руках. Ну и пошли награды. Радецкому, как прямому начальнику, высшее отличие — Георгиевский крест III степени, Мирскому — крест того же достоинства. Сам победитель остался без ордена. Так порешили, что третья степень у него есть, а для второй он слишком молод. В чин генерал-адъютанта Скобелева тоже не произвели опять-таки из-за существенной причины — молодости. И все-таки Скобелева наградили. Наградили саблей с надписью «За храбрость» по пословице: «Бог троицу любит». Но так как до этого он был награжден шпагой и саблей за личное мужество, то, естественно, либо их приходилось возить с собой в обозе, либо носить все три на себе, что стесняло движение, да в общем-то, и не было принято.

Итак в сражении, развернувшемся в районе Шипки и Шейнова, отряд Скобелева сыграл решающую роль.

После победы под Шейновом Скобелев стал бельмом на глазу у многих. Главнокомандующий, великий князь Николай Николаевич, посетив расположение войск под Шипкой, ни за что обласкал Радецкого, а Скобелева встретил более чем холодно и недружелюбно. «Солдаты, — рассказывал Верещагин, — видимо, почувствовали невнимание, оказанное своему любимому начальнику, они встретили великого князя с таким малым проявлением энтузиазма, кричали «ура» так неохотно, что их холодный прием должен был броситься в глаза. Не знаю только, понял ли он, понял ли, что хоть не награда, а один сердечный поцелуй... герою — и солдатские шапки полетели бы вверх не по приказу, как это обыкновенно делается, а от восторга».

К тому же великий князь поощрял всякие сплетни, распространявшиеся о Скобелеве. «Ах, как мне эти интриги надоели, — говорил Скобелев. — А впрочем, Бог с ними. Я не для крестов и отличий служу. Им меня не понять, и, разумеется, уж никак не их лаврам я завидую. Наши дороги различны». Скобелев был слишком впечатлителен, и часто ему казалось, что одолеть эту вражду и интриги просто невозможно. Легче умереть среди ада сражений.

...Отгремели раскаты Шейновского боя, но еще долго не утихали вокруг него страсти. Победа — с военной и с политической точки зрения — расценивалась как важный шаг на пути общего разгрома Османской империи.

Строки из приказа генерала И. В. Гурко, совершившего с отрядом переход через Западные Балканы и захватившего 22 декабря столицу Болгарии Софию, можно отнести ко всем русским солдатам, принимавшим участие в этой войне. «Пройдут года, и потомки наши, посетив эти дикие горы, с гордостью и торжеством скажут: «Здесь прошли русские войска и воскресили славу Суворовских и Румянцевских чудо-богатырей!»

Закономерным следствием успешного завершения перехода, логическим его финалом стала капитуляция турецкой армии Вессель-паши. В ходе этих событий с новой силой проявился полководческий талант Скобелева. История военного искусства пополнилась новой яркой главой. Такой победой русского оружия можно гордиться.

А ведь задолго до свершенного русской армией Х. Мольтке писал: «Тот генерал, который вознамерится перейти через Троян, заранее заслуживает имя безрассудного, ибо достаточно двух батальонов, чтобы остановить наступление целого корпуса».

При переходе через Балканы, в Шейновском сражении, как и ранее на Шипке, высокие боевые качества продемонстрировали болгарские дружины. Прочно усвоив новые тактические

приемы, болгары проявили героизм и беспримерную стойкость не меньше, чем русские солдаты.

Впечатление разорвавшейся бомбы произвел на Европу зимний переход русских войск через Балканы. Рассказывают, что когда наступила зима, Бисмарк сложил свою карту Балканского полуострова, по которой следил за ходом войны, и сказал, что до весны она ему не понадобится. Зимой, мол, наступление через Балканы невозможно. К такому же выводу пришло и правительство Австро-Венгрии. Решительный поворот событий сильно встревожил венский двор. Под угрозой срыва оказались два секретных соглашения с Россией: Рейхштадтское (1876 г.) и Будапештское (1877 г.). И в том и в другом Россия давала гарантии, что не станет создавать на Балканах сильное славянское государство, а Австро-Венгрия будет соблюдать «доброжелательный нейтралитет». Почувяв недоброе, в австрийской столице спешно начали готовить вторжение в Боснию и Герцеговину. Английское правительство было в шоке. Когда после падения Плевны английский военный агент Уеллеслей, находившийся при главной квартире и кое-что пронюхавший о дальнейших планах русского командования, послал в Лондон телеграмму, в которой предупреждал о возможном переходе русской армии через Балканы еще зимой, английское военное министерство в сопроводительной записке, направленной вместе с телеграммой премьер-министру, сообщало, что полковник, очевидно, не знает того, о чем он говорит. Балканы никогда не были и не могут быть перейдены зимой.

Однако переход русской армии через Балканы стал свершившимся фактом, и развитие событий теперь зависело от скорости ее продвижения к Стамбулу.

НА СТАМБУЛ

Шипко-шейновское окружение целой полевой армии и успехи Западного отряда И. В. Гурко совершенно изменили соотношение сил на Балканском театре военных действий. Надежды Турции на вмешательство западноевропейских держав в ее пользу рухнули окончательно. Дальнейшая затяжка войны сулила туркам только поражения и полный развал армии. Правительства западных государств, и в особенности Англии, усиленно пытались предотвратить это. Недаром председатель комитета министров граф П. А. Валуев отмечал тогда в своем дневнике, что «политический горизонт хмурится, несмотря на наши победы».

В правящих кругах России не было единства в отношении методов решения балканского кризиса. «Пока ведутся беспред-

метные дискуссии, — льется кровь, теряется время», — сетовал Н.П. Игнатьев.

Граф Игнатьев, посол России в Константинополе, наследник престола великий князь Александр Александрович, великий князь Константин Николаевич стояли за более решительные действия на Востоке. Александр II и министр иностранных дел А. М. Горчаков занимали более осторожную позицию, рассчитывая, что удастся договориться с союзниками и добиться от Турции шагов навстречу требованиям восставших славян.

Но дипломатические усилия России урегулировать восточный вопрос мирным путем успехом не увенчались.

Дипломатия Англии становилась все более агрессивной, и это приободрило Турцию. Чтобы хоть как-нибудь задержать продвижение русских войск и тем самым выиграть время на случай, если Англия решится открыто оказать помощь, турецкий военный министр Реуф-паша отправил главнокомандующему русской армией телеграмму, в которой сообщал, что турецкое правительство уполномочило Сулейман-пашу войти в отношения с русским и начать переговоры о перемирии. Но быстрое продвижение войск к Стамбулу рассматривалось русской дипломатией как важный фактор для безоговорочного принятия условий мира, продиктованных Турцией. Поэтому на предложение о перемирии турки не получили ответа и были вынуждены перестроить свой план сдерживания наступления русских войск по рекам Марице и Тундже, где, опираясь на удобные для обороны пункты Филиппополь и Адрианополь, они надеялись задержать их на более или менее продолжительное время.

Русское командование предполагало параллельное преследование армии Сулейман-паши несколькими отрядами: справа — И. В. Гурко, в центре — М. Д. Скобелева и И. С. Ганецкого, а слева — Ф. Ф. Радецкого. План имел все шансы на успех, так как опирался на большой численный перевес русских войск. К югу от Балкан действовала двухсоттысячная армия против восьмидесятипяти тысяч Сулейман-паши. Если в боях 1877 года русская армия продемонстрировала, что она умеет стойко обороняться и энергично наступать, то в начале января 1878 года она убедительно доказала, что с не меньшим успехом может преследовать противника в труднейших условиях зимней непогоды и распутицы.

Скобелеву ставилась задача совершить марш по маршруту Эски-Загра* — Адрианополь и упредить прибытие туда армии Сулейман-паши. Выступление отряда намечалось на 3 января. В этот день Скобелев выслал вперед конницу для занятия же-

---

* Эски-Загра — ныне город Стара Загора.

лезнодорожного узла Семенли — Тырново и моста через реку Марицу. Сулейман-паша начал совершать отход к Адрианополю в ночь с 1 на 2 января. Его армии предстояло пройти сто семьдесят километров. Авангард средней колонны под командованием Скобелева отделяло от Адрианополя расстояние в сто пятьдесят километров, на целый переход меньше. Таким образом, русские и турки имели примерно одинаковые шансы занять Адрианополь. Предстоял новый нешуточный поединок. Энергии Скобелеву не занимать! Многие просто поражались его неумной жажде деятельности. Спокойствие утомляло Скобелева гораздо больше, чем самая неблагоприятная, черная работа. Он отличался оптимизмом даже в самых тягостных ситуациях.

Воины, измученные наитруднейшим переходом через Балканы и напряженным боем у Шейново, так и не услышали из уст любимого командира желанного слова «отдых». Скобелев отдал приказ на марш. И вот тут-то «белый генерал» вновь блеснул своим талантом организатора. Всего два дня понадобилось отряду, чтобы восстановить боеспособность и выступить раньше срока, намеченного в приказе. Никогда еще не случилось пехоте совершать с такой быстротой переходы, которые едва ли под силу и кавалерии. Но если бы только личная воля и энергия Скобелева были основными движителями войск, то они не достигли бы такого успеха. Несомненно, решающая роль принадлежала опыту, умению и обученности их состава. Военное мастерство Скобелева, помноженное на высокую военную выучку подчиненных, ради которой генерал не щадил ни себя, ни их, полностью раскрылось в стремительном, поистине суворовском темпе продвижения отряда к Адрианополю.

Турецкое правительство, дабы русские войска встретили на своем пути голую пустыню, спровоцировало население к бегству. В ход было пущено нелепое утверждение о кровожадности русских. Ослепленные страхом, турецкие подданные бросали кров, имущество, гибли в давках, которые образовались на дорогах. На обочинах людские тела валялись вперемешку с трупами животных, оглоблями вверх торчали телеги и экипажи, которым так и не суждено было добраться до спасительного пристанища.

На протяжении всего пути войска Скобелева с бою брали турецкие позиции, мосты, железнодорожные станции, занимали населенные пункты. Кавалерийские отряды, стремившиеся как можно более детально разведать местность, уходили далеко вперед, но колонны пехоты двигались с такой быстротой, что умудрялись догонять их и на привал располагались в одних и тех же местах.

Турки окончательно потеряли способность к сопротивлению. Тырновский мост на адрианопольской железной дороге

был атакован всего лишь одним эскадроном, однако и этого оказалось достаточно, чтобы целый табор турецкой пехоты не выдержал и оставил позиции у моста. Такие же стремительные действия вели и остальные кавалерийские отряды. Туркам казалось, что противник был везде. Русские появлялись внезапно на привалах, давая противнику отдохнуть, тревожили турецкие гарнизоны, сея в них панику и страх неизвестности. И все эти стремительные переходы совершались в непролазной грязи, под холодными дождями. За сутки в таких условиях солдаты иногда проходили по пятьдесят километров. Люди выбивались из сил, но, видя, что командир впереди, делит с ними трудности перехода, мрачные, сосредоточенные, усталые, шли и шли. Колонна Скобелева не имела отставших. Сказывались высокая взаимовыручка и взаимопомощь.

Когда до Адрианополя оставались считанные версты, разведка донесла о движении таборов египетского принца Гассана, командующего Южной армией турок. Узнав о поражении армии Сулейман-паши под Филиппополем, принц не осмелился выступить против всей русской армии, стремительно двигавшейся к городу. К тому же он совершал марш так медленно, что отряд Скобелева догнал его тылы и отрезал от основных сил. Был захвачен громадный обоз и около сотни верблюдов, которых Скобелев раздал по полкам. «И удивительные существа эти русские солдаты! — восклицал один из корреспондентов. — Способности ко всему изумительные: кажется, посади их на шею хоть слону, любого корнака за пояс заткнут. Ну да и животные оказались препонятливыми и живо выучились излюбленным русским выражениям».

Авангард отряда Скобелева под командованием генерала Струкова 8 января занял Адрианополь, вторую столицу Турции, без боя. Видимо, неудержимый в своем стремлении вперед Скобелев нагнал такого страха на турок, что они в панике бросили эти твердыни, грозившие нашей армии стать хуже Плевны. Русские войска значительно опередили армию Сулейман-паши.

На следующий день Скобелев торжественно вступил в Адрианополь. Болгарское и греческое население города восторженно встречало русские войска: радостные лица, ликующие возгласы. Жители забрасывали солдат цветами. Население Адрианополя поражалось порядку, который царил в отряде. Как это разнилось с тем, что вытворяли янычары! Даже после того, как последний русский солдат покинул Болгарию, в Адрианополе добрым словом вспоминали «белого генерала» и его солдат, готовых откликнуться на любую просьбу о помощи.

После непродолжительного отдыха отряд Скобелева выступил на Стамбул. Опять бешеный темп. 13 января авангард с бо-

ем взял Люлебургаз, а 17 января конница Струкова ворвалась в Чорлу, что в восьмидесяти километрах от столицы Турции. Этого было вполне достаточно, чтобы турецкое правительство запросило перемирия.

19 января в Адрианополе, куда переместился штаб Дунайской армии, состоялось его подписание, после чего продвижение русских войск не остановилось, но военные действия прекратились. Ближе всех к Стамбулу оказался отряд Скобелева, занявший небольшой городок Сан-Стефано* и вышедший к берегам Эгейского моря в районе Деде-Акау, в двенадцати километрах от столицы Турции.

Здесь мы подошли к ключевому моменту, который задолго до завершения войны стал предметом горячего обсуждения россиян. Освобождение Царьграда от мусульманского владычества во все времена было заветной целью славян, и многие тогда считали, что взятие Константинополя — исторический момент, дарованный России самим Богом. Однако вопрос на поверку оказался значительно сложнее, чем предполагала большая часть российского общества.

Английская королева Виктория, предвидя возможный исход кампании не в пользу турок, настаивала на заблаговременной концентрации значительных военных сил на Балканах и заявляла, что отречется от престола, если русские войдут в Стамбул. Родство с российским императором (великая княжна Мария Александровна была замужем за сыном королевы герцогом Эдинбургским) в расчет не шло, и, по выражению государя, тон высказываний английской королевы по поводу успехов русского оружия на Балканах напоминал брань базарной торговли. Но явно не в угоду родственнице, а принимая во внимание здравый смысл, царь еще в самом начале войны категорически отверг мысль о взятии Стамбула. Перед отъездом из действующей армии Александр II, дабы остудить желание Николая Николаевича и генералов, сочувственно относившихся к идее захвата столицы Турции, сказал: «Константинополь — это новая война». И все-таки соблазн был неимоверно велик.

Скобелев был просто вне себя от медлительности в решении этого вопроса. «Смею думать, — писал Скобелев великому князю, — что в настоящую минуту между нами и Константинополем нет серьезных преград... Это сознают наши враги... Закljučая: при большей энергии со стороны нашего посла господствующее влияние должно по силе вещей принадлежать России, и весьма прискорбно, что столь могучий фактор, как присутствие в Адрианополе действующей армии и возможность... и те-

---

* Сан-Стефано — ныне город Ешилькёй.

перь еще занять с бою столицу Турции, ...слишком мало принимается в расчет нашей дипломатией».

Но здесь в дело вмешались именно дипломаты. Враждебно настроенные по отношению к России, великие державы Англия и Австро-Венгрия пытались оказать давление на Россию и поддержать Турцию. Англия подталкивала Австро-Венгрию к проведению мобилизации. Опасаясь захвата Стамбула, английское правительство послало к Дарданеллам флот, которому после непродолжительных колебаний султана разрешено было войти в Мраморное море. Одновременно основные силы английского флота стали концентрироваться у острова Мальта.

Такая позиция Англии не сулила России ничего хорошего. Из морских далей подул ветер новой войны, войны в европейском масштабе, для ведения которой не было ни средств, ни сил. Русско-турецкая война истощила как материальные, так и моральные возможности государства.

Небольшому, ничем не примечательному городку Сан-Стефано суждено было стать местом подписания договора. Доселе спокойная жизнь города была нарушена появлением в нем большого количества высокопоставленных чинов, как военных, так и гражданских. Следом за ними потянулись актеры и певички с многоязыким репертуаром: в короткий срок Сан-Стефано превратился в маленький Париж.

Раздавались и такие куплеты с намеком на Скобелева:

*Хочу спросить вас, белый генерал,
Не правда ли,
Что вы герой войны?*

В ответ Скобелев сочинил шутовское четверостишие:

*Мадам, я вам сказать обязан:
Я не герой, я не герой.
К тому же я любовью связан
Совсем с другой, совсем с другой.*

Но шумное веселье с трудом скрывало озабоченность. Отдых, которого все так долго ждали, был нервным, напряженным.

Человек до мозга костей военный, Скобелев, как и многие другие, с кем он прошел всю войну, не чувствовал морального удовлетворения от победы. Он прекрасно понимал, что остановка русских войск у стен Стамбула, затянувшаяся дипломатическая игра не предвещают ничего хорошего России, а тем более Болгарии.

Против России складывался фронт враждебных государств, которые были недовольны условиями Сан-Стефанского мирного договора и добивались их пересмотра. Обескровленная только что закончившейся войной, Россия не могла вступить в новую войну с более серьезными противниками, чем Турция, и поэтому царь

был вынужден согласиться с мнением Д. А. Милютина и Н. Н. Обручева о необходимости скорейшего заключения мира.

Наконец, 19 февраля 1878 года графом Н. П. Игнатьевым, русским послом в Стамбуле, был подписан прелиминарный договор. Согласно прелиминарию Сербия, Черногория и Румыния признавались независимыми государствами. Босния и Герцеговина получали автономию. Болгария также становилась автономным княжеством, в состав которого входила Македония. По договору она обязывалась платить дань Турции. Россия получала триста десять миллионов рублей контрибуции. Тысяча сто миллионов рублей заменялись уступкой Турцией Тульчинского санджака, который Россия передавала Румынии, получая от нее взамен южную часть Бессарабии. На Кавказе к России присоединялись крепости Ардаган, Карс, Батум и Баязет. Скобелев ждал от Сан-Стефанского договора большего, но он понимал, что сделан принципиально важный шаг.

Несмотря на то, что договор в полной мере не оправдывал расчетов русского правительства и балканских народов, значение его велико. Особенно для Болгарии, которая после пятилетнего турецкого господства становилась, правда с ограничениями, самостоятельным государством. Однако, как показали дальнейшие события, даже в таком виде мирный договор вызвал гневную реакцию Англии и Австрии. Ни одна из этих стран не желала допустить образования сильного славянского государства, каким могла стать Болгария. Не осталась в стороне в своем стремлении оторвать лакомый кусок и Германия.

ИТОГИ ВОЙНЫ

Русское общество, задолго до того как историки засели за обработку материалов и описание войны с Турцией, сошлось в главном: все усилия, затраченные Россией на подготовку боеспособной армии, и финансовые расходы на ведение войны оказались не напрасными. единовверцы получили долгожданную свободу из рук русских солдат и офицеров. Реформы организационные, технические, моральные доказали свою жизнеспособность. Русские военные убедили мир, что не даром едят народный хлеб и готовы жертвенно служить Отечеству!

В боях и сражениях держала экзамен целая система взглядов на обучение войск, на управление ими, на способы и приемы ведения боевых действий и их боевого обеспечения. Какие обретенные обогатили военное искусство как науку? Прежде всего руководимые Н. Н. Обручевым штабисты сумели убедить высшее руководство государства и армии в необходимости глубокой разработки плана кампании. Не станем осуждать их, не все

безоговорочно укладывалось в его прокрустово ложе, да и сиятельные исполнители, как показало время, оказались не на высоте положения и вносили чересчур опрометчивые коррективы. И все же план, даже такой небезгрешный, действовал. Напомним о его масштабе — одновременно с военными действиями на Дунае война шла и на Кавказе, не позволяя туркам маневрировать силами. Турецкое командование так и не сумело противопоставить этому плану ничего более эффектного. Отдельные успехи турок можно приписать лишь просчетам русского генералитета. Но то, что из его состава по ходу войны исчезали бездарные военачальники, свидетельствовало — уроки поражений не проходили бесследно.

Ни одна война XIX столетия не дала столь обильной пищи для размышлений многим военным деятелям различных государств, как эта война. Пороги штаба Дунайской армии обивали соглядатаи, военные агенты, корреспонденты со всей Европы и даже Америки. Их донесения и сообщения материализовывались не только в знаках на топографических картах, но ложились в основу политики и заметно влияли на военное мышление. Ведь поля сражений в Болгарии внесли много новшеств в стратегию, тактику, стали проверкой качества вооружений. Турецкая техника явно сплывала в войне, а вот крупновские пушки и английские ружья нанесли немало потерь русской армии.

В соперничестве двух военных стратегий наступательная, присущая русским, одержала верх над оборонительной, которую исповедовало турецкое командование. Традиции русской армии благодаря генералам Н. Н. Обручеву, М. Д. Скобелеву, М. И. Драгомирову, П. П. Карцову получили дальнейшее развитие. Никакие клятвы и призывы на помощь Аллаха не остановили русские войска при переправе через Дунай. Организация ее и по сей день считается классической и вошла во все учебники военной истории. Неимоверная стужа, глубокий снег и пронизывающий ветер не стали преградой для русских солдат при переходе через Балканы. Какая еще армии была способна совершить подобное?! Под силу русским войскам было бы и взятие Стамбула. Доказательство тому их безудержный, скоростной рывок к Царьграду. Форма параллельного преследования — одна из тактических находок русского командования. Но истинной находкой для реализации его планов стал человеческий материал — русский солдат. Он заявил о себе в полный голос и в итоге по всем статьям превзошел хваленых янычар, возвращенных английскими и немецкими офицерами. «Солдатская тактика» прочно заняла место среди тактических приемов Балканской войны. Впервые в практике наступательных действий применялись перебежки и рассыпной строй. Огонь артиллерии и

винтовок поддерживал наступление. Позднее опыт русско-турецкой войны вошел во многие наставления и уставы. Не пренебрегали им и армии Запада. Примером тому может служить германский пехотный устав 1888 года, в значительной мере воплотивший в себе боевые достижения русских войск на полях сражений на Балканах. Однако любые планы, даже самые гениальные, остались бы нереализованными, если бы не опирались на мужество и разум российского воина. Чудеса героизма жилились на твердом сознании праведности творимого. Выражение: «Никто больше любви не имеет, как тот, кто положит душу за други своя» — применительно к каждому, кто с оружием в руках отстаивал свободу единоверцев.

В оценке русской армии, которую давали иностранные военные наблюдатели и корреспонденты как западных, так и русских газет, преобладала мысль: армия выручила Россию, героем оказался все тот же народ, в силах и духе которого так часто сомневались, нигде не было армии трезвее, трудолюбивее и честнее. И такая оценка справедлива.

Война стала испытанием профессионализма командного состава русской армии во всех его звеньях. Однако на конечном итоге сказалось не умение высшего командования принимать целесообразные решения и управлять войсками, а частная инициатива и воинское мастерство среднего командного состава. Несмываемыми пятнами позора лежат на представителях высшего командования кровавые неудачи русской армии, напрасная гибель тысяч простых солдат. В этой среде с пренебрежением относились к изучению теории военного дела и не желали считаться с велением времени, а за кичливостью и высокомерием надежно скрывали глупость и ханжество. Россия негодовала. Редкий разговор обходился без упоминания имен генералов, отяготивших свою совесть бесчисленными потерями. Доставалось и сиятельным особам. Государя в разговорах щадили, но его упрекали в мягкотелости. Ведь никто из горе-полководцев не испытал на себе его гнев и не был привлечен к ответственности.

Россия ликовала, когда удальцы из дивизии М. И. Драгомирова зацепились за берег, а затем обеспечили переправу всей русской армии через Дунай. Россия восторженно встретила взятие Ловчи, падение Плевны. Рядом с названием этих городов особенно часто упоминалась фамилия М. Д. Скобелева. Имя «белого генерала», имена генералов П. П. Карцова, И. В. Гурко зазвучали с особой патетической силой при известии о зимнем переходе армии через Балканы. Казалось, сам Суворов благословил этих военачальников на подвиг, достойный генералиссимуса. Россия вздохнула с облегчением, когда завершилась ге-

роическая эпопея. И последнюю точку в ней поставил всеобщий народный любимец — генерал-лейтенант М. Д. Скобелев.

Балканская война высветила и блистательно ограничила военный талант Скобелева, возвысила его личность. Из ее сражений он вышел сформировавшимся полководцем, добившимся признания своей деятельности не путем интриг или чьего-либо содействия, а лишь благодаря собственным заслугам. Скобелев стал видным военачальником потому, что умел точно и масштабно оценивать изменения, совершавшиеся не только в армии, но и в общей обстановке, внедрял новаторские способы руководства войсками с учетом новых условий войны.

От сражения к сражению росла уверенность Скобелева в себе. Он критически оценивал ход того или иного боя и в очередном исправлял явные ошибки. Конечно, влияние наполеоновских принципов ведения боевых действий заметно сказывалось, но они так и не стали догмой. Например, Скобелев стремился добиться реального соотношения сил между наступавшими и оборонявшимися и настаивал, чтобы это соотношение было с преимуществом не менее чем в два раза, чтобы войска вводились в бой планомерно, сохранив для решающего момента боеспособность. Но если эти положения вошли в военные учебники, то высказывание Скобелева: «На войне нравственный элемент относится к физическому, как 3:1» осталось во многом нереализованным.

...На войне между частями, расположенными порой на значительном удалении друг от друга, существует незримая связь. Когда на Кавказе русские войска взяли турецкую крепость Карс, то в Дунайской армии не было человека, который бы не отзывался с восторгом об этом событии. Скобелев, как тонкий дипломат и психолог, приказал соорудить плакат: «Карс пал» и выставил его на обозрение турок. Знайте, мол, то же ждет и Ловчу, Плевну... И когда он вел за собой войска на ловченские и плевненские редуты, то был убежден, что его неудача будет огорчительной для всей армии, а успех окрылит. Взяв на себя ответственность за принятое решение, Скобелев не шарахался из стороны в сторону. А ведь ему не единожды приходилось слышать упреки: нарушил, погубил, вовремя не донес и т. п. Своеволие Скобелева было оправдано глубоким расчетом, инициатива подкреплена уверенностью в подчиненных. И они не подводили «белого генерала».

Да, действительно, в стремительных и захватывающих атаках Скобелев чувствовал себя как рыба в воде. Но и нудные окопные будни генерал своей неиссякаемой выдумкой разнообразил настолько, что приводил в удивление и своих и чужих. Генерал точно знал, где ему требуется быть лично, а куда на-

править надежного исполнителя. Между тем о месте командира в бою накануне Балканской кампании в военных кругах шли жаркие споры. Скобелев и тут вставил свое слово. Драгомиров по-дружески журил ученика за прыть, но должен был признать его правоту — место командира там, где решается судьба сражения. И в самом начале войны и Драгомиров и Скобелев зачастую ставили свою жизнь вровень с солдатской.

Правильно это или неправильно, рассудило время. Однако в то время и Скобелев и Драгомиров, хотя и в высоких чинах, были всего лишь исполнителями. Едва Скобелев оказывался в роли начальника и выполнял самостоятельные задачи, такие как оборона обширного участка под Плевной или Шейновское сражение, никто в первых рядах генерала не видел. Хотя, по его собственным словам, ему стоило большого труда сдерживать себя.

Свои приказания Скобелев отдавал на языке, понятном и офицерам и солдатам. За каждым словом стояло твердое убеждение и сознание того, что любая недомолвка или неточность — прямой путь к поражению и напрасной гибели людей. По оценке военного теоретика А. Зайончковского, Скобелев привил войскам свои взгляды и приучил их действовать по-своему.

Уж чего не мог терпеть Скобелев, так это одергивающего окрика: «Не рассуждать!» Он высоко ценил солдатскую мудрость, их верность и любил повторять: «Верьте мне, ребята, как я вам верю».

Осталось неизвестным, кто первым назвал Скобелева народным полководцем. Может быть, произнес эти слова один из солдат, вышедший целым и невредимым из пекла Плевненских сражений. Может быть, они принадлежали офицеру, которого генерал сильно пожурил за обычную человеческую слабость, а потом встал рядом с ним и пошел в атаку. Может быть, Скобелева называл так кто-нибудь из донцов, с которыми он успешно соперничал в лихости. Не исключено, что промолвила эти слова сестра милосердия, имевшая возможность наблюдать, с каким неподдельным состраданием и участием относился «белый генерал» к искалеченным воинам. Тысячеустая молва подхватила эти слова и разнесла их по всей России. О Скобелеве слагались легенды. В сознании русского народа складывался образ генерала-богатыря, генерала-рыцаря, заговоренного от смерти и дарующего людям счастливую жизнь. А кто на Руси о ней не мечтал?!

Русский человек редко ошибался и готов был отбросить всякого, кто пытался приписать победы Скобелева только одной удаче. Несомненно, генералу сопутствовала и удача (к слову, победы Суворова недоброжелатели тоже расценивали как случайные), но к ней не примешивался авантюризм или необдуманность. В народе с горечью вздыхали: дай царь возможность

Скобелеву проявить свои таланты в начале войны, как знать, может быть, и весь ход военных действий сложился бы иначе. «Позвольте, — говорили люди, защищая доброе имя «белого генерала, — допустим, Скобелев не проявил себя в войне как гениальный полководец, но ведь он — герой!» Эту фразу необходимо дополнить: болгарский народ наряду с русским причислил Скобелева к сонму национальных героев. Очернителям заслуг Скобелева в ответ на такую общеславянскую признательность крыть было нечем.

Большинство иностранных корреспондентов, освещавших ход кампании на Балканах, трудно заподозрить в симпатиях к России. Однако сообщения, где упоминалось имя Скобелева, были на редкость единодушными. По военным дарованиям иностранцы ставили Скобелева в один ряд с Наполеоном, Веллингтоном, Грантом, Мольтке.

А что же думал о войне сам генерал? Один из первых исследователей деятельности М. Д. Скобелева, Д. Д. Кашкаров считал, что Скобелев любил войну, как специалист любит свое дело, был поэтом и энтузиастом войны. С его легкой руки, это мнение прочно отложилось в памяти людей, которым не пришлось воевать бок о бок со Скобелевым. Что греха таить, многим поведение Скобелева в бою казалось картинным, лишенным здравого смысла. Сам генерал брезговал вступать в полемику по этому поводу. Но вот его запись в дневнике, сделанная в 1875 году, в Туркестане: «Избегать поэзии на войне». Нет, он не лубочный герой, и не вина Скобелева, что многие его высказывания, поступки на миру представлялись словно в кривом зеркале. Даже слезы, которые проливал генерал на панихидах по павшим, недруги называли «крокодильими».

Пренебрежение к солдатским жизням, вранье бесили Скобелева. Кто-то из генералов однажды заметил по поводу больших потерь под Плевной: «Лес рубят — щепки летят». Скобелев парировал: «Конечно, раз начав войну, нечего уже толковать о гуманности... Но для меня в каждой этой щепке человеческая жизнь с ее страданиями и земными заботами». Скобелеву сведения об убитых и раненых — неперенные подробности даже самых блестящих реляций — несли бессонные ночи, глубокие внутренние мучения и христианское покаяние. Искренностью и трагедией веет от его слов: «Полководец должен испытывать укор совести; ведя людей на убой».

Мы знаем, с какой настойчивостью Скобелев пытался овладеть теорией военного искусства. Заглядывая в далекое прошлое, сопоставляя его с днем сегодняшним и предрекая будущее, Скобелев отчетливо представлял природу войн. Как наказ потомкам звучит заключение, сделанное им: «Война извини-

тельна, когда я защищаю себя и своих... Подло и постыдно начинать войну так себе... Черными пятнами на королях и императорах лежат войны, предпринятые из честолюбия, из хищничества, из династических интересов». Война — это кровавое представление, театр трагедии, только на месте спектаклей со многими действующими лицами — сражения, где в качестве режиссеров выступают полководцы. Как и в искусстве, есть талантливые и не обладающие этим даром. Сражениям в режиссуре Скобелева неизменно сопутствовала удача, и лишь потому, что полководец, прежде чем стать таковым, выступал простым исполнителем на второстепенных ролях.

Редко на долю одного человека выпадает столько невзгод, сколько пришлось пережить Скобелеву за девять месяцев войны. Срок для мирного бытия — небольшой. Но война делает время драгоценным, и первая секунда пребывания на передовой могла вполне стать последней. Со Скобелевым этого, к счастью, не произошло. Но «белый генерал» оказался в таком противоречивом жизненном клубке, что, казалось, распутать его никогда не суждено. С одной стороны, Скобелева окружали соратники, друзья, без которых были бы немыслимы его победы. С другой — находился мелочный, завистливый мирок, в котором на «белого генерала» смотрели как на пугало, представлявшее угрозу мерному ходу событий. Что же противопоставил Скобелев интригам и ненависти? Настойчивый труд и требовательность к себе. Современники оставили нам рассказы об удивительной работоспособности Скобелева. В дни сражений он не ложился спать сутками и был вездесущ, на забывая при этом сделать отметину в памяти, с тем чтобы вписать в реляцию имена особо отличившихся солдат и офицеров.

Каким бы ни был его личный вклад в сражение, Скобелев никогда не стремился возвеличивать свои заслуги и сильно негодовал, когда кто-нибудь из корреспондентов приписывал все успехи только ему одному. Он требовал, чтобы действия всех участников сражений получали справедливую оценку.

Так как за войну полагались отличия, то зачастую менее всего сделавший для победы не упускал возможности приписать себе больше заслуг и каким-либо ненавязчивым способом превратить свою незаметную фигуру в личность, один жест или слово которой изменяли ход сражения. Таких деятелей «от бумажных побед» в русско-турецкой войне было предостаточно, и поэтому на фоне самовоспевающих донесений заметно выделяются реляции Скобелева, считавшего своим долгом показать заслуги своих подчиненных.

Скобелев не единожды слышал упреки по поводу щедрости и настойчивости, с которой он выбивал награды и поощрения.

Но генерал был неумолим, когда сталкивался с разгильдяйством, с трусостью. В одном из боев за Зеленые горы две роты Казанского полка дрогнули и стали отступать. Скобелев тут же, на поле боя, отстранил ротных от должностей. Дальнейшая судьба этих командиров неизвестна, а вот для других офицеров этот случай стал доброй наукой.

Ни к чему не относился Скобелев с таким вниманием, как к подготовке офицерского состава. Требуя от офицеров знаний, храбрости, исполнительности и инициативы, он стремился развивать в них эти качества. Доступность Скобелева была общеизвестна, и находились такие командиры, которые, пользуясь ею, пытались завоевать доверие генерала, поливая грязью товарищей. Скобелев относился с презрением к таким офицерам и говорил: «Я их слушаю поневоле, ушей не заткнешь, но в уме своем в графе против их фамилий ставлю аттестацию «подлец и дурак». Подлец потому, что клеветает про других и, главное, про своих товарищей, дурак потому, что передает мне это, точно у меня самого нет глаз во лбу, точно я не могу отличить порядочного человека от негодяя».

В кровавых сражениях характер Скобелева не ожесточился, не очерствел. Однажды Скобелев под горячую руку прилюдно жестоко обругал майора Углицкого полка. Вас. Ив. Немирович-Данченко, ставший свидетелем этого разноса, к сожалению, фамилию офицера упустил. А далее произошло следующее. Скобелев, поостыв, разобрался и вынужден был признаться писателю, что отругал майора напрасно. Скобелев собрал офицеров полка, публично извинился за нанесенную обиду, протянул руку и обнял майора. Удивлению проштрафившегося не было предела. Такое разве забудется!

Скобелев серьезно опасался, что с прекращением военных действий исчезнет войсковая память, боевое куначество, уважение друг к другу. «То, что приобретено кровью, не должно быть растрчено», — заклинал Скобелев. И когда он узнал, что на банкете владимирцев первым прозвучал тост за ратных товарищей 30-й пехотной дивизии, был глубоко тронут.

Вот еще несколько штрихов к портрету «белого генерала». В пору русско-турецкой войны Скобелеву было тридцать четыре года. К людям в таком возрасте, носившим штатское платье, в России обращались со словами «молодой человек».

Париж и великосветский пансион Жирарде занозой сидели в Скобелеве. Матушка, Ольга Николаевна, зная пристрастие сына к дорогим французским духам, неизменно укладывала в багаж коробку с изящными флаконами и везла с собой запас форменной одежды. И вот представьте, что перед началом сражения перед подчиненными является не начальник, а этакий

франт, одетый с иголки, а запах духов, исходящий от него, перебивает пороховую гарь.

Бой отгремел. Войска расположились на отдых. Скобелев, которому хлебосольство досталось в наследство от родителей, дает обед и внезапно обнаруживает, что за столом собралось тринадцать человек. «Чертова дюжина»! — кричит генерал и почти насильно втаскивает за стол первого попавшегося. «Уф!» — облегченно вздыхает он, и трапеза, набирая обороты, закономерно перерастает в шумную пирушку.

Из сонма корреспондентов, вившихся вокруг него словно ужи, Скобелев без труда находил борзописца, которому было безразлично, что описывать: бал либо сражение. «К слову, — говорил Скобелев, вспоминая изречения Веллингтона, — ни то, ни другое правдиво описать невозможно». С этого момента незадачливый писака попадал в сети, ловко расставленные собеседником. Убеждать Скобелев умел. Он затевал разговор то о переселении душ, то внезапно переходил к Лермонтову:

*В минуту жизни трудную
Теснится в сердце грусть:
Одну молитву чудную
Твержу я наизусть.*

Заканчивался такой мистический экскурс неизменным предложением совершить прогулку под звездами и... под огнем противника. Естественно, из расположения отряда Скобелева корреспондента как ветром сдувало, а в воображении создавался образ человека с больной психикой.

Такое впечатление у знакомых со Скобелевым накоротке усиливалось, когда генерал начинал говорить о том, что пятница для него — день несчастливый и он никогда бы не начал сражение в этот день, что он порезал бы всех кошек. А если мерзкая тварь все-таки перебежала дорогу, то Скобелев, чертыхаясь и отплевываясь, обходил это место за версту. И не дай Бог, если день начинался со встречи с женщиной. С пустыми или полными ведрами она шла, или, вообще, это была дама, совершающая променад, генерал в этот день более не отваживался выходить из помещения.

И только когда речь шла о служении России, генерал неизменно становился серьезным, сбрасывал налет мистицизма и не позволял никому ни охаивать, ни говорить с издевкой об Отечестве....

Сотни памятников русским воинам-освободителям воздвигнуты на болгарской земле, множество музеев содержат замечательные экспонаты, бережно хранимые как память о героическом времени. В Плевне, губернатором которой в годы войны

был Скобелев, в центре города на большой площади сооружен храм-мавзолей. На мраморной плите при входе высечена эпитафия: «Они, богатыри необъятной русской земли, вдохновленные братскими чувствами к поработенному болгарскому народу, перешли великую реку Дунай, ступили на болгарскую землю, разбили полчища врага, разгромили турецкую тиранию и разорвали цепи пятивекового рабства. Они напоили своей богатырской кровью болгарские нивы, молодецкими костями устлали поля сражений... Они отдали самое дорогое — жизнь за высшее благо болгарского народа, за его свободу».

Болгарский народ и по сей день свято чтит память о мужественных сыновьях России. И память, и уважение народа к своим освободителям настолько сильны, что даже гитлеровцы не решились тронуть эти святыни из-за боязни вызвать гнев и возмущение всей Болгарии.

Когда советские войска в сентябре 1944 года вошли в Болгарию, перед глазами воинов в граните и бронзе предстали картины почти вековой давности. Впечатляли названия улиц и площадей: Русский бульвар, улицы Скобелева, Гурко. Лики русских царей и полководцев, о которых многие и понятия-то не имели, выглядели мужественными и свидетельствовали о том, что жертвы, понесенные русским народом в прошлом веке за свободу Болгарии, были не напрасными.

Рядом с памятником русским воинам на болгарской земле появились памятники ратной славы, воздвигнутые в честь воинов Советской Армии. Незримая связь времен была продолжена. Дух братства оказался неистребим.

ВОЙНА ВЫИГРАНА — КТО ПОБЕДИТЕЛЬ?

В начале апреля главнокомандующий великий князь пригласил Скобелева отправиться в составе его свиты с визитом к султану. Из бесед со многими дипломатами, спешившими познакомиться со Скобелевым, ему стало ясно, что за многочисленными недомолвками и лстивыми улыбками скрывается стремление представить дело таким образом, чтобы у «госпожи Европы» на период с 12 апреля 1877 года по сей день случился провал в памяти. Никакой, мол, войны не было, не было ни сражений, ни убитых, ни раненых, а раз ничего не было, то пусть все остается на своих местах.

Султан оказал русской делегации самый любезный прием. Но за этой любезностью явно просматривалось желание умалять значение победы России. Произошла просто небольшая ссора, которая теперь позади. Даже такой тугодум, как Николай Николаевич, понял, что готовится заговор. Нетрудно сообра-

зять, что Турция, вконец ослабленная войной, в игре Англии, Австро-Венгрии, Германии становилась всего лишь незащищенной пешкой. Добиться за спиной России от поверженного исламского колосса подписания угодных этим державам соглашений не составляло особого труда.

Скобелев после возвращения из поездки был немало удивлен и обрадован. Царь утвердил его назначение на должность командира 4-го корпуса. Справедливость восторжествовала, правда с опозданием. Уже тогда многие не сомневались: будь Скобелев в самом начале войны на этой должности, возможно, русская армия избежала бы многих тягостных неудач.

Штаб корпуса находился в селении св. Георгия, а сам корпус располагался в окрестностях города, в лагерях. Первый день командования — смотр устройства лагерей. Война кончилась, а следовательно, должны кончиться и муки солдатские. Но где там! Без трудностей, создаваемых бездушным отношением к солдатам, видно, никак нельзя. Начальники дивизий, командиры полков, за исключением 16-й дивизии, по-прежнему были далеки от заботы о солдате и проводили большую часть времени в кутежах. Жизнь соединений шла самотеком. Каких-либо занятий с войсками не проводилось. Тиф, словно тысячерукий жнец, косил солдатские жизни. Не хватало врачей, госпиталей.

«Неугомонный генерал» скакал из лазарета в лазарет, поднимал на ноги весь медицинский персонал, драл три шкуры с начальников, не проявлявших заботу о солдате. В результате — «один скобелевский отряд не давал ничего госпиталям...»

Скобелев дал почувствовать, что и в мирной жизни для него мелочей не существует. Любители расписать пулю и составить партию в винт были необычайно огорчены, когда Скобелев отдал распоряжение: «Игры в карты прекратить!» Самого генерала никто за карточным столом не видывал. Суровую руку командира почувствовали и почитатели Бахуса. Радость окончания войны была безмерной. Победу обмывали истинно по-русски. Иные отцы-командиры по целым дням не выходили из палатки, а когда покидали застолье по малой нужде, то красоты природы и все окружающее казались в радужном калейдоскопе. На недоуменный вопрос одного из кутил: «Так чем же заняться?!» — Скобелев ответил как отрезал: «Боевой учебой!»

Подтянул-таки господ офицеров «белый генерал», заставил интересоваться нуждами солдат. Глядишь, и дисциплины в корпусе стало больше, да и больных заметно поубавилось. По всей округе партии, снаряженные Скобелевым, собирали продовольствие, белье. В Одессу был отправлен пароход за обмундированием, к казенным деньгам Скобелев присовокупил и свои.

...Послевоенное устройство Болгарии шло по строго наметенному плану. Войска продвигались в глубь страны, а в тылу проходило формирование местной болгарской администрации. Представительство русских в ней было минимальным, но они, как правило, занимали руководящие посты. Параллельно шло создание новых болгарских дружин — основы будущих вооруженных сил молодого государства. Шаг за шагом Болгария продвигалась по пути национальной самостоятельности.

Но если вопросы обновления жизни Придунайской Болгарии решались успешно, то внутреннее устройство забалканской территории рисовалось неясно.

...Столица Турции жила сложной жизнью. Русские войска, стоявшие в десятке километров от Стамбула, могли круто ее изменить. С холмов, на которых располагались позиции, хорошо просматривались золоченые месяцы минаретов мечети Айя-София, лес мачт в бухте Золотой Рог, серебристая гладь Босфора, на которой, лениво попыхивая трубами, стояли английские военные суда, прикрывая вход в город.

«Найдись какие-нибудь пять с лишним часов времени у Скобелева, этих пугал и следа не было бы», — отмечал В. В. Яшеров. Но даже такого мизерного отрезка времени Скобелеву не дали, как не дали его войскам возможности пройти церемониальным маршем по улицам Стамбула. И все же Скобелев в город попал. Странно было видеть генерала в штатской одежде, но приказ требовалось выполнять — русским офицерам запрещалось посещать столицу Турции в военной форме. Он поселился в английской гостинице, и вскоре его комната превратилась в дискуссионный клуб. Кто в ней только не перебивал! И турецкие военачальники и сановники, и заправилы греческой диаспоры, и английские дипломаты. Интерес к Скобелеву был огромен. Генерал был изысканно вежлив и предупредителен, умел поддерживать светскую болтовню, дипломатично обходил острые вопросы. Скобелев отчетливо сознавал, что русские политики оказались в крайне запутанной ситуации. Лондонский кабинет консерваторов не скрывал антирусских взглядов и пытался навязать их другим государствам. Скобелев предрек падение этому кабинету (что в скором времени и произошло). Правительство Порты металось между двух огней и пыталось сохранить хорошую мину при плохой игре. Удавалось это, конечно, с трудом. Но и русские дипломаты оказались не на высоте. Скобелев сожалел, что присутствие в Адрианополе действующей армии и возможность в любой момент занять столицу Турции слишком мало принимаются в расчет русской дипломатией.

Это отношение Скобелева было очевидным даже для солдат, которые говорили: «Он, как кот округ мышеловки, у этого са-

мого Константинополя ходит. То лапкой его пощупает, то так потрется».

Тотлебен, назначенный главнокомандующим русской армией, боялся одного. «Проснусь, — говорил он, — и узнаю, что Скобелев залез в Константинополь вместе со своим отрядом».

Это, как говорится, то, что могло бы случиться. А вот что произошло на самом деле.

Уходили в прошлое события русско-турецкой войны. Вот уже несколько месяцев как замолчали пушки. Военные обсуждали правильность или неправильность принятых решений. Им проще: они сделали свое дело. Но до подведения политических итогов было еще очень далеко. Усилиями дипломатов Англии, Австро-Венгрии, Германии и Турции плелась антирусская паутина заговоров, направленных на перечеркивание Сан-Стефанского мира. Английская печать считала Сан-Стефано «насмешкой над европейскими правилами и интересами». «Сан-Стефано отдает Малую Азию абсолютно на милость России», — негодовал посол Англии в Константинополе Лайярд. Австрийские газеты называли этот договор «неслыханным по своей чрезмерности». В таких условиях русское правительство дало вынужденное согласие на участие в созванном по инициативе Бисмарка Берлинском конгрессе. Называвший себя «честным маклером», канцлер немало преуспел в своей деятельности по ведению переговоров таким образом, чтобы они свели на нет все завоевания России в выигранной войне и закончились бы частичным разделом Турции.

В течение месяца канцлер А. М. Горчаков в одиночестве, в буквальном смысле слова, сражался за столом переговоров, но без успеха. По подписанному 1 июля 1878 года трактату Россия, кровью тысяч воинов завоевавшая победу, на сей раз потерпела хотя и бескровное, но серьезное дипломатическое поражение.

В. В. Яшеров вспоминал об этих днях: «Жаль, что не было из этой горницы (где располагался штаб Скобелева. — Б. К.) связи с залой, где заседал Берлинский конгресс, и Россия не знала, о чем прямо судил и рядил ее герой, работа мысли которого едва ли была не ценнее его храбрости».

Решением Берлинского конгресса срок пребывания русских войск на территории Болгарии ограничивался девятью месяцами.

Что же касается Англии и Австро-Венгрии, то эти две державы потом, пролитым за столом переговоров главами своих делегаций Б. Биконсфилдом и Д. Андраши (в Берлине стояло жаркое лето), «завоевали»: первая — остров Кипр, вторая — Боснию и Герцеговину. И только условия Сан-Стефанского

мирного договора о признании независимости Сербии, Черногории и Румынии не претерпели в Берлине изменений.

Берлинский конгресс поставил точку в русско-турецкой войне. Но, как показали дальнейшие события, точка получилась расплывчатой. Восточный вопрос еще долго продолжал оставаться в центре внимания европейских народов.

Русско-турецкая война закончилась убедительной победой России. Война была выиграна благодаря беспримерному героизму русских воинов и сражавшихся с ними в едином строю болгарских ополченцев, румынских, сербских и черногорских солдат. Около двухсот тысяч русских солдат отдали свои жизни за свободу Болгарии.

Война с наглядной очевидностью продемонстрировала, на кого могли положиться славянские народы в своем стремлении к независимости. То, что происходило в Болгарии, россиянам могло присниться лишь в сказочном сне. Набирали силу органы самоуправления, всенародно избранный парламент устанавливал незыблемые законы, глава государства был ограничен в принятии единоличных решений. А самым веским аргументом демократического устройства стала конституция*.

Одним из главных вопросов, вставшим перед болгарским народом после войны, был вопрос организации армии, которая сумела бы защитить завоеванную в трудной борьбе независимость. Молодому государству Россия оказала бескорыстную помощь, и в этом деле Скобелев сыграл свою роль.

Как всегда, генерал не мог сидеть без дела. «Казалось, он собирается быть турецким министром, — писал Вас. И. Немирович-Данченко, — до того точны и обстоятельны были его сведения».

О министерском портфеле Скобелев тогда еще не задумывался, а вот выполнять миссию, сходную с высоким административным постом, пришлось.

По договору в северной Болгарии официально вводилась всеобщая воинская повинность и создавалось земское войско в составе двадцати семи пехотных дружин, четырех сотен кавалерии, шести полевых батарей, одной роты осадной артиллерии, двух саперных рот. В нем изъявили желание остаться служить добровольно триста сорок четыре русских офицера и две тысячи семьсот солдат.

В Восточной Румелии (южной Болгарии), остававшейся турецкой провинцией, запрещалось иметь регулярное войско. Таким образом, южные болгары оказывались как бы отрезанными от своих северных соотечественников. Однако осво-

---

* Была принята 14 апреля 1879 года.

божденный народ уже успел вдохнуть полной грудью воздух свободы.

Любой шаг русского правительства по оказанию вооруженной помощи южной Болгарии могли расценить как вмешательство во внутренние дела Турции и потому приходилось полагаться на частную инициативу русских военачальников. «Вы там совсем растерялись в Петербурге, — писал Скобелев Немировичу-Данченко, — до того запутались, что и разобраться не можете, а мы тут не теряем времени и замазываем бреши, пробитые Берлинским конгрессом. Если мы и оставляем Болгарию расчлененной, то зато оставляем в болгарях такое глубокое сознание своего родства... что все эти господа скоро почувствуют, сколь их усилия были недостаточны. А вдобавок к тому оставим мы... еще тысяч тридцать хорошо обученных войск. Эти к оружию привычны и научат при случае остальных».

Турки оставили после себя незавидное наследство и перед всем миром пытались доказать, что болгарский народ глуп и ленив, оправдывая тем самым применение плетки и батога на протяжении пяти веков. Но турки ушли, а болгарам попросту было не по силам в одночасье воспрянуть духом.

«От забитости и бесправия — к самостоятельности и самозащите» — такой девиз выдвинул Скобелев и предложил идею создания военизированных гимнастических обществ. Назвать их военными поселениями, по аналогии с некогда существовавшими в России, Скобелев не решился. К тому же для него не являлось секретом, что за его деятельностью пристально наблюдают как из Стамбула, так и из Лондона. Поимка шпионов и доносчиков стала делом обычным. Приходилось выкручиваться и облачать свои мысли в завуалированную форму. А вот в кругу близких Скобелев был более чем откровенен. Он не раз говорил: «Мой символ краток: любовь к Отечеству, наука и славянство. На этих китах мы построим такую политическую силу, что нам не будут страшны ни враги, ни друзья! И нечего думать о брюхе, ради этих великих целей принесем все жертвы».

Конечно, никаких громких побед, а тем более лавров нынешнее поле деятельности Скобелеву не сулило. Да и были ли они столь необходимы «белому генералу»? Кропотливый, нелегкий труд Скобелев обратил не только на пользу болгар, но и убедил бесчисленное множество людей, что это — и кровное русское дело. В подготовку болгар к самозащите Скобелев вложил, без преувеличения можно сказать, всю свою душу.

Был создан «Устав гимнастического дружества», цель которого определялась так: «Развитие и усовершенствование физических и нравственных сил человека и подготовка учителей гимнастики и стрельбы для дружеств и школ». Суть положений

Устава показала абсолютно безопасной официальному Стамбулу (к слову сказать, в тот период Турция не в состоянии была двинуть к Балканам ни одного табора). Ободренные и голодные остатки некогда многочисленных армий бродили по долине, нападая на жилища и грабя мирных жителей. Румелийское войско, которым предводительствовал ненавистный болгарам Виталис, ставленник Турции, не в состоянии было обеспечить в крае порядок.

А вот как отзывался о гимнастических обществах, словно по электрической цепочке создававшихся в селах одно за другим, Скобелев: «Несомненная настоящая сила страны — гимнастические дружества, от сближения с которыми правительства и будет зависеть установление порядка». Как истинный патриот Скобелев признавал в себе способность и мощь вдохновить целый народ — и вдохновил его. Он предполагал, что в результате этой деятельности появится восемьдесят тысяч вооруженных людей.

По донесению турецкого агента, «в один прекрасный день» все население южной Болгарии обзавелось ружьями с патронами. Поговаривали, что они куплены у русского правительства. Дипломаты, наезжавшие в болгарские села, пытались доказать, что ружья эти не заслужили хорошей репутации. На это они получали ответ: «Но ведь русские с ними дошли до Константинополя».

Осталось неизвестным, по каким признакам судил агент о дне, когда болгарские села, деревни стали на глазах превращаться в укрепленные лагеря, где дено и ночно несли стражу караулы, где шла напряженная боевая учеба, в которой никому не делалось послабления. Тем не менее этот час «Х» стал реальностью. И заслуга здесь «белого генерала» несомненна.

Русским офицерам, занимавшимся подготовкой дружин, Скобелев объяснял, что необходимо соединить жителей селений в отдельные сотни для успешного обучения и что главное внимание при этом должно обращаться на правила строя и прицельную стрельбу.

Слова Скобелева: «Если нужно, отдайте жен, детей, именье, но берегите ружья», — стали всеобщим девизом. Селяне содержали оружие в идеальном порядке, которому могли позавидовать отдельные кадровые части. Случаи, когда кто-нибудь отказывался от занятий, длившихся по два часа утром и вечером, были редки. Даже привилегированное купечество, страшась чувствительных наказаний, установленных начальниками из болгар, не грешило пропусками занятий.

Один раз в неделю дружина сводилась воедино для совместных учений. Особенно были усердны болгары в окопных уче-

ниях. Раскрывшаяся в них природная сметка превратила селения в неприступные крепости.

В дни, когда шли занятия, села пустели, их покидали даже женщины, шедшие любоваться рыцарством мужчин. Осталось описание одного из учений: «Он (Скобелев. — Б. К.) сажал своих солдат за валы в траншеи и редуты и по несколько дней производил с болгарами маневры, приучал их брать такие укрепления, потом он сажал туда болгар и, командуя ими, приказывал русским солдатам нападать, а сам с болгарами отбивался от них».

30 августа 1878 года Скобелев был произведен в генерал-адъютанты. Радостное известие было омрачено случаем, который впоследствии привел к событиям загадочным и трагическим.

Из шпаги с надписью «За храбрость», которой был награжден Скобелев, оказались вынуты пять самых крупных бриллиантов. Генерал вспылил. Он мог простить все, даже трусость, но подлость и воровство расценивались им как самые нижайшие человеческие качества. К ним он был непримирим. Штаб генерала отличался честностью. Но и в такой дружной семье не обошлось без уroda. Вором оказался его ординарец Николай Узатис. Пожалев молодого поручика и надеясь на его исправление, Скобелев в тот же день отчислил его в полк. Мог ли предположить тогда Скобелев, что через несколько лет от руки Узатиса падет на болгарской земле его мать Ольга Николаевна? И вновь деньги станут едва ли не главным поводом для убийства.

...Истек срок пребывания русских войск на территории Болгарии, установленный Берлинским договором. Русское командование приступило к подготовке эвакуации армии. Было и радостно, и тревожно. Впереди — встреча с Родиной. Покидать же Болгарию, которая за полтора года стала близкой и понятной русскому сердцу, народ, с которым пройдены сотни кровавых верст войны, было тягостно. Основную массу войск было решено перевезти морем, но для этого требовалось согласие Турции на пропуск русских судов в Босфор. Однако и здесь в дело вмешались англичане, предпринявшие нажим на султана, с тем чтобы не допустить входа хотя и малочисленной русской эскадры в пролив. «Я боюсь равно России и Англии, — говорил султан Абдул-Гамид великому князю Николаю Николаевичу, — воевать более не в силах». Э. И. Тотлебен, назначенный главнокомандующим русской армией вместо великого князя, ознакомившись с обстановкой, убедился в ее сложности и отдал распоряжение о начале вывода войск с территории Болгарии. Дело это оказалось достаточно трудным: только

морские перевозки заняли почти год. На родной земле торжественно встречали войска, возвратившиеся с Балкан.

*На них — цветы и папиросы
Летят из окон всех домов.
Да, дело трудное их — свято!
Смотри: у каждого солдата
На штык надет букет цветов!
У батальонных командиров —
Цветы на седлах, чепраках,
В петлицах выцветших мундиров,
На конских челках и в руках...*

(А. Блок)

Вместе со всеми русскими войсками возвратился в Россию и корпус, которым командовал Скобелев. Дивизии его расположились в нескольких белорусских городах, а штаб — в Минске. Скобелев не собирался жить на проценты от своей славы и поэтому с первых послевоенных дней приступил к обобщению опыта войны и совершенствованию выучки войск.

Признанием заслуг Скобелева стало его избрание почетным гражданином города.

В Минске Скобелев отдал приказ, немало шокировавший родственников и вызвавший злоязычную реакцию в верхах. Все свое жалованье корпусного командира он повелел «отчислить в особую запасную сумму, которая будет расходоваться нуждающимся чинам корпуса... чтобы просящим пособие никогда отказа не было». Он легко расставался с деньгами, если они облегчали чью-то участь. Вот пример. Увидев плачущего солдата, теребившего в руках лист бумаги, спросил:

— Что ревешь?.. Срам!..

Солдат вытянулся во фрунт.

— Ну, чего ты? Что случилось такое?

Солдат мнетя.

— Говори, не бойся.

Это было письмо из дому... Нужда в семье, корова пала, недоимки одолели, неурожай, голод...

— Так бы и говорил, а не плакал. Ты грамотный?

— Точно так-с...

— Вот тебе пятьдесят рублей, пошли сегодня же домой. Да квитанцию принести ко мне...

Со всех концов России шли к Скобелеву просьбы о помощи, и ни одна из них не оставалась без внимания. Но не проходило дня, чтобы его тревожная память не возвращалась к войне, к Сан-Стефано и, конечно, к Берлинскому конгрессу. Скобелев разделял мнение русской общественности, которая без труда распознала сущность политики Германии — вырвать Балканы из зоны влияния России. Скобелев с пристальным

вниманием следил, как щупальца немецкого спрута все более и более проникают туда, где еще недавно блестел штык русского солдата. Возмущению «белого генерала» не было предела.

Примечателен по этому поводу разговор между Ольгой Николаевной и ординарцем Скобелева Дукмасовым.

Дукмасов: А правда ли, Ольга Николаевна, что Михаил Дмитриевич еще ребенком терпеть не мог немцев?

Ольга Николаевна: Да, это правда. Немцев он действительно не любил...

Антинемецкие настроения Скобелева не мог не учитывать Александр II. В его правление немцы занимали видные места в государственном аппарате и особенно в армии. И потому совсем неожиданными для Александра II оказались сведения о подготовке Германией войны на два фронта, одним из которых была, без сомнения, Россия. Так родственные узы царствующего дома уже в то время стал точить червь разногласий. Зная о настоятельных требованиях Скобелева изучать противника не тогда, когда загремят пушки и польется кровь, а сейчас, царь предложил ему поездку в Германию, чтобы ознакомиться с состоянием ее вооруженных сил.

Но Скобелев, прежде чем отправиться в Берлин, зашел в книжный магазин М. О. Вольфа и унес с собой большую стопку книг. Его интересовали взгляды на войну и военное искусство немецких военных теоретиков Мольтке и Шлиффена. То, что первый из них проповедовал теорию вечности войн и относил очередное столкновение между государствами к «божественному явлению», для Скобелева секрета не составляло. Известны ему были и такие «открытия» Мольтке: «Перед тактической победой смолкают требования стратегии и она вновь приспосабливается к вновь создавшемуся положению вещей». Но все это не шло ни в какое сравнение с выводом, что «элементы, угрожающие миру, заключены в самих народах...» Вот реальная основа для развязывания любой войны, а уж какой ей быть, Скобелев нашел у Шлиффена. В его творениях часто встречались слова: «молниеносная победа», «сокрушительный удар»...

Труды военных теоретиков были первыми ласточками в милитаризации Германии. Ежегодные осенние маневры на практике утверждали принципы ведения молниеносной войны. Скобелеву удалось попасть на эту демонстрацию бряцания оружием. Он воочию убедился, насколько быстро немцы внедрили приемы боевых действий, зародившихся на Балканах. Агрессивная направленность приготовлений не вызывала сомнений. Об этом Скобелев поведал французской издательнице Ж. Адам: «...Я был очарован и испуган не столько военной силой Прус-

сии... сколько настойчивостью и систематичностью, с которой там готовятся к вероятной войне с нами...»

С первых шагов на немецкой земле Скобелев ощутил не только неприязнь к себе, но и пренебрежительное отношение к России. Без сомнения, кайзеру Вильгельму было известно мнение Скобелева о послевоенном разделе Балкан. Без особой щепетильности кайзер сказал ему: «Вы проэкзаменовали меня до моих внутренностей. Вы видели два корпуса, но скажите Его Величеству, что все пятнадцать сумеют в случае надобности исполнить свой долг так же хорошо, как и эти два». Еще более фамильярно держался со Скобелевым принц Фридрих Карл: «Любезный друг, делайте что хотите, Австрия должна занять Салоники».

Скобелев с быстротой корреспондента изложил на бумаге все увиденное. Получился внушительный по объему отчет о состоянии военной промышленности Германии, об образцах вооружения, которые испытывались на полигонах и маневрах, о немецких военачальниках, до мозга костей преданных кайзеру, об уставах, в которых зафиксированы новейшие достижения в стратегии и тактике. Вывод, сделанный Скобелевым, был таков: быть России битой, если срочно не принять радикальных мер. Завершая отчет, Скобелев предлагал: дать возможность оружейным умельцам потрудиться на ниве изобретательства совершенно новой винтовки и оснастить ею всю армию, создать артиллерийское вооружение и боеприпасы в соответствии с боевыми задачами, сформировать крупные кавалерийские части. Отчет лег на стол великого князя Николая Николаевича, опекавшего военное министерство. А вот дошли ли у него руки до творения Скобелева, осталось под вопросом. Тщетно добивался «белый генерал» услышать что-либо из сиятельных уст. Они безмолвствовали, а вскоре о предложениях Скобелева и вовсе забыли.

И все-таки без Скобелева официальный Петербург обойтись не мог. Никто не знал Среднюю Азию лучше него и никто иной не мог разрубить гордиев узел неудач русских войск, прочно завязанный на берегах Каспия.

ПОСЛЕДНЯЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

Занятие побережья Красноводского залива и установление протектората над Хивой и Бухарой привели к усилению влияния России на значительной территории Туркестана. С этим Англия не хотела мириться и стремилась всеми способами помешать его распространению на остальную территорию. В одном из своих писем Скобелев писал: «Близкое будущее докажет нам, я полагаю, что Англия предпримет в этом направлении

(завоевание господства в Туркестане. — Б. К.) ряд попыток и усилий, носящих вначале исключительно промышленный и торговый характер, но которые разовьются впоследствии в могущественную, угрожающую нашим границам наступательную силу». Предыстория событий на восточном берегу Каспия такова. В ноябре 1878 года Англия начала военные действия против Афганистана. Россия, хотя и сохраняла нейтралитет в этой войне, воспользовалась ею для организации из Красноводска военной экспедиции в Ахал-Текинский оазис*.

Еще задолго до этой экспедиции большинство туркмен добровольно приняли русское подданство. Однако самое большое из туркменских племен — текинцы, руководимые верхушкой, получавшей военную помощь от Англии, оказало вооруженное сопротивление России. Феодалам удалось повести за собой подвластное им население.

На протяжении целых столетий даже хорошо оснащенные персидские войска никогда не осмеливались вступить в серьезную войну с текинцами, и можно понять радость пограничных правителей, когда в столкновении с какой-нибудь шайкой удавалось захватить нескольких пленных и доставить их в Тегеран.

В 1879 году трехтысячный отряд генерала Ломакина подошел к стенам крепости Геок-Тепе и начал ее штурм, но, понеся большие потери, был вынужден отступить. Известие о неудаче русских войск было встречено в Лондоне с восторгом. Английские власти в Индии и Афганистане получили депеши об усилении антирусской деятельности в Туркестане.

Поражение русских войск под Геок-Тепе могло иметь серьезные последствия, и поэтому, выступая на Государственном совете, Д. А. Милютин сказал, что без занятия этой позиции Кавказ и Туркестан будут разъединены, ибо остающийся между ними промежуток уже и теперь является театром английских военных происков, в будущем же может дать доступ английскому влиянию непосредственно к берегам Каспийского моря. Организацию новой экспедиции поручили Скобелеву.

Скобелев получил телеграмму с приказанием сдать корпус и на всем пути в Петербург пребывал в недоумении. Развешал его государь Александр II. Беседа шла с глазу на глаз, но содержание ее стало известно. Речь шла о задаче особой важности, где таланты военачальника должны сочетаться с мудростью политика. Скобелеву предстояло действовать самостоятельно, в отрыве от основных баз, и это вдвойне усиливало ответственность. Государь был осторожен и назвал срок завершения экспедиции — четыре года. Из уст царя Скобелев узнал, что казна,

---

* Ахал-Текинский (Туркмения), впоследствии — Ахалтекинский.

подсчитав расходы, выделила сорок миллионов рублей. Ему даровалось право единолично решать, куда и на что тратить деньги. Завершая беседу, государь взял Скобелева под руку и стал прохаживаться с ним по залу, говоря, что на генерала отныне обращены взоры всей России, советовал не спешить. Когда прощался, спросил:

— Есть ли какие просьбы?

На это Скобелев ответил:

— Прошу, Ваше Величество, об одном, чтобы в отряде моем не было корреспондентов.

Просьба Александру II показалась странной, он развел руками:

— Ну что ж, пусть будет так.

Скобелев пришел с приема в свою петербургскую квартиру на Моховой и сразу же сел изучать имеющиеся сведения о предыдущей экспедиции. На следующий день его квартира превратилась в штаб. Выясняли причины неудачи, делали выводы, и в скором времени стало ясно, что и в Туркестане заведомо пренебрежительное отношение к противнику и упование на его слабость привели к столь плачевному результату. Характерной чертой Скобелева была доскональная подготовка к самому малому делу, и не потому, что он пытался усложнить простое, а потому, что чувство ответственности у него никогда не уступало места расчету на авось, неоднократно апробированному многими генералами, в том числе и его предшественником генералом Ломакиным.

«В нем все было наизнанку, наоборот бюрократической мертвенности, — вспоминал современник. — Он не мог слышать формализма без дела, без разума, без нужды... Вы могли у него спать и ничего не делать сколько угодно — лишь бы дело у вас от этого сна и бездействия на страдало». Ознакомившись подробно с материалами, Скобелев пришел к выводу, что неудача экспедиции кроется в слабом материальном оснащении и в отсутствии должного снабжения. Представленный Скобелевым расчет был всеобъемлющ, а подбор помощников говорил о том, что он умеет ориентироваться в массе военных и знает истинную цену каждому.

Так, на должность начальника штаба он выбрал полковника Н. И. Гродекова, обладавшего замечательным трудолюбием, высокой штабной культурой и обширными знаниями географии, этнографии, истории Туркестана, жизни и быта ее народов, участника многих экспедиций и автора целого ряда научных трудов.

Войскам предстояло преодолеть Каспий. Россия какого-либо флота на море не имела. Скобелеву пришлось основательно поразмыслить, прежде чем в памяти высветилось имя человека,

которому он мог доверить морскую часть экспедиции. Он вспомнил коварный Дунай, переправу русских войск.

Тогда, в июне, о морях, сражавшихся на Дунае, ходили легенды, и довольно часто называли героя по фамилии Макаров. К слову сказать, покидал Болгарию Скобелев на судне, как ему показалось, непонятного типа, каковым оказался пассажирский пароход «Великий князь Константин», оборудованный для ведения боевых действий на море. Ему понравились распорядительность и энергия капитана с Георгиевским крестом в петлице кителя. Капитан представился: «Макаров».

И вот теперь, когда решался вопрос о том, кому поручить такой сложный участок, как осуществление морских перевозок, Скобелев решил предложить С. О. Макарову пост начальника морской части экспедиции. Будущий выдающийся флотоводец не колеблясь дал согласие.

От Красноводска отряду Скобелева предстояло преодолеть около пятисот верст по сыпучим пустынным пескам до Ашхабада. Дорог не существовало. И тогда Скобелев выдвинул идею строительства железной дороги, за которую с жадностью ухватились подрядчики, но, узнав о том, что контроль за отпущенными средствами будет осуществлять сам Скобелев, с поразительной быстротой отказались. Скобелев из прошлого опыта знал, что привлечение дельцов не ускорит пуск дороги, а наоборот, жажда наживы создаст дополнительные трудности в ее строительстве, и потому решил действовать самостоятельно.

«С прибытием Скобелева в Закаспийский край, — вспоминал участник экспедиции Чанцев, — все закипело иной жизнью, все пришло в движение, на всем стала видна мысль, цель, сознательная работа. Генерал вставал в 4 часа утра, являлся со своими адъютантами на кухни, когда ротные котлы только что начинали ставить на огонь, проверял сам мясо, крупу, пробовал хлеб, ночью неожиданно являлся в госпиталь, осматривал сторожевую службу».

В самом начале экспедиции Скобелев провозгласил: «Верблюды, верблюды и еще раз верблюды». Да, без этих «кораблей пустыни» невозможно было рассчитывать на успех в походе. Посланные во все концы отряды добыли необходимое количество животных. В семитысячном отряде к началу похода насчитывалось около шести тысяч верблюдов. По распоряжению Скобелева на пути до крепости Геок-Тепе создавались промежуточные укрепления и склады. Солдаты железнодорожного батальона и вольнонаемные рабочие строили полотно невиданными для того времени темпами — одна с четвертью верста в день; прокладывались телеграфные линии. Вместе с русскими войсками в пустыню шла цивилизация.

В степной дикости красиво и быстро, яркими звездочками мигали гелиографические зеркала, непрерывно передавая азбукой Морзе предписания и сообщения о ходе дел и донесения Скобелева в Россию.

Тщательная подготовка и обеспечение регулярного подвоза продовольствия и боеприпасов позволили отряду Скобелева к январю 1881 года приблизиться к Геок-Тепе. На все его предложения о прекращении войны текинцы отвечали отказом. Неприятель нападал на караваны, нарушал связь, совершал вылазки. 11 января Скобелев отдал распоряжение на штурм и утром 12-го возглавил его. Текинцы сражались с фанатичным упорством. Несмотря на их огромное количественное преимущество (за стенами крепости укрылось около двадцати шести тысяч человек, по другим сведениям — сорок пять тысяч человек), регулярные войска, обладавшие значительным военно-техническим превосходством, овладели крепостью.

К удивлению ожидавших расправы туркмен, грозный начальник приказал русским солдатам собрать раненых, и русские врачи приступили к их перевязке и лечению. Но особенно поразило текинцев объявление о передаче городу продовольствия.

Как всякий русский человек, Скобелев исключал мысль о человеконенавистничестве.

— Из рабов мы стараемся сделать людей, — говорил генерал. — Это поважнее всех наших побед.

В телеграмме, направленной Александром II, главнокомандующему Кавказской армией великому князю Михаилу Николаевичу от 14 января 1881 года говорилось: «Благодарю Бога за дарованную нам полную победу. Ты поймешь Мою радость. Спасибо за все твои распоряжения, увенчавшие столь важным для нас результатом. Передай Мое сердечное спасибо всем нашим молодцам: они вполне оправдали Мои надежды. Генерал-адъютанта Скобелева произвожу в полные генералы и дал Георгия II степени. Прикажи поспешить представлением к наградам».

14 января 1881 года указом императора Скобелев был произведен в чин генерала от инфантерии и награжден орденом св. Георгия II степени.

К весне 1881 года текинцы прекратили всякое сопротивление. Следом за Геок-Тепе пали Денгиль-Тепе и Ашхабад, который тогда представлял собой бедный аул с двумя тысячами жителей. Скобелев выполнил возложенную на него задачу с огромной пользой для России. На экспедицию понадобилось девять месяцев, тринадцать миллионов рублей, и обошлась она сравнительно небольшими потерями — четыреста человек. По рельсам Закаспийской железной дороги мчались доставленные

флотилией С. О. Макарова железные кони, вызывая любопытство у туркмен и злобу у англичан. Присоединением Ахал-Текинского оазиса Россия прочно утвердилась в Туркестане и окончательно лишила Англию надежд на выход к водам Каспия.

В конце мая 1881 года Скобелев прибыл в Петербург. Столица жила под впечатлением недавних событий — покушения на императора и его смерти от руки народовольцев. Официальные сообщения о трагедии дополнили подробные рассказы родственников. Но, слушая их, Скобелев невольно ловил себя на мысли, что вместе с уходом из жизни Александра II внезапно оборвалось взаимопонимание в верхах, которое он, можно сказать, завоевал. По сложившемуся мнению, Александр II все же любил Скобелева, хотя иногда прилюдно и распекал как мальчишку. Предположительно и то, что царь ненавязчиво опекал «белого генерала» в той обстановке кривотолков, породивших почти полнейшее отсутствие в прессе вестей о ходе экспедиции. Мучительный вопрос: как сложатся отношения с сыном покойного императора? — долго не покидал Скобелева.

...Барон Н. Врангель вспоминал, что Скобелев Александра III «презирал и ненавидел». Так ли это? И если так, то где источник этой ненависти? Может быть, неприязнь возникла на Балканской войне, когда до наследника доходили весьма нелестные отзывы Скобелева о его военном даровании?

— А какова у вас, генерал, была дисциплина в отряде? — спросил Александр III Скобелева, вместо того чтобы узнать подробности экспедиции.

Кому же, как не царю, было знать о дисциплине и демократичности Скобелева? Князь Долгоруков произнес фразу, подлившую масла в огонь неприязни:

— Это было словно возвращение Бонапарта из Египта.

Чувствуя холодное отношение к себе официального Петербурга, Скобелев спрашивает отпуск и уезжает в Спасское.

...Его память возвращалась к началу 1880 года. Внезапная болезнь и не менее внезапная смерть Дмитрия Ивановича повергла семью Скобелевых в глубокое горе. Отец завещал похоронить его в Спасском. Завещание было в точности выполнено, а по Петербургу прошел слух, что умер он не своей смертью. Явных врагов Дмитрий Иванович не имел, груз недугов, способных в одночасье свести в могилу, был невелик. И лишь не многим пришла в голову мысль, что удар сей направлялся против Скобелева-сына, деятельно готовившего Ахал-Текинскую экспедицию. Но догадка эта так и не превратилась в подлинный факт. Телеграмма о смерти отца надолго выбила Скобелева из колеи. Может быть, на этом и строился расчет...

Мог ли предположить тогда Михаил Дмитриевич, что не-

сколько месяцев спустя он лишится и матери при обстоятельствах, породивших в России новую волну слухов?

Во время русско-турецкой войны Ольга Николаевна одной из первых включилась в деятельность по созданию санитарных отрядов. Ее стараниями в Болгарии была создана сеть приютов, больниц, где размещались сироты, вдовы, калеки. Совсем не случайно Российское общество Красного Креста делегировало ее в качестве начальницы лазаретов, а некоторое время спустя она возглавила Болгарский отдел общества Красного Креста. За чрезвычайно короткий срок ей удалось, зачастую вкладывая свои собственные средства, наладить трудное, хлопотное, но столь необходимое дело. Авторитет ее рос. Ежегодно Ольга Николаевна совершала поездки в Болгарию и, как правило, навещала основанный ею в Филиппополе приют на двести пятьдесят детей, родители которых были вырезаны башибузуками.

И если с именами мужа и сына связывали героические дела и военные успехи, то ее имя олицетворяло извечную доброту и сострадание русских женщин.

В одной из столичных газет сообщалось: «Когда она была в Софии, болгары сделали ей оvation, какая едва ли где-нибудь выпадала на долю женщины. Г-жа Скобелева зашла в парламент в сопровождении г. Кумани — дипломатического агента. Президент палаты депутатов г. Икономов обратился к ней с приветственной речью, которую депутаты встретили стоя и аплодисментами. Г-жа Скобелева сказала несколько слов».

Сын этой поездки не приветствовал: «Матушка поехала в Болгарию. Я ей, впрочем, послал на днях телеграмму, чтобы она вернулась. Чего она там лазает по парламентам — только раздражает моих врагов...»

Тем не менее Ольга Николаевна поездку не прервала. Она намеревалась основать школу и заложить церковь в память о муже.

Занимаясь благотворительными делами, она отказывалась от жандармского конвоя, говорила: «меня и без того в этой стране хорошо знают». Ее сопровождали Смолякова — директор одного из госпиталей, служанка, офицер Петров и унтер-офицер Иванов. Когда же она пересекла границу Восточной Румелии, то к ним присоединился Николай Узатис. Характеристики поручика настолько противоречивы: от «храброго и милого офицера» до «бесчестного и пошлого человека с натурой авантюриста», — что, как писалось в газетах, «какою-то психической загадкой кажется это дело. Какие соображения могли руководить преступником; вся карьера которого создана сыном зарезанной им жертвы?»

Узатис знал, что Скобелева кроме дорогих икон и церков-

ной утвари везет и большую сумму денег, по одним данным — один миллион рублей, по другим — восемь тысяч фунтов стерлингов. Очевидно, он уговорил Ольгу Николаевну ввиду сильной жары отправиться в путь вечером. В половине девятого на коляску, в которой ехали Скобелева и ее спутница, напали вооруженные грабители. Узатис убил Ольгу Николаевну ударом сабли, а нанятые им убийцы расправились с горничной и офицером, и лишь Иванову, дважды раненному, удалось ускользнуть от нападавших и добраться до Филиппополя. Спешно было организовано преследование, и отряд настиг убийц возле села Дермедере. В перестрелке подручные Узатиса были убиты, а сам он застрелился. Денег при них не оказалось.

В Спасском одной могилой стало больше. К горю семьи Скобелевых прибавилось горе всех честных людей, оскорбленных до глубины сердца в самых лучших своих чувствах. В печати появилось стихотворение поэта Г. А. Лишина, посвященное Ольге Николаевне:

*Вместе внимали давно ль в умилении,
Что отдаленный народ
Женищине русской в ее воплощении
Дивную честь воздает.*

.....
*Жертвой тебя назовут искупления.
Сына за то — всем врагам в изумление
Бог сохранил в дни войны.*

Узатис унес с собой и истинную цель убийства. Известие о гибели матери поразило Скобелева настолько, что он долгое время не мог прийти в себя. Определенно, это был какой-то рок. Его корпус медленно, но верно отвоевывал у пустыни жизненное пространство, стоял на пороге решающего столкновения с текинцами, а в спину одна за другой судьба нанесла глубочайшие раны. И предположение, что это не обычное стечение обстоятельств, высказывали в то время многие.

ПРЕТЕНДЕНТ НА ПРЕСТОЛ?

Человек, мало-мальски знакомый с обстановкой российского императорского двора после покушения на Александра II, без труда мог засвидетельствовать, что страх и испуг, словно паутиной, оплели резиденцию Александра III. В дневнике предводителя санкт-петербургского дворянства графа А. А. Бобринского есть такая запись: «Окружающие Александра III будто бы отсоветовали ему всякие конституционные меры: «Нельзя уступать силе». О, эти окружающие! О, ограниченные, несчастные, безумные люди. Осторожные люди боятся теперь только одного — нового покушения... Беспокойство это большое и общее».

На фоне мелочности и ничтожности личностей, скудных на ум, на поступки и деяния, достойные государственных деятелей, резким контрастом выделялась фигура Скобелева. И вовсе не потому, что генерал от инфантерии оставался верным своей привычке носить белую форму. Русский народ имел возможность для сравнения.

Популярности Скобелева в то время мог позавидовать любой из европейских правителей. Сложной и неординарной натурой обладал «белый генерал», и не оттого ли его постоянно окутывала дымка противоречивых суждений и характеристик?

Для родных Михаил Дмитриевич всегда оставался большим ребенком, не в меру шаловливым, мечтательным и жадно тянувшимся к новизне.

Офицеры и солдаты, знавшие Скобелева по его делам, считали генерала боевым товарищем, отцом-командиром, который ставил свою жизнь вровень с жизнями подчиненных.

Облагодетельствованные Скобелевым отставные воины в минуты застолья непременно поднимали чарку за «белого генерала».

Простолюдины, которых Скобелев вызволил из кабалы или долговой ямы, молились на его портрет, словно на икону.

Светила российской науки глубоко сожалели, что попроще точных знаний лишилось оригинально мыслящего человека.

Юноши, обдумывающие жите, находили в Скобелеве образец слуги Отечеству, героя, олицетворявшего воинское испупление.

Для людей, искренне заинтересованных в процветании России, Скобелев — надежда на осуществление глубоких преобразований, лидер, достойный русского народа.

Сочетание в характере Скобелева отваги, сердечной доброты, образованности и рыцарства не могло не породить сонм завистников и злопыхателей.

Чье же самолюбие мог больно задеть Скобелев? Генералов, обойденных ратной славой? Седовласые бойцы болезненно воспринимали умение Скобелева проторить дорогу к сердцу солдата, негодовали по поводу энергии, с которой он боролся с мертвечиной и скудоумием. «Забубенная головушка» Скобелев ошарашивал их своим честолюбием, наполеоновскими планами.

Дипломатов, с потугами рождавших лишь худосочную идею? Для них Скобелев был человеком, лишенным государственного чутья, безмерно увлеченный славянофильскими химерами.

Царедворцев, считавших пустым день, прожитый без замысловатых интриг? Скобелев был неугоден им тем, что не умел льстить. В их глазах «белый генерал» был личностью ничем-

ной, пустой, военачальником без ума и таланта, нелояльным по отношению к монарху.

Иностранцев, страшившихся непредсказуемости Скобелева, как черти ладана? Им было ясно, что займи Скобелев высокий пост в армии — и мысль о военном соперничестве с Россией можно выбросить из головы.

В глазах официального Петербурга Скобелев, обладавший завидным умением наживать себе многочисленных врагов, продолжал оставаться бельмом, избавиться от которого предпочитали старым испытанным приемом: держать на вторых ролях и подальше от столицы.

Вокруг Скобелева постоянно складывалась обстановка ненависти, зависти к человеческой личности, к блестящему, ясному и дальновидному уму, к уникальным военным дарованиям, к трудолюбию и терпению. В нем придворная камарилья видела опасного конкурента, и потому полный генерал пребывал все еще на должности командира корпуса.

Один из придворных называл Скобелева опасным сумасшедшим, который может наделать много бед, если обстоятельства будут благоприятствовать ему.

Чего же опасались при дворе?

Мартовский взрыв на Екатерининском канале лишил жизни не только правителя земли русской, но и болезненно отозвался на многих государственных начинаниях. Вместе с «Царем-Освободителем» в склепе Петропавловского собора оказалась наглухо замурованной надежда русского общества на перемены, которыми в перспективе мог стать постепенный и продуманный переход без смут и потрясений к парламентарной монархии. Но, по словам А. Ф. Кони, «...роковой день 1 марта... отодвинул это на целую четверть века... Все робкое в обществе шарахнулось в сторону реакции и на внутреннем политическом горизонте обрисовались зловещие фигуры К. П. Победоносцева и графа Д. И. Толстого». Назвав зловещей фигурой Победоносцева, видный общественный деятель наверняка знал и о других эпитетах, которые неизменно употреблялись рядом с фамилией обер-прокурора Синода: «злой гений России», «самый хитрый человек России», «лидер мракобесия» и тому подобные.

Высокопоставленный императорский сановник имел живой ум, глубокие знания в теории государства и права, в юриспруденции, в философии и других общественных науках. Колоссальная эрудиция позволила ему создать свою собственную теорию о перспективах развития России. В понятии Победоносцева, «масса населения не способна к управлению, и... она неминуемо поддается влиянию людей, умеющих воздействовать на нее своим красноречием и ловкими приемами». «Меня уп-

рекают, будто я тяну Россию вспять, — говорил также обер-прокурор, — но это неверно, а верно то, что я смотрю на Россию, как на величественное здание, построенное на прочном фундаменте, с которого разные шарлатаны пытаются его стащить, чего я допустить не желаю. Фундамент этот: православие и самодержавие. Я ничего не имею против надстроек над зданием, если они отвечают фундаменту и общей архитектуре векового здания, но фундамент должен оставаться прочным и нетронутым».

Но ведь Победоносцев не мог не знать, что взгляды Скобелева во многом не совпадают с его. К слову, дальше шапочного знакомства ни Победоносцев, ни Скобелев не пошли. А жаль. Для каждого из них благоденствие России было высшей жизненной целью. Не потому ли помышлял он о привлечении Скобелева на свою сторону, что это во многом усилило бы русскую консервативную партию?

В письме к Александру III К. П. Победоносцев писал: «Пускай Скобелев, как говорят, человек безнравственный... Скобелев, опять скажу, стал великой силой и приобрел на массу громадное нравственное влияние, то есть люди ему верят и ему следуют... Теперь время критическое для Вас лично, теперь или никогда Вы привлечете к себе и на свою сторону лучшие силы России, людей, способных не только говорить, но самое главное — способных действовать в решительные минуты... Тем драгоценнее теперь человек, который показал, что имеет волю и разум и умеет действовать: ах, этих людей так немного».

Письмо было написано незадолго до первой официальной встречи Скобелева с царем, в которой, по утверждению одного из биографов «белого генерала», должны были встретиться «два разных человека». В чем же выражалась эта разница? Если в несхожести характеров, то ничего удивительного здесь нет; если в мировоззрении, то мы не вправе, достаточно подробно представив взгляды Скобелева, обойти вниманием мировоззрение русского монарха.

Как известно, великий князь Александр, ставший после неожиданной кончины цесаревича Николая (1865 г.) наследником престола, к управлению государством не готовился. В юности Александр Александрович поражал недюжинной физической силой и стремлением слыть более русским, нежели родня. В исконно русской одежде — кафтане, шароварах, хромовых сапогах — великий князь изображен на многочисленных фотографиях и рисунках. Окладистая борода дополняла внешнее сходство с былинными богатырями, а неторопливость и рассудительность усиливали такое впечатление.

Лучшие умы России приложили немалые усилия к тому, чтобы великий князь Александр приобрел солидный запас знаний. Курс истории ему читал С. М. Соловьев, законоведения — К. П. Победоносцев, военных наук — М. И. Драгомиров, литературы и искусства — профессора Петербургского университета и Академии художеств. Частыми гостями в Аничковом дворце были лидеры славянофилов М. Н. Катков, И. С. Аксаков, братья А. Н. и Л. Н. Майковы, князь В. П. Мещерский. В длительных душевных беседах закладывалось глубокое понимание русской национальной философии, основу которой составляли беззаветное служение Отечеству и благочестие. Совсем не случайно, что первые строки манифеста о вступлении Александра III на престол звучали так: «Глас Божий повелевает Нам стать бодро на дело правления в уповании на Божественный промысел, с верой в силу и истину самодержавной власти, которую Мы призваны утверждать и охранять для блага народного»*.

По случаю коронования российского монарха И. С. Аксаков восторженно писал: «О, какой день! Какой великолепный исторический день!» — и добавлял, что это событие «...новое утверждение старому государственному строю.., несомненное свидетельство сознательной и свободной воли народной». Можно утвердительно сказать, что в лице царя славянофилы получили солидную опору.

Славянофильская мысль родилась как продукт национальный, присущий только России и опирающийся на психологию русского народа, на глубокое понимание духа российской истории. Основу ее составляет отношение к самодержавию, к вере и народным массам.

Союз царя и народа рассматривался славянофилами как нравственная основа государства, поскольку освящал ее Господь и единый Судья, общими для правителя и подданных были закон Божий, христианская правда и совесть, страх перед Всевышним. Критически оценивая и переосмысливая реформы Петра I, славянофилы предосудительно относились к внутреннему переустройству России: «Общество было взнуздано, затянута в мундир, причесано, выбрито, одето по указу, расписано по рангам, действовало по команде — руки по швам». Так был создан, по мнению создателей теории, механизм «насилования жизни», а император, подменив Бога, стал верховным владыкой. И поэтому Россия нуждалась в возврате к самобытности, а политическим идеалом должна была стать «самоуправляющаяся местно земля с самодержавным царем во главе».

---

* Дан в Москве 29 апреля 1881 года.

Ничто не страшило славянофилов так, как безверие. Большой укор из уст славянофилов раздавался в адрес православной церкви, которой предлагалось оставить отвлеченную догматику учения, наставлений и проповедей и перейти к практическому осуществлению заповеди о любви к ближнему, формируя чистоту мировоззрения у людей. Революционный лозунг «Свобода, равенство, братство» не отвергался славянофилами, как не противоречащий христианскому учению. Не ставили они своей целью воспитание в своих последователях и враждебного отношения к науке, к либеральным течениям. Славянофилы были убеждены, что русскому народу чужды великодержавные притязания, что он далек от стяжательства за счет других народов, что его самое сокровенное желание — жить во внутреннем и внешнем спокойствии, кормиться трудом рук своих и укреплять национальные особенности и традиции. Именно славянофилы возродили термин «святая Русь». Дабы отстоять этот идеал от искажения и фальсификаций, славянофилы настоятельно требовали не только крепости убеждений, но и свободы мысли, духа, слова, печати. «Государство не вправе требовать от общества никакой гражданской доблести, никакой помощи и содействия, если духовная жизнь общества поражена духовным гнетом». Это подводит к самой острой проблеме взглядов славянофилов на славянский мир.

На Западе воинствующие противники славянофильства предпринимали значительные усилия, чтобы выдать их учение как панславистское, то есть несущее в себе агрессивность. В начале, да и в середине XIX века многие на Западе рассматривали Россию как страну азиатскую, варварскую, скифскую, и потому не было недостатка в предложениях о вытеснении русских за Уральский хребет. Запад никогда не понимал Россию, и сама мысль, что она может стать цементирующим центром, вызвала яростный протест.

Успех, достигнутый Россией в войне на Балканах, полагал Скобелев, требовалось закрепить. Но вот каким способом? Эту головоломку в одиночку разрешить было невозможно, и Скобелев вступил в переписку с Аксаковым. Обмен посланиями привел в итоге к личному знакомству, которое переросло в крепкую мужскую дружбу. И не беда, что «белый генерал» был на добрых двадцать лет моложе своего убежденного сединой друга, разница в возрасте не в счет, когда речь шла о наболевшем, о перспективах обустройства России. Для Аксакова этот вопрос, можно утвердительно сказать, был главным смыслом бытия. «Покуда мы живы, будем работать и предпринимать такие труды, как будто мы вовсе не должны умирать» — вот принцип, который он положил в основу своей деятельности.

Можно утвердительно сказать, что под влиянием Аксакова взгляды Скобелева на славянский мир и место, которое Россия должна занять в нем, обрели стройность и четкость. Русская идея, в понимании Скобелева, должна работать не только внутри самой России, но и стать привлекательной для братских народов.

Скобелев выделял особую значимость русского народа в мировой истории, его нравственное превосходство над теми нациями, которые, казалось, ушли далеко вперед. Размышления о будущем России навели Скобелева на мысль, что без поддержки народных масс ни одна даже самая яркая личность не в состоянии решить не одной задачи даже с самыми радужными перспективами. Скобелев был далек от идеализации быта и нравов допетровской патриархальной Руси и не отказывался от восприятия опыта других народов. «...Учиться и заимствовать у них (у Запада. — Б. К.) все, что можно, — говорил он, — но у себя дома устраиваться, как нам удобнее». Российское самодержавие, по взглядам Скобелева, нуждалось в изменении, хотя твердая государственная власть бесспорно признавалась им.

Без труда можно обнаружить сходство взглядов славянофилов и Скобелева в значении для России Земского собора, крестьянской общины, самоуправления, то есть основ демократического государства. Нельзя упрекнуть Скобелева в подавлении мысли и схоластике, когда речь заходила о науке и прогрессе. Но наука и прогресс воспринимались им не как самоцель, а только в непосредственном служении человеку. В такой же неразрывной связи рассматривались им и «спасительная сила просвещения», и «великое дело народного образования».

Гораздо сложнее было его отношение к учению Христа. Не отрицая его в целом, как уже упоминалось, он выбрал из него рациональное зерно — человеческое братство на земле. Скобелев был далек от предубеждений, и различия религий славянских народов не воспринимались им как препятствия к единению.

Очевидно, по совету Аксакова Скобелев стал прощупывать почву в различных общественных слоях. Поражает интенсивность контактов генерала с людьми, кровно заинтересованными в преобразованиях. В числе их оказался и П. Л. Лавров. В 1882 году во время пребывания в Париже Скобелев пытался добиться встречи с Лавровым. Однако теоретик народничества решительно отказался от свидания, сославшись на то, что ему не о чем говорить с генералом Скобелевым. Оторванный на долгие годы от Родины, он, по всей видимости, не смог оценить той силы, которую представлял Скобелев в русском обществе. Не имел он представления и о взглядах Скобелева.

Если в понимании необходимости просвещения в позициях Лаврова и Скобелева имелись точки соприкосновения, то их взгляды на пути обновления России разделяла огромная пропасть. Скобелев выражал свои мысли более чем ясно: «Правительство отжило свой век, но бессильное извне, оно также бессильное и внутри. Что может его низвергнуть? Конституционалисты? Они слишком слабы. Революционеры? Они также не имеют корней в широких массах. В России есть только одна организованная сила — армия, и в ее руках судьба России. Но армия не может подняться только как масса, а на это ее может двинуть лишь такая личность, которая известна каждому солдату, которая окружена славой сверхгероя. Но одной популярной личности мало, нужен лозунг, понятный не только в армии, но и широким массам. Таким лозунгом может быть только провозглашение войны немцам и объединение славян. Этот лозунг сделает популярной войну в обществе».

В высказывании сквозил намек на военную диктатуру. Имел ли в виду Скобелев себя, когда говорил о личности, способной повести армию за собой? Одно можно утвердительно сказать, что как у военного желание вновь окунуться в сражения жило в Скобелеве постоянно и об этом он часто говорил в кругу знакомых.

Несостоявшийся визит к Лаврову мало огорчил Скобелева, и он, с присущей ему настойчивостью, стал добиваться встречи с М. Т. Лорис-Меликовым, бывшим министром в правление Александра II. Скобелев явно был раздосадован приемом Александра III и, не сдерживая себя, выплеснул обиду:

— Он меня даже не посадил! Знаете что: дальше так идти нельзя... Все, что вы прикажете, я буду делать беспрекословно, я пойду на все. Я не сдам корпуса — а там все млеют, смотря на меня, и пойдут за мной всюду. Я ему устрою так, что если он придет смотреть 4-й корпус, то на его «здорово, ребята!» будет ответом гробовое молчание. Я готов на всякие жертвы...

Лорис-Меликов был изрядно напуган такой откровенной и пылкой речью и несколько позднее записал в своем дневнике, что Скобелев — человек, совершенно лишенный убеждений, и не в меру подвержен лишь собственным эмоциям и амбициям. Ошибался-таки отставной государственный деятель. Скобелев был до чрезвычайности хитер и расточал весь свой жар, проверяя реакцию на его слова человека, стоявшего у истоков мысли о конституционном устройстве России. Скобелев прекратил обивать пороги либералов — их разобщенность и слабость были слишком очевидны.

А вот в среде военачальников Скобелев мог не утруждать себя в выборе слов. В противоположность Александру III, не

имевшему у генералитета особого признания, Скобелев пользовался у боевых соратников безграничным доверием и авторитетом. Барон Н. Врангель записал рассказ генерала Дохтурова о товарищеском застолье, которое он устроил у себя на квартире. Воронцов-Дашков, Черевин, Драгомиров, Щербатов и другие не могли обойти молчанием военные способности Александра III. Вспомнили Балканскую кампанию, Рушукский отряд, который едва не погубил цесаревич; одним словом, отзывы о Хозяине были не особенно лестными. Присутствующие сошлись на той мысли, что самодержавие роет себе могилу.

Но, пожалуй, резче всего это суждение звучало в устах Скобелева.

— Пусть себе толкуют! — сказал он Дохтурову, когда гости разошлись. — Слыхали уже эту песнь! А все-таки в конце концов вся их лавочка полетит вверх тормашками.

— Полетят, полетят, — ответил Дохтуров, — но радоваться этому едва ли приходится. Что мы с тобой полетим с ними, еще полбеды, а того и смотри, Россия полетит...

— Вздор, — прервал Скобелев, — династии меняются или исчезают, а нации бессмертны...

Механизм коренных преобразований виделся Скобелеву таким: «В революциях... стратегическую обстановку готовят политики, а нам, военным, в случае чего, предстоять будет одна тактическая задача. А вопросы тактики... не предрешаются, а решаются во время самого боя...»

Без сомнения, отзыв подобный высказываний чрезвычайно популярного генерала доходил до резиденции императора.

С. М. Степняк-Кравчинский писал: «Говорили, что либо в это время или несколько позднее смелый план дворцовой революции был задуман генералом Скобелевым». Так высочайшее нравственное мужество и искренняя тревога за судьбу Отечества и бесспорный всероссийский авторитет «белого генерала» вступили в противоречия, а следовательно, в незримую борьбу с властью предрешающими. М. Вогю дополняет эту мысль: «Весь обезумевший Петербург только и твердит о нем (о Скобелеве. — Б. К.) как о искателе с династическими притязаниями». Последние слова экзальтированного француза далеки от истины, но способность Скобелева возглавить антиправительственное движение сомнению не подлежит.

В Москве и Петербурге прошел слух, что на коронации Александра III непременно случится переворот. Возглавит его Скобелев, которому суждено взойти на российский престол под именем Михаила III. Но среди приглашенных на церемонию Скобелева не оказалось, и верхи вздохнули с облегчением.

В конце января 1882 года Скобелев приехал в Петербург и

принял участие в торжествах, устроенных по случаю первой годовщины взятия Геок-Тепе. Официальные власти отмахнулись от действия, а вот соратники Скобелева потрудились на славу и придали ему головокружительный размах. Завершал торжества банкет. И тут Скобелев преподнес сюрприз. На банкете присутствовало с десятка два корреспондентов видных российских и иностранных газет. Они приготовили перья и стали записывать речь Скобелева.

«Белый генерал» вспомнил славные дела, боевых товарищей, дал оценку совершенному год назад и, взяв в руки стакан с водой, дабы его слова не отнесли к бреду пьяного человека, сказал: «...Опыт последних лет убедил нас, что если русский человек случайно вспомнит, что он благодаря истории все-таки принадлежит к народу великому и сильному, если, Боже сохрани, тот же человек случайно вспомнит, что русский народ составляет одну семью с племенем славянским, ныне терзаемым и попираемым, тогда в среде доморожденных и заграничных иноплеменников поднимаются вопли негодования, что этот русский человек находится лишь под влиянием причин ненормальных, под влиянием каких-либо вакханалий... Престранное это дело, и почему нашим обществом овладевает какая-то странная робость, когда мы коснемся вопроса для русского сердца вполне законного, являющегося результатом всей нашей тысячелетней истории». Завершил Скобелев речь такими словами: «Сердце болезненно щемится. Но великим утешением для нас вера и сила исторического призвания России».

Скобелев взвешивал каждое слово, будто предугадывая, что обращается заочно к тем, кто жаждет защиты. Газеты запестрели заголовками «Русский генерал призывает к единению», «Долой диктат!». Скобелев ратовал за поддержку справедливой борьбы славянских народов, и если все предыдущие высказывания произносились либо в кругу друзей, либо содержались в частных письмах, то, по сути, речь стала публичным осуждением официальной политики по отношению к единоверцам. Резонанс речи Скобелева как у общественной России, так и за рубежом был огромен. Еще более откровенен был Скобелев в кулуарных беседах с участниками банкета. Когда его упрекнули, что он хочет навязать русского царя всем славянским народам, он ответил, что предлагает «...вольный союз славянских племен, полнейшую автономию у каждого, одно общее войско, деньги... Управляйся внутри как хочешь...»

Ясно, что такое высказывание напрочь опровергает мнение о Скобелеве как о яром приверженце панславизма. Подтверждает это и реалистическая оценка раздела Польши. Скобелев считал его политическим преступлением, а подавление сво-

бод — братоубийственной резней. Различие религий в его глазах не должно было стать помехой в сближении польской и русской наций. Такое же сближение представлялось ему возможным с чехами и словаками. Но и в том, и другом случае на пути к нему стояли Германия и Австро-Венгрия. Эти европейские монархии, получив изрядное приращение территорий за счет славян, приложили немалые усилия, чтобы окончательно стереть национальные особенности народов, населявших их. Скобелев считал, что Россия вправе потребовать и от немцев, и от австрийцев прекратить угнетение славян, а в дальнейшем надеялся на то, что русские вырвут единоверцев из империй зла и насилия. В таком ключе и была произнесена парижская речь.

В столице Франции он оказался далеко не по собственной воле. Реакция императора на петербургское выступление была однозначной — генерал от инфантерии, очевидно, запомнил, что он носит погоны, о политике должны судить политики. Генералу непростительны вольные высказывания. В Зимнем дворце сочли, что генерал нуждается в отдыхе, и обязали его взять отпуск с непременным условием провести его вне России. Но, как показали последующие события, расчет верхов на благоразумие и молчание Скобелева за границей не оправдался.

Надо ясно представлять ситуацию, в которой оказалась Россия после Берлинского конгресса. Никто из великих держав с мнением ее не считался. Франция после поражения во франко-прусской войне была поставлена на колени. Скобелев остро чувствовал болевые точки как русской, так и французской политики и на свой страх и риск бросился в омут политических страстей, бушевавших в Париже. Не проходило дня, чтобы в квартире Скобелева на рю Пентьер не появлялся очередной посетитель, корреспондент, дипломат или просто частное лицо, пытаясь добиться расположения «белого генерала» и прощупать его взгляды на взаимоотношения России и Франции. В официальных французских кругах того времени они расценивались как хрупкие и замороженные.

Ж. Адам, издательница «Нувель Ревю», доподлинно убедилась в серьезности намерений генерала посвятить себя делу установления прочных отношений между государствами и, не скрывая симпатий к Скобелеву, публиковала о нем восторженные отзывы. Она не удержалась от соблазна и почти целиком опубликовала на страницах своей газеты беседу Скобелева с сербскими студентами, которые обучались в Париже. Французская печать окрестила беседу как речь, присовокупив эпитеты «жаркая, пламенная», и изобразили Скобелева славянским трибуном. А между тем генерал говорил о наболевшем. «Немецкие штыки направлены в сердце сербского народа. Вам суждено по-

вернуть их вспять и очистить Балканы от скверны. Россия когда-нибудь стряхнет с себя спячку и протянет руку помощи. Я же готов хоть сейчас встать в ваши ряды». Кто-то выкрикнул «ура!», и заключительные слова Скобелева потонули в громе аплодисментов.

Можно представить, что творилось на душе у императорского посланника в Париже графа Орлова, когда в его руках оказался номер французской газеты с речью Скобелева. Он переслал газету в Петербург с препроводительной запиской: «Генерал не может безнаказанно произносить подобные речи». Из русской столицы в Париж полетела официальная телеграмма: «Отозвать!» Скобелеву даже предписывался маршрут, который исключал Берлин. Но он не смог отказаться от возможности увидеть В. В. Верещагина, в то время находившегося в столице Германии.

По приезде 7 марта 1882 года в Петербург следует объяснение в резиденции императора. Еще до этого Скобелев побывал у военного министра, который объявил ему выговор. Но, к удивлению Скобелева, выговор не обрел реальной силы, то есть не был зафиксирован на бумаге. Существует свидетельство современника, что «этот выговор был напечатан только в английских газетах». Пресса других стран, в том числе и России, осталась в неведении.

Свидетелем аудиенции Скобелева у императора оказался лишь один из дежурных флигель-адъютантов. Слухи, которые поползли по Петербургу сразу же после разговора, были достаточно противоречивы.

Скобелев в кабинет царя вошел якобы со словами: «Несу повинную голову, русское сердце заговорило». Начало разговора не предвещало Скобелеву ничего хорошего, поскольку тот посмел вторгнуться в область недозволенного и выступал с заявлениями от имени России, народа, чего ему никто не поручал. Императору и хотелось бы рубануть сплеча и обрушить весь гнев на непокорного генерала, но Скобелев был нужен России (так ответил Александр III Александру Баттенбергу на просьбу дать разрешение Скобелеву на выезд в Болгарию и занять пост военного министра), поэтому вторая часть беседы проходила в отечески-назидательном тоне.

Не остались без последствий и те усилия, которые предприняли близкие к Александру III люди — граф Н. П. Игнатьев, М. Н. Катков, чтобы сгладить у императора неприятный осадок от парижской речи Скобелева. Так или иначе, слухи о непомерном разносе, который учинил император «белому генералу», вызывают сомнения. Да и мог ли Александр III все два часа, которые длилась беседа, распекать Скобелева? По-видимому, со-

беседники успели выяснить многое, иначе Скобелев бы не вышел из кабинета «веселый и довольный», сказав Гирсу (министру финансов. — Б. К.), что государь задал ему «порядочную головомойку». А. Витмер считал, что талантливый честолюбец смог заразить миролюбивого государя своими взглядами на внешнюю политику.

Для сближения с Францией, о чем мечтал Скобелев, понадобились годы.

И все же настал тот момент, когда две державы установили прочные союзнические отношения. Но Скобелеву не суждено было стать этому свидетелем. 21 апреля 1882 года он вновь удостоился короткой беседы с императором на официальном представлении, а 22 апреля отбыл в штаб корпуса в Минск. Почти следом княгиня Белосельская-Белозерская, сестра Скобелева, отправила письмо, в котором были и такие строки: «Его Величество говорил о тебе с большим уважением... Император сказал более чем ясно, что он рад всегда тебя видеть, когда ты этого захочешь».

И если дни, проведенные в Петербурге, ободрили, то возвращение в Минск радости не принесло. Мечта иметь свой семейный очаг была близка и осуществима. Екатерина Александровна Головкина — незнатная, но обаятельная и интеллигентная девушка вызвала у Скобелева искреннее, доброе чувство, несхожее с мимолетными увлечениями. Оно нуждалось в ответе искреннем и душевном. Но это были годы, когда вихрь эмансипации ворвался в Россию, изломав и искалечив немало юных судеб. Мечты о равенстве, желание властвовать над представителями сильного пола, вызывая в них муки и страдания, порождали безмерный эгоизм. Строки одного из писем Е. А. Головкиной в достаточной мере подтверждают это: «Михаил Дмитриевич... я сознаю, что идя рука об руку с вами, я могу быть полезным человеком, а не слабым существом. Дайте мне право над вами, полное, бесконечное, я дам вам счастье...» Как тут не воспользоваться пословицей «Ты мне — я тебе»? Да разве Скобелев, горячо любя, был способен на расчет, а тем более на сделку?! Конечно, нет! Попытайся Катя Головкина хоть на толику проникнуть в душу Михаила Дмитриевича, отбросить кривотолки и сплетни, которыми был окружен почитатель ее красоты, и все сложилось бы по-иному. Увы, Господь обошел девицу чувствительностью и той исконной добротой, которой славилась русская женщина, она не способна была оценить величие души человека, который уже при жизни стал принадлежать Истории. Возможность сохранить его существовала, но Катя Головкина так и не сумела наступить на горло собственной гордыне и предоставила судьбе рассудить, кто прав, а кто виноват в разрыве.

Скобелев захандрил, стал раздражительным, и чтобы облегчить груз переживаний, весь ушел в служебные дела. Командир IV корпуса был одним из первых военных, кто засел за письменный стол, чтобы обобщить и закрепить уроки прошедшей войны и создать базу для подлинной боевой учебы.

Скобелев был беспощаден к тем, кто превращал ее в муштру. Наступление и оборона, рассыпной строй и устройство траншей, маршевая выучка — ни один вид боевой деятельности не проходил мимо внимания Скобелева. Военные теоретики явно запаздывали с написанием уставов, и командиру корпуса приходилось собственными распоряжениями устранять эти пробелы. Маневры, походы, учения, стрельбы, ежедневные занятия и на каждом — личное присутствие, личный пример, граничащий порой с напрасным риском. «Я почитаю за величайший талант того, кто возможно меньше жертвует людьми. К самому же себе отношусь так, как и к тем, кто проливает кровь».

Корпусные маневры в Могилевской губернии вылились во всенародную демонстрацию любви к Скобелеву. В Могилеве, где стояла 16-я дивизия, ему была устроена восторженная встреча. Скобелев въехал в город поздно вечером. На улицах, освещенных факелами, находились толпы людей, войска были построены шпалерами. Выйдя из экипажа, генерал пошел с непокрытой головой по улицам, запруженным людьми. В Бобруйске католический каноник Сенчиковский пригласил Скобелева в костел. Генерал вошел в него под песнопение. Вся служба прошла на русском языке. Православное духовенство устроило в честь Скобелева не менее торжественный молебен. Такое могло кому угодно вскружить голову...

Но мало кому было известно о душевной драме генерала. Скобелев держал переживания в себе и не делился ими даже с самыми близкими людьми. Но нет-нет в его высказываниях врывались пессимистические нотки о недолговечности жизни. Неожиданно для родных Скобелев стал продавать ценные бумаги, золото, недвижимость. Сумма, которую получил Скобелев и передал И. И. Маслову, управляющим делами, приближалась к миллиону рублей. Что собирался делать с этими деньгами Скобелев, так и осталось неизвестным. Тогда же он составил завещание, по которому Спасское отдавалось в распоряжение инвалидов войн. Время шло, но эффект петербургской и парижской речей продолжал свое воздействие на умы.

Это было знамя борьбы против внутреннего и внешнего подавления славянских народов. «Славянским Гарибальди» называли Скобелева, часто произносившего строфы из стихотворения Хомякова «Орел»:

*Их час придет: Окрепнут крылья,
Младые когти подрастут,
Вскричат орлы — и цепь насилья
Железным клювом расклюют...*

«И это будет, будет непременно, — добавлял Скобелев, — когда у нас будет настолько много «пищи сил духовных», что мы будем в состоянии поделиться с ними ею; а во-вторых, когда «свободы нашей яркий свет» действительно будет ярок и целому миру ведом... А до тех пор надо надеяться, верить, не опускать голову и не терять своего сродства с народом, сознания своей национальности». Между тем в огромной почте Скобелева все чаще и чаще стали появляться письма с анонимными угрозами. Из какого лагеря они исходили, так и осталось загадкой.

«Ради Бога, береги себя, — обращалась к Михаилу Дмитриевичу одна из петербургских знакомых, В. Чичерина, — ты теперь принадлежишь еще более, чем когда-либо, России».

Но Скобелев был не из тех людей, кого могли остановить предупреждения и угрозы.

13 июня Скобелев написал черновик ответа Е. А. Головкиной, покинувшей Минск, попросил И. И. Маслова отправить ей тысячу рублей, написал приказ, в котором подвел итоги маневров, и 22 июня выехал в Москву. О цели своей поездки он сообщил начальнику штаба Духонину — намереваюсь-де осмотреть выставку, заехать в Спасское на могилу родителей и проверить ход строительства школы и больницы. Скобелев закончил беседу с Духониным на минорной ноте:

— Все на свете — ложь! Даже слава...

Никогда еще он не чувствовал себя таким одиноким, как в этот день. М. Филиппов сообщает: «Утром 25-го Скобелев дал знать Аксакову, что будет у него завтра, однако зашел к нему сегодня и принес связку бумаг, сказав при этом: «В последнее время я стал подозрительным». По свидетельству Ж. Адам, расстался Скобелев с Аксаковым в 11 часов вечера 24 июня, сказав другу: «Я всюду вижу грозу». Затем, остановившись в гостинице «Дюссо», он написал записку Вас. И. Немировичу-Данченко с приглашением на завтрашний обед (то есть 26 июня).

В полдень Скобелева видели в «Эрмитаже». Генерал сидел за столом один, был задумчив. Одиночество к вечеру навалилось тоской. В надежде, что хороший ужин, веселое застолье в компании встряхнут его, Скобелев направляется в Столешников переулок, в ресторацию «Англия». Кутеж был в разгаре, когда из соседнего кабинета к Скобелеву вышел мужчина и предложил выпить бокал шампанского. Скобелев не отказался, поскольку из кабинета доносились здравицы в его честь. Как ни старался Скобелев, веселье не приходило. Даже очарование из-

вестной всей Москве кокотки Ванды не избавило от хандры. Не прошла она и в роскошном номере, где продолжался ужин. Каково же было удивление дворника, когда поздно ночью он услышал пронзительный крик, а затем увидел неряшливо одетую, испуганную и зареванную Ванду.

— У меня в номере умер офицер, — дрожащим голосом сказала она.

Дворник послал за полицией. Скобелев был опознан, а затем его тело перенесли в гостиницу «Дюссо». Подозрение о причастности Ванды к смерти Скобелева полиция отвергла, однако за ней прочно укрепилось прозвище «могила Скобелева».

Цензура беспощадно вычеркивала из газет любые, даже косвенные сведения о кончине Скобелева, предоставив российскому обществу строить всевозможные догадки. Одну из них пытался обосновать Вас. И. Немирович-Данченко, ссылаясь на рассказ самого Михаила Дмитриевича. В уже упоминавшемся разговоре с военным министром Скобелев в крайне резкой форме сказал: «...Если бы я имел хоть одного офицера в моем корпусе, который бы состоял членом тайного общества, то я его тотчас удалил бы со службы. Мы все приняли присягу на верность государю и поэтому нет надобности вступать в тайное общество, в охрану».

Предположительно, что незадолго до этого разговора кто-то из высших распорядителей «Священной дружины»* пытался втянуть Скобелева в организацию. Однако, судя по приведенным выше словам, отношение Скобелева к «Священной дружине» было крайне отрицательно. Все это позволило Немировичу-Данченко сделать вывод, что убийство «белого генерала» свершилось «без ведома царя одним из великих князей и Шуваловым, которые считали этого будущего Суворова опасным для российского самодержавия».

Многие годы спустя, когда страсти вокруг внезапной смерти Скобелева улеглись, Ф. Дюбок, доживавший свои дни в Па-

---

* О «Священной дружине» или «Священной лиге» маркиз де Воллан вспоминал: «Кто имел первый мысль о Священной дружине, неизвестно. Знаю, что эта мысль была во многих головах... Всеволод Миллер говорил, что следует организовать антиреволюционную дружину, которая будет убивать и ловить любителей динамита. Эта мысль принесла свои плоды...» Честолюбивый брат Александра III Владимир Александрович взял на себя все заботы по созданию организации. Строилась она по принципу комитета Народной воли, собиралась на заседания тайно, имела весьма разветвленную сеть, в том числе и в армии, находилась вне досягаемости полиции и вела дела помимо министерства внутренних дел. По свидетельству современников, ни один из смертных приговоров, вынесенных «Священной дружиной» видным революционерам, не был приведен в исполнение.

риже, более подробно осветил тайну. В письме в редакцию журнала «Голос минувшего» он сообщал: «Совершившееся в великие дни русской революции, в марте 1917 г. падение дома Романовых невольно заставляет вспомнить об одной попытке свержения этой династии в царствование Александра III — о замысле «белого генерала». Вот что я слышал из уст незабвенного председателя 1-й Государственной думы Сергея Андреевича Муромцева.

Правительство Александра III, уверившись в том, что М. Д. Скобелев замышляет сделать переворот и свергнуть династию Романовых, учредила под председательством великого князя Владимира Александровича особый негласный суд из сорока лиц. Этот суд «сорока» большинством тридцати трех голосов приговорил «белого генерала» к смертной казни и поручил полицейскому офицеру привести приговор в исполнение. Палач блестяще справился со своей задачей, за что получил следующий чин и большое денежное вознаграждение». По версии Ф. Дюбока, в отдельном кабинете под видом купцов кутили сыщики, а в шампанское была всыпана отравка.

Ж. Адам, задав вопрос: «Какая держава имела интерес в исчезновении героя Плевны и Геок-Тепе?», — прозрачно намекает, что к смерти Скобелева имело прямое отношение всемирное масонство. Доказательств, увы, писательница не приводит.

Как бы то ни было, предчувствие фатального исхода постоянно присутствовало в последних высказываниях Скобелева. Не обошлось без таковых и в день отъезда из Спасского. После панихиды по генералу К. П. Кауфману Михаил Дмитриевич сказал священнику местной церкви: «Каждый день моей жизни — отсрочка, данная мне судьбой... Ведь вы знаете, что я не боюсь смерти. Ну так я вам скажу: судьба или люди скоро подстерегут меня». К сожалению, это горькое предсказание сбылось.

После смерти «белого генерала» прошел слух, что из Спасского в числе прочих документов исчез план войны с Германией, якобы разработанный Скобелевым. Бумаги, переданные им Аксакову, полиция изъяла, как и многое из того, что бережно хранил Иван Сергеевич в своем домашнем архиве.

Смерть Скобелева потрясла Москву. Она будто замерла, а потом разразилась всеобщей скорбью и плачем.

Александр III направил Надежде Дмитриевне письмо: «Страшно поражен и огорчен внезапной смертью вашего брата. Потеря для русской армии труднозаменимая и, конечно, всеми истинно военными сильно оплакиваемая. Грустно, очень грустно терять столь полезных и преданных своему делу деятелей». В искренности этих слов трудно усомниться.

Болгария погрузилась в траур. Умер национальный герой,

столько сделавший во имя братской дружбы русского и болгарского народов. Позже появятся бульвары, улицы, сады и музеи, носящие имя Скобелева. Они и поныне — свидетели всеобщей любви к «белому генералу».

...Гроб с телом Скобелева стоял в отеле «Дюссо», а затем был перенесен в церковь Трех Святителей у Красных ворот, заложенную Иваном Никитичем. Не слышны в шумном центре крики извозчиков, не видно толкотни. Люди стоят по сторонам улиц, ведущих к церкви. Многие наблюдали скорбную церемонию в открытых окнах, на крышах домов. Черные крестьянские куртки и нарядные женские платья, порывшиеся рубахи рабочих и костыли инвалидов, парадные военные мундиры. Лица... Разные... Но на всех — скорбь, у многих на глазах слезы.

Чувства россиян очень точно выразил Я. Полонский:

*Зачем толпой стоит народ?
Чего в безмолвии он ждет?
В чем горе, в чем недоуменье?
Не крепость пала, не сражение
Проиграно, — пал Скобелев! не стало
Той силы, что была страшней
Врагу десятка крепостей...
Той силы, что богатырей
Нам сказочных напоминала.*

Между тем стали известны результаты вскрытия тела Скобелева, которое производил прозектор Московского университета Нейдинг, констатировавший паралич сердца и легких. Но все же версия об отравлении Скобелева существовала еще долго.

Панихида должна была состояться на следующий день, но люди шли прощаться со Скобелевым весь вечер и всю ночь. Церковь утопала в цветах, венках и траурных лентах.

Двадцать верст от станции Раненбург до Спасского гроб несли на руках крестьяне. Впереди траурной процессии несли венок с серебристою листвою от академии Генерального штаба с надписью: «Герою Михаилу Дмитриевичу Скобелеву, полководцу, Суворову равному».

РЕЧЬ

**Преосвященного Амвросия, Епископа Дмитровского,
при погребении генерал-адъютанта М. Д. Скобелева,
28 июня 1882 года**

Много возникает в уме вопросов и недоумений по поводу преждевременной и неожиданной кончины нашего знаменитого героя, Михаила Дмитриевича Скобелева. Не был ли он еще так молод и полон сил? Не были ли так нужны для Отечества его дарования? Не покоилось ли на нем так много наших надежд, не сопутство-

вали ли ему всюду наши благожелания? Не был ли он видимо храним Провидением для будущего, оставаясь невредимым среди тысячи опасностей и смертей? Зачем же и почему же все это так внезапно пало и рушилось?

Но, при возникновении подобных вопросов, на уста всех благоговееющих перед неисповедимыми судьбами Божественного Провидения налагает печать молчания известная притча Христа Спасителя: «Вы знаете, говорит Господь, что если бы ведал хозяин дома, в который час придет вор, то бодрствовал бы и не допустил бы подкопать дом свой. Будьте же и вы готовы; ибо, в который час не думаете, придет Сын Человеческий» (Лук. 12:39, 40).

И вот дом подкопан, — драгоценная жизнь похищена. Великая утрата так внезапна, нравственное потрясение так сильно, что не знаешь, что сказать, при всем желании почтить благодарным словом дорогую память почившего. Как из глаз матери, склонившейся над гробом юного сына, вперившей взор в его милые черты и отыскивающей в потускневшем лице прежних выражений жизни, красоты, любви, незаметно для нею самой ручьями текут слезы, застилая и закрывая пред нею туманом самый предмет ее печального созерцания: так каждый из нас теперь, перед безжизненными останками нашего народного любимца, напрасно стал бы усиливаться восстановить для себя и других в целостности и полноте его мужественный, светлый, вдохновляющий, нравственный облик, какой при его жизни с его именем возникал всегда в нашем воображении. Все застилают неудержимые слезы: горько, жалко; Отечество хоронит милого сына; все мы оплакиваем близкого, родного по духу человека. Плачь о нем, русское воинство: он был твоею честью и украшением; плачьте, крестьяне и крестьянки: он был отцом детей ваших, этих дивных наших рядовых воинов, с которыми по-братски он делил труды и лишения; плачь, Русский народ: в нем бился пульс твоей жизни, он был чутким истолкователем твоего призвания, носителем твоих идеалов, ревнителем твоей чести и славы!

Предоставим времени раскрыть события жизни, особенности талантов, тайны военных успехов, черты личной доблести и характера, убеждения, думы и помыслы этого замечательного русского человека, так рано похищенного смертью. В этом не оставят, конечно, удовлетворить нашим справедливым желаниям беспристрастные и опытные ценители военных дарований и успехов, боевые товарищи почившего и друзья его, пред которыми он открывал свою душу и ее заветные стремления. Но нам желательно бы понять тайну той редкой общеизвестности и той любви народной, которые в такие молодые годы жизни успел приобрести почивший и которые составляют высшую награду и утешение для всякого общественного деятеля.

Нам кажется, что тайна эта заключалась, главным образом,

не в талантах его и победах, не в личных свойствах его характера, а в его полной, всецелой, безграничной любви к Отечеству и к Государю, которых никогда не разделяет в своем сознании истинно русский человек. У него не было другой любви и привязанности, кроме любви к Отечеству; не было личных интересов: его занимали только нужды Отечества. О нем он думал непрестанно; с мыслью о нем пил и ел, ложился и вставал. У него не было других разговоров, кроме разговоров о предстоящей Отечеству будущности, об угрожающих ему опасностях и о способах предупреждения их. Он любил Отечество с ревностью; его оскорбляло все, что казалось ему в суждениях других непониманием истинного блага Отечества или холодностью и равнодушием к судьбе его. Любовь к Отечеству была пламенем в его сердце, пожиравшим его самого. Она была источником и той беззаветной храбрости и бестрепетного мужества пред лицом смерти, которые сделали его в памяти народа героем легендарным. Он везде носил жизнь на своих руках как готовую жертву, ожидая случая с радостью и благоговением возложить ее на алтарь любви к Отечеству. Любовь к Отечеству делала его неутомимым в трудах, нечувствительным к лишениям, неудержимым в речах. Ни в пылу битв, ни в борьбе партий, ни в раздражении врагов он не видел, не признавал опасностей: он несли выше всего в своем неудержимом стремлении жить, действовать, жертвовать для блага, величия и славы Отечества.

Но любовь к Отечеству есть сила живая, светящая, согревающая. Она сообщает всем действиям человеческим чистоту и возвышенность, словам искренность и правду, мыслям определенность, намерениям крепость, отдаленным планам и предположениям близость и удобоисполнимость, — и на все кладет печать одной ей свойственной красоты и привлекательности. И народ — не предубежденный, прямодушный — сердцем понимает эти возвышенные качества дел из любви к нему исходящих, и по чувству взаимности влечется к человеку, объемлющему его своею любовью. И сам этот человек становится для него олицетворением любви и совершенства и врезывается всегда в его воображении, увековечивается в его памяти, и имя его переходит из уст в уста, из рода в род.

Этого великого счастья достиг Михаил Дмитриевич в немногие годы своей непродолжительной жизни. Мы видели, какие массы народа наполняли улицу перед домом, где лежало тело его в первое время после его смерти; на всех лицах были написаны скорбь и отчаяние; народ, казалось, хотел бы вырвать его из самых челюстей смерти. Это — любовь за любовь. Но не забудьте, что это любовь народа христианского, православного. На следующее утро мы видим иное ее проявление: ко всем алтарям московских церквей принесены пред литургией во множестве просфоры и по-

минания: «О упокоении новопреставленного раба Божия Михаила». И это пойдет из рода в род. Что может быть прекраснее и утешительнее этого выражения любви народной?

Да будет, Господи, эта народная молитва очистительною жертвой за грехи почившего! Ради любви его к нашему православному Отечеству, ради любви к нему народа Твоего, ради слез наших и сердечной молитвы нашей о нем, паче же ради Твоей бесконечной любви, благоволительно приемлющей чистую любовь человеческую во всех ее видах и проявлениях, — будь к нему милостив на суде Твоем праведном!

В дни народной скорби и печали среди официальных соборно-лезнований, телеграмм и панихид, заказанных по незабвенному герою по всей России, на памяти провожавших «белого генерала» в последний путь остался полный душевного надрыва выкрик: «Хоть мертвый дождался почестей!»

И действительно, тотчас после похорон один из кораблей российского военного флота корвет «Витязь», дабы «великие доблести связывали войско и флот общими памятованиями», по указу Александра III был переименован в «Скобелев».

Уже 2 июля 1882 года гласный Санкт-Петербургской думы А. Петров внес в управу предложение ассигновать пять тысяч рублей для конкурса на написание лучшей биографии М. Д. Скобелева. По мнению Петрова, биография должна быть изложена в общедоступной форме. При этом не один факт из жизни народного героя не должен быть пропущен и дана историческая оценка его деятельности. На этом же заседании было решено обратиться с письмом к сестре «белого генерала» княгине Н. Д. Белосельской-Белозерской. «Милостивая государыня, княгиня Надежда Дмитриевна! Гласные Санкт-Петербургской Городской Думы, проникнутые глубоким чувством горести при известии о кончине доблестного героя Русской земли, брата Вашего Сиятельства Михаила Дмитриевича Скобелева, и желая увековечить память его, единогласно постановили: войти с ходатайством, в установленном порядке, о разрешении: во-первых, наименовать часть Английской набережной от здания Правительствующего Сената до Николаевского моста, «Скобелевскою», во-вторых: поставить в Петербурге памятник Михаилу Дмитриевичу Скобелеву, в-третьих: открыть на сооружение памятника подписку по всей России; со стороны же города Петербурга назначить на этот предмет двадцать пять тысяч рублей...»

Время шло, но эти предложения оставались без ответа. Английская набережная так и осталась Английской. Лишь в начале XX столетия одна из небольших пригородных улиц Петер-

бурга с несколькими невзрачными домами, ведущая свое начало от станции Удельная, стала именоваться Скобелевским проспектом. Памятнику также не суждено было появиться в Петербурге.

Уже в конце 1882 года А. А. Нотович утверждал, что «скоро поставят памятники Скобелеву в Петербурге и в Москве». Но московские выборные не соглашались с решением Петербургской думы: «Скобелев, как народная слава, народный герой, принадлежит к народной столице и постройка памятника в Петербурге лишена всякого смысла».

В ход был пущен один из нелепых аргументов: дескать, Скобелев не любил Петербург. Какой Петербург? Официальный — несомненно, но ведь и власть предрежащие не слишком жаловали Скобелева. Но город, где он родился и вырос, Михаил Дмитриевич любил. В этой любви было что-то особое. И всякий раз, заводя разговор о Петербурге, Скобелев непременно начинал его так: «А помнишь?..» Вспомнить Скобелеву было что. И он не единожды признавался близким, что одним из любимейших его занятий на Зеленых горах были мысленные прогулки по северной столице. В Петербурге его тянуло и к сестрам. Блестящие столичные красавицы (Надежда вышла замуж за князя К. Э. Белосельского-Белозерского, Зинаида — за принца Е. М. Лейхтенбергского, Ольга — за графа В. П. Шереметева) души не чаяли в брате, и только у них он находил домашнее тепло и уют, которого был напрочь лишен в своей холостяцкой жизни.

Сестры бережно хранили память о покойном и вели обширную благотворительную деятельность.

В 1905 году к бесчисленному числу российских благотворительных организаций прибавился Комитет имени генерал-адъютанта Скобелева, который выдавал пособия воинам-инвалидам, потерявшим на войне способность к труду. Основательницей и первой председательницей Комитета стала княгиня Надежда Дмитриевна Белосельская-Белозерская. Вот что писалось в обращении организаторов Комитета к россиянам: «Среди великих людей России одно из почетнейших мест несомненно принадлежит скончавшемуся двадцать пять лет тому назад генерал-адъютанту Михаилу Дмитриевичу Скобелеву. Истинно русский в душе, горячо любящий Родину, беспредельно преданный ей, бесспорно обладавший крупным военным талантом, М. Д. Скобелев немало способствовал укреплению мощи нашего Отечества, развитию его величества, утверждению его славы, поддержанию его чести...

Чем культурнее народ, чем выше его цивилизация, тем больше чувствует он потребность засвидетельствовать дань своего

уважения к великим сынам своим, тем больше сознает он обязанности чтить память таких людей, принимать меры для ее увековечения и к глубокому распространению сведений о делах и жизни этих героев...»

Не сидели сложа руки и участники славных ратных дел Скобелева. И пока между городскими властями Москвы и Санкт-Петербурга шел бесконечный спор, в небольшом литовском местечке Ораны, где Скобелев последний раз участвовал на маневрах, в артиллерийских лагерях в 1885 году на средства, собранные офицерами и солдатами, был воздвигнут памятник — стилизованная древнеримская колонна с могучим орлом на вершине. На чугунных плитах красовались надписи: «Михаилу Дмитриевичу Скобелеву» и «Непобедимому вождю и незабвенному начальнику»*.

Ежегодно с особым постоянством в России и за рубежом появлялись многочисленные публикации, в которых освещались жизнь, военные подвиги, взгляды и суждения Скобелева на войну и политику, на передел Балканских территорий, обоснованные предсказания будущих военных столкновений. В 1914 году, когда общеевропейская бойня в конечном итоге переросла в Первую мировую войну, вспомнили пророческие слова Скобелева: «Европе грозит опасность великой войны — она неизбежна. Берлинский трактат топчется в грязь Австрией. России нет причин быть довольной этим трактатом... Я не имею вражды против Германии, но почему не удерживает она Австрию от посягательств? Славяне одного желают: остаться славянами; они не хотят быть мадьяризованы, германизованы или быть под властью иезуитов... Россия единственная страна в Европе, где достаточно идеализма, чтобы воевать из-за чувства. Ее народ не уклоняется от жертв за веру и братство...»

Нашлось немало добровольцев, принявших за описание жизни и деятельности Скобелева. На любительской сцене была сыграна историческая драма «Белый генерал». Факт красноречивый — интерес к личности Скобелева и его загадочной смерти был огромен. К слову, в адрес русских художников было произнесено немало резких слов. Никто из них не удосужился создать портрет «белого генерала». Целиком взваливать вину на мастеров кисти все-таки нельзя. Вероятней всего, необычайная мнительность Михаила Дмитриевича стала преградой для создания на холсте его образа.

Военным повезло значительно больше. В их руках находились бесценные свидетельства: приказы, записки, реляции и донесения Скобелева. К тому же, пребывали во здравии оче-

---

* До наших дней не сохранился.

видцы славных дел «белого генерала», и недостатка воспоминаний о нем не было. Так складывалась огромная литература о Скобелеве, в которой фундаментальные труды и исследования занимали едва ли не одну треть. К изучению боевого наследия Скобелева приложили руку видные военные теоретики: А. Н. Кашкаров, И. А. Чанцев, А. К. Пузыревский, Г. А. Леер, А. М. Зайончковский. И хотя Скобелев выигрывал сражения, а Суворов и Кутузов — войны, эти историки ставили «белого генерала» вровень с ними.

Попытки возвеличить имя Скобелева наталкивались на глухое сопротивление тех, кто и при жизни принижал заслуги «белого генерала». С чьей-то подачи на страницах газет стали появляться высказывания, что как политик Скобелев был слаб, да и во всех его высказываниях содержится более авантюризма, нежели здравого смысла. Этим борзописцам ироничный Козьма Прутков дал на страницах журнала «Век» достойную отповедь: «...У нас имеется особый класс людей, — в особенности между пишущей братией, которые сами, прости за выражение, просто воняют от пороков, — и эти-то люди первыми выступают обличителями...»

Направленность этих слов была известной. С газетой «Голос» и ее заискивающей перед Западом тональностью не единожды скрещивали перья лучшие журналисты России. Изрядно доставалось от них и автору «Этюда по характеристике нашего времени и его героев» Григорию Градовскому, во время русско-турецкой войны подвизавшемуся корреспондентом названной газеты. Скобелев, видимо, раскусив мелкую душонку Градовского, отгородился от назойливого писака стеной недоступности. А уж это «белый генерал» делать умел.

Но злопамятный корреспондент, не имевший возможности открыто охаивать Скобелева при жизни, отплатил ему после смерти «Этюдом». Что представляет собой это творение, можно судить по нескольким высказываниям, взятым из книги, вышедшей в Санкт-Петербурге в 1884 году: «Русское общество в 1876 году под влиянием застоявшейся энергии, под гнетом неудовлетворенности и тоски, ринулось на войну, набросилось на внешние идеалы, думая в освобождении других найти почву для достижения своих стремлений и мечтаний. Что же удивительно, что тому же влечению подпали и отдельные личности подобно Скобелеву...

Сама жажда войны и воинственных треволнений, стяжавшая Скобелеву среди его почитателей прозвище «поэта войны»... это скорее всего признак довольно ограниченного ума или очень узкого развития...

Скобелев не выделялся из общего уровня и даже более и более других обнаруживал пренебрежительное отношение к тур-

кам и легкомысленные взгляды на общие условия и последствия войны...

Ранее произнесенных речей, из которых, впрочем, одна парижская внушена французскими интересами, никаких политических убеждений в Скобелеве и его деятельности не усматривалось...»

В противовес авторам, подобным Градовскому, Скобелевский комитет разработал широкую программу книгоиздания. Солдатская библиотека включала в себя небольшие по объему книжки, правдиво рассказывающие о жизненном пути «белого генерала», его подвигах и заслугах перед Отечеством, а многие издания являлись кладезем воспоминаний современников, чтивших память о Скобелеве. Без сомнения, книги находили душевный отклик в солдатских сердцах.

Однако наибольшее внимание сёстры Михаила Дмитриевича, Скобелевский комитет сосредоточили на помощи калекам. В его Уставе говорилось, что он «имеет целью... открыть повсеместно сбор пожертвований для составления скобелевского капитала... Старший из потомков М. Д. Скобелева всегда состоит почетным членом комитета, а место товарища председательницы сохраняется навсегда за начальником Николаевской Академии Генерального штаба... Все члены совета комитета (6 человек) исполняют свои обязанности безвозмездно...»

Полнейшее бескорыстие, неутомимые труды и открытость Скобелевского комитета, для деятельности которого Академия* предоставила удобные помещения, снискала ему поддержку всей России. Комитет имел свои аптечный и книжные склады, инвалидные дома, столовые, патронажных сестер, готовых в любую минуту откликнуться на призыв о помощи. Скобелевский комитет не упускал из виду и такой важный вопрос, как создание памятника. К 1907 году Россия имела только один монумент, связанный с русско-турецкой войной 1877-78 гг. В Москве, на Ильинской площади, в Лубянском сквере, ровно через десять лет после завершения блокады и падения Плевны, был открыт памятник гренадерам, павшим в боях у этого болгарского города. Архитектору В. О. Шервуду удалось проникнуться пафосом незабываемого события, а постоянно наполненные деньгами две кружки для сбора пожертвований «В пользу увеченных гренадер и их семей», стоявшие на чугунных подставках, стали свидетельством душевной отзывчивости москвичей и гостей столицы.

---

* В 1901 году Николаевская Академия Генерального штаба была переведена на Суворовский проспект из старого здания на Английской набережной.

Но воистину небывалый размах памяти проявил болгарский народ. Братские могилы русских и болгарских воинов были окружены постоянным вниманием, скромные кресты, пирамиды из камня с неприязательными надписями, доски в храмах со словами благодарности освободителям, улицы, названные именами героев, — вот лишь краткий перечень знаков признательности, которые закрепляли неразрывную связь времен. Светлой памяти «белого генерала» было посвящено открытие в 1883 году в городе Виддине гимназии, названной его именем.

Тридцатилетие победы над Турцией дало новый импульс, и перед взорами жителей столицы Болгарии — Софии 30 августа 1907 года предстал величественный памятник «Царь-Освободитель» (скульптор Арнольд Цакки). На первый взгляд, скульптура императора, восседающего на коне, кажется чрезмерно статичной, но такое впечатление исчезает, когда взгляд останавливается на пьедестале. Наиболее яркие эпизоды кровавой войны полны внутреннего напряжения, лики сподвижников государя Александра II отважны и решительны. Среди них «белый генерал» — М. Д. Скобелев — пожалуй, наиболее колоритная фигура. Болгары не забывали «белого витязя на белом коне», а все-народная любовь к нему выразилась в создании в Плевне парка-музея под открытым небом. Время многомесячной боевой страды в нем словно замерло. Вот — нестигаемый майор Горталов, возле редута, у которого пал смертью храбрых, вот дом, где Осман-паша сдал саблю Александру II, невдалеке бюст первого губернатора Плевны.

Увы, в России создание памятника Скобелеву чрезвычайно затянулось. Болгаро-сербская делегация, прибывшая в столицу России по случаю тридцатилетия окончания русско-турецкой войны, изумленно спрашивала устроителей торжества: «А где же у вас памятник Скобелеву?» Ответ нетрудно предугадать. Всеобщее недоумение и ропот должен был смягчить приказ по военному ведомству за № 563 от 2 ноября 1907 года.

«25 июня текущего года исполнилось двадцать пять лет со дня кончины генерал-адъютанта Скобелева.

Имя его неразрывно связано с историей завоевания наших среднеазиатских владений. Большая часть походов и экспедиций... прошли при его участии или под его руководством, — и память о Михаиле Дмитриевиче Скобелеве должна вечно жить в Туркестанском крае, а особенно в Ферганской области... и в городе Новом Маргелане, где он был первым военным губернатором.

Во внимание к изложенному Государь Император в 23-й день октября Высочайше повелел... областной город Ферган-

ской области Новый Маргелан именовать впредь — город Скобелев».

Следом за этим приказом Николаевская Академия Генерального штаба получила высочайшее разрешение на проведение сбора средств на создание памятника Скобелеву. Заметим, что к этому времени Москва располагала уже значительной суммой в несколько десятков тысяч рублей, а начиналось все с мизерных пожертвований. Газета «Русь» постоянно сообщала о поступающих средствах. Так, в день первой годовщины смерти Скобелева на памятник «белому генералу» пожертвовали: «М. Ф. Проскунин — 5 р., А. Г. Поликарпов — 2 р., И. А. Пынеев — 5 р., Н. С. Обрезков — 3 р., Л. М. Назаров — 3 р. Итого 18 р., а с прежними — 710 рублей». При этом редакция покорнейше просила «господ жертвователей избегать присылки пожертвований ценными вещами, продажа коих и затруднительна и большей частью невыгодна». Определилась Московская дума и в месте установки памятника — Тверская площадь возле дома градоначальника.

Петербургская дума еще в апреле 1901 года решила установить памятник Скобелеву на обширной площади, которая должна была образоваться после завершения строительства Троицкого моста. Как известно, на другой стороне Невы, обращенный лицом к Марсову полю, стоит бронзовый Суворов (скульптор — Козловский). По мысли петербургских думцев, памятники обоим русским полководцам, приравненных в значимости для России, должны были олицетворять славу русского оружия, а Нева — символизировать рубежи Отечества, служению которому отдали жизни Суворов и Скобелев.

Итак, вопрос о местах памятников в обеих столицах был решен, была создана компетентная комиссия, а вскоре на ее суд было представлено более двух десятков проектов. Из них заслужили внимание только четыре, а первую премию завоевал доселе не известный широким кругам скульптор, подполковник А. П. Самонов. Конкурс поставил окончательную точку в споре между Москвой и Петербургом. Предпочтение было отдано Первопрестольной, хотя все детали памятника отливались в столице, а затем перевозились в Москву.

К 24 июня 1912 года памятник Скобелеву был смонтирован и при большом скоплении народа торжественно открыт. Ритуал был такой. После провозглашения хором и московским священством вечной памяти рабу Божьему Михаилу Дмитриевичу Скобелеву, великий князь Михаил Александрович, брат государя Николая II, скомандовал парад: «Слушай, на караул!», и памятник, с которого упало покрывало, предстал перед собравшимися во всем своем величии и красоте. Раздался марш кавалер-

гардов, под который «белый генерал» начинал свою службу Отечеству, и войска церемониальным маршем прошествовали мимо статуи всадника, стремительно несущегося вперед. По традиции под песнопение «Тебе Бога хвалим» памятник был освящен, а затем состоялось вручение акта о передаче памятника Московской городской думе.

Городской голова А. И. Гучков, принимая документ, сказал: «Памятник, сооруженный Скобелеву, является символом геройской доблести русской армии, одним из вождей коей был великий Скобелев, плоть от плоти и кровь от крови великого русского воинства, во все времена самоотверженно служившего обожаемому царю и дорогой Родине. Москва, древняя столица России, счастлива, что на ее долю выпало быть хранительницей памятника, этого драгоценного народного достояния».

Тверская площадь была переименована в Скобелевскую.

Скобелевский мемориальный ансамбль, как иногда называли памятник, буквально утопал в ярких цветах и венках, среди которых выделялся один, с лентой на болгарском языке. Надпись гласила: «Ловеч, Плевна, Шейново — незабвенному витязю освободительной войны, славному генералу М. Д. Скобелеву — благодарный болгарский народ». Посланцы Ферганской области из города, носящего имя Скобелева, возложили к подножию монумента венок с надписью на ленте: «Белому генералу, умиротворившему Фергану, обогатившему туземное население, вплетшему жемчужину Востока в корону русского царя».

ЛЕГЕНДА РОССИИ

История, как известно, не терпит сослагательного наклонения. И все же сделаем попытку и призовем на помощь воображение. Представим, что Скобелев (а ведь мы помним, как высоко отзывались светила русской науки о цепком и аналитическом уме нашего героя) волею обстоятельств стал ученым. Можно убежденно сказать, что и в данном случае он не затерялся бы среди массы тружеников в храме Науки, а рядом с его именем непременно звучали бы эпитеты: выдающийся, незаурядный.

Не станем сожалеть о неоправдавшихся надеждах русских знаменитостей — природа наградила Скобелева множеством талантов. Случись так, что он отдал бы свои силы служению музам (а ведь близко знавшим Скобелева иногда казалось, что сам Господь вложил в его душу чудный дар восприятия прекрасного), и тогда бы Искусство в его лице получило или виртуозного музыканта, или поэта, наделенного особым гармоническим ладом.

Судьбе было угодно, чтобы Скобелев стал военным. Своей жизнью он зачеркнул весьма нелестное мнение об общей массе русских офицеров и генералов. Что греха таить, в армейской среде скалозубы не переводились никогда. И вот явился Скобелев. Вникнем в его слова: «Мой символ краток: любовь к Отечеству, наука и славянство». Если первое понятие занимало большую часть помыслов любого из патриотов России и прочно вошло в официальные лозунги, то от слова «наука» веяло необъяснимостью. Между тем смысл его был настолько емким, что Михаилу Дмитриевичу не единожды приходилось растолковывать его.

Тогда как другие слепо копировали далеко не самые лучшие образцы, Скобелеву не требовалось ничего иного, кроме овладения опытом своих учителей. «Белый генерал» учился не меньше, а больше других, и так продолжалось до конца дней его. И даже явное подражание и заимствование, например у Наполеона, обретало у Скобелева свою окраску и русскость. На этом фундаменте Скобелев строил свою жизненную философию и свою военную доктрину.

Она впитала в себя как рыцарство, шедшее от Великого князя Киевского Святослава, бросавшего противнику вызов: «Иду на вы», так и поучения Владимира Мономаха о величии Руси. В этом нравственном кодексе удаль и отвага, жажда подвига, неизменно сопутствовавшие былинным богатырям, занимали особое место.

Народ, который, как известно, на мякине не проведешь, облегченно вздохнул. Провидение даровало России полководца своеобразной русской закваски, наделенного обостренным чувством справедливости и доброты. И не случайно, что черты древних воителей — сокрушителя зла Георгия Победоносца и русского генерала Скобелева слились в народном сознании в единый облик — белого витязя на белом коне. Таким его видели в пламени сражений, таким он взошел на вечный пьедестал.

*Казалось, русская природа
Его из меди отлила
И в руки меч ему дала
Во славу русского народа.*

Творец военной реформы Дмитрий Алексеевич Милютин как-то промолвил: «Обустройство российской армии требует идей и людей». И те и другие рождались в муках времени. Вскоре на горизонте русской военной мысли заблистали дарования М. И. Драгомирова и Г. А. Леера, перечисление трудов которых заняло бы несколько страниц, а для самих сочинений потребовалось с добрый десяток книжных полок. Однако ни Драгомиров, прославившийся при переправе через Дунай, ни Леер, об-

ладавший энциклопедическими знаниями, национальными героями так и не стали.

Лавры победителя Турции при мощной поддержке сиятельной родни достались великому князю Николаю Николаевичу. Но брат Царя-Освободителя, даже став генерал-фельдмаршалом, не мог соперничать со Скобелевым во всенародном признании. Скобелев, на зависть многим, стал национальным героем России и Болгарии уже при жизни.

Фольклор — душа народа, золотой кладезь памяти о былом. И то, с какой быстротой героическое время: русско-турецкая война, Ахал-Текинская экспедиция воплотились в песнях и сказаниях, свидетельствовало — русскому народу бесконечно дороги как незабвенные события, так и их творцы.

Бодро, весело и торжественно вышагивали под «Скобелевский марш» юные защитники Отечества. Взрывали тишину российских большаков лихие, задиристые солдатские и казачьи песни, прославлявшие «белого генерала» и его подвиги. Без устали, не претендуя на признание, трудились доморощенные поэты, воспевая в строках, идущих от сердца, героические дела Скобелева.

*А если бы ты родился снова,
Воинства гений на белом коне,
И взял под свои бы покровы
Победы в грядущей войне,*

*Тогда бы Русь воспламенела
Повсюду и для всех,
Бессмертною победою горела
И верю в блистательный успех.*

(П. Житкевич)

Ах, как хотелось простым людям услышать, что Скобелев не умер, что сообщения о его кончине всего лишь досадная ошибка или досужий вымысел «желтой» прессы. Но... Шло время. Горечь утраты не утихала. И вдруг со скоростью молнии по России прошел слух — жив-живехонек «белый генерал», будто бы объявился он в Болгарии, где собирает войско в защиту братьев-славян. Пошли разговоры, что смерть Скобелева в номерах «Англии» — всего лишь удачная мистификация. Нашлось и ее продолжение. Неожиданно в уездном городке Уржуме, что в Вятской губернии, поселился некий «полковник». Исправник, по каким-то неведомым причинам, запрещал местным величать его по имени-отчеству. Но отставной унтер-офицер Н. Тимшин якобы узнал в полковнике своего бывшего командира Скобелева. Пребывание «полковника» в Уржуме окружала завеса таинственности, и до самой его кончины жители называли его «белым генералом». На его могилке, распо-

ложенной возле кладбищенской часовни, даже в лютую стужу лежали живые цветы.

Можно только сожалеть, что Скобелев не оставил в наследство фундаментальных теоретических исследований, хотя, надо полагать, задумки таковых у него имелись. Отчет о маневрах немецкой армии, сделанный Скобелевым, оказался удачной пробой пера. Многое из того, что не успел сотворить Михаил Дмитриевич, завершили его единомышленники. Так появились в свет, собранные А.Н. Масловым, приказы Скобелева. Автор не претендовал на полноту труда, однако небольшая по объему книжица с необыкновенной скоростью исчезла с прилавков книжных магазинов. И никакой случайности в том не было, ведь в основу приказов была заложена любовь к Отечеству, к солдату, сознание святости воинского долга. Скобелев словно ожил, и голос его зазвучал с особой патриотической силой. Полководец Скобелев говорил с солдатами и офицерами на языке народном, ярком, вдохновенном.

Год 1876-й, Туркестан. Впереди необъятная пустыня, зыбучие пески, безводье. «Я знаю и оцениваю те поистине невероятные трудности, с которыми... придется бороться начальникам казачьих частей, но в исполнении этого святого долга они могут всегда рассчитывать на мой совет и на душевную поддержку. Мне слишком дорога казачья доблесть, чтобы всегда с любовью не относиться ко всем нуждам вверенных мне казачьих частей...»

Андижан, год 1876-й. «Людам Н-ской сотни стыдно вести себя так, как они вели себя до сих пор. Кто может забыть, что лежащего не бьют, что честный солдат должен быть грозен только перед неприятелем на войне, а не стоя на квартирах...»

Коканд, год 1877-й. «Прошу (господ командиров) в особенности хлопотать, чтобы люди в ответах не были деревянными и чтобы задолбленных ответов не было. Пусть лучше (солдат) скажет бессвязно, да свое, да чтобы было видно понимание...

Отъезжая в действующую армию... мне остается желать лишь одно, чтобы в самые трудные минуты боевого испытания я бы сражался с такими же молодецкими, с такими же доблестными войсками, как те, с которыми мне здесь пришлось служить и сражаться... Прошу не поминать меня лихом, и только надежда на близкое столкновение с неприятелем может, хотя отчасти, заглушить глубокую скорбь расставания с ними...»

Болгария, Плевна, 5 октября 1877 года. «Дело, за которое взялся за оружие миролюбивейший из монархов, наш августейший государь, дело правое, на котором лежит благословение Божие. Оно будет славно окончено... Скоро и нам предстоит боевое испытание, прошу всем об этом знать и крепить дух мо-

литвою и размышлением, чего требует от нас долг, присяга и честь имени русского...»

Адрианополь, 10 января 1878 года. «Поздравляю вверенные мне храбрые войска с занятием второй столицы Турции. Вашу выносливостью, терпением, храбростью приобретен этот успех... Порадовали вы государя-императора, порадовали вы нашего августейшего вождя, порадовали всю Россию».

Селение св. Георгия, 22 февраля 1878 года. «Отныне мы стоим здесь в стране дружественной. Отношения наши к побежденному народу должны быть не только законно-правильными, но и великодушными, ибо храброе русское войско искони не умело бить лежачего... Я убежден, что вверенные мне храбрые войска не помрачат своей бессмертной славы».

Приказы Скобелева даже сугубо штатские люди знали наизусть, фразы, заимствованные из них, легли в основу бессчетного числа выпускных работ учащихся кадетских корпусов и слушателей академий. Так был заложен первый камень в осмысление скобелевской «науки побеждать». Как показало время, притягательность ее не уменьшалась, а наоборот, росла год от года. На фоне множества работ и исследований феномена Скобелева труды С. Гершельмана «Нравственный элемент в руках опытного военачальника» и А. Зайончковского «Наступательный бой по опыту действий генерала Скобелева» стали подлинным событием. В них предстал образ отважного воина, наделенного незаурядным полководческим даром. Скобелев обогатил русскую военную мысль не только новыми тактическими приемами в наступательных и оборонительных сражениях, но и принципиально новым пониманием роли психологических факторов в войне. Скобелев возвеличил имя русского солдата, проторил дорогу к его сердцу, заразил своим неиссякаемым оптимизмом сотни последователей, начертал пути, которым должны были следовать вооруженные силы России.

«Насколько я понимаю, — писал Скобелев в одном из своих сочинений, — в русской армии можно опираться или на сердце, или на дисциплину в строгом ее проявлении...» Скобелеву по природе было чуждо надоедливое менторство, и потому он считал «нравственный элемент» необъяснимым понятием. «Трудно дать указание, как подметить, в каком настроении часть в данную минуту. Это, как все на войне, зависит от обстоятельств... Несомненно, раз офицер подметит, что пульс части бьется слабее, он обязан принять меры... Какие средства он подыщет? Это дело каждый молодец решай на свой образец...»

По сути, Скобелев предлагает как можно глубже, не жалея сил и времени, вникать в психологию солдата и воинского кол-

лектива. Понадобилось не один десяток лет, прежде чем взгляды Скобелева сформировались в науку — военную психологию. Изучение «состояния нервов войск» своих и противника стало ее краеугольным камнем.

«Ввиду особой пользы» капитан Генерального штаба А. Зайончковский предложил военному читателю рассмотреть примеры наступательной тактики на опыте действий отрядов под командованием генерала Скобелева. К этому времени (1893 г.) сражения, выигранные русской армией на Балканском и Кавказском театрах военных действий, были детально изучены и каждое из них получило достойную оценку. Но Зайончковский поставил перед собой цель «проследить, каким образом ошибки в последующих сражениях исправлялись на основании опыта предыдущих». Со страниц книги вновь зазвучали известные названия населенных пунктов и фамилии героев, но теперь их деяния рассматривались не только через призму времени, но и с точки зрения военной науки. И здесь читателей ожидал сюрприз. Скобелев, не единожды утверждавший, что на войне главный фактор — обстоятельства, — оказался вовсе не рабом их, а творцом собственной тактики, где воедино слились внешние, эмоциональные эффекты: звучание полковых оркестров, трепет развернутых знамен и до мелочей просчитанные ходы: выбор направления атаки, создание группировки сил, техника передвижения на поле боя и многое другое, что впоследствии стало каноническим в русской армии. Скобелев задолго до того, как в учебники вошло слово «операция», первым произнес его и закрепил это понятие применительно к масштабным боевым действиям. Нет, вовсе не случайно Скобелев упомянул слово «наука». Относительно России оно было более чем уместно. Скобелев мечтал видеть русскую армию могущественной, страну просвещенной, демократической, живущей в ладу с собой и соседями.

Скобелев не вставал в позу пророка, но отчетливо представлял, насколько в России все закоснело, изъедено ржавчиной всех семи смертных пороков, насколько поражена ими власть.

*И вот, — один не раб из всех вверху стоящих,
Один наш Скобелев смел правду вслух сказать
О язвах, издавна жизнь русскую мертвящих!
О том, где корень зла — и в чем лекарств искать.*

Скобелева нельзя мерить общей меркой, он заслонял собой всех и даже в какой-то мере самого императора, но то, что из его высказываний выпало одно из выстраданных Россией понятий — «За царя», вовсе не означает, что его можно безоглядно причислить к разряду отпетых врагов самодержавия. Как русский человек он сознавал, что каждый из его соотечественни-

ков есть не кто иной, как верноподданный царя, и потому видит в государе Богом призванного хранителя России и с рождения считает себя орудием его священного призвания. В негативном отношении Скобелева к самодержавию больше отчаяния, предчувствия трагедийности конца, надежды на спасительный выход из тупика, нежели нигилизма. Русское общество словно топталось на месте, и призыв «К топору!» отзывался не только в душах барских крестьян.

Макиавелли утверждал, что «счастлив тот, кто сообразует свой образ действий со свойствами времени, и столь несчастлив тот, чьи действия со временем в разладе». Применительно к Скобелеву ошибался-таки великий мудрец. Скобелев опережал время во взглядах на войну, политику, на обустройство государства Российского, каждая пружина которого, по его мнению, должна работать на благоденствие народа. Представлять Скобелева непонятым и гонимым, а оттого глубокого несчастным и обделенным судьбой, ошибочно. Действительно, для многих современников, не отличавшихся глубиной мышления, Скобелев был «белой вороной», но лишь потому, что не любил пустословия, он был рожден для дела, созидания и как творческая личность умел видеть далеко. При всей кажущейся непоследовательности высказываний и поступков, поисков союзников, отчетливо просматривается прозорливость «белого генерала», который задолго до трагического февраля 1917 года предопределил расклад сил в русском обществе.

А вот семейное счастье у Михаила Дмитриевича действительно не сложилось. И вовсе не потому, что он был неспособен на высокое чувство. В юношеских записях Скобелева имелось немало цитат, заимствованных у Наполеона. Как известно, гениальный полководец не обошел вниманием и человеческие слабости, к одной из которых он относил любовь. Что же вещал республиканский генерал Наполеон, до того как стал повелителем Европы? «Глупец тот человек, который допускает, чтобы над ним властвовала женщина! Впечатлительность — это дело женщины, мужчина же должен быть тверд в своих чувствах и намерениях, иначе он должен совершенно отказаться от всяких военных и правительственных начинаний».

Казалось бы, неудачная супружеская жизнь, развод, всю вину в котором Скобелев взял на себя*, целиком и полностью

---

* Российская библейская энциклопедия утверждает: «Только одно может дать право на развод — это нарушение супружеской верности и другие особенно важные причины (бездетность, тяжелая болезнь, уход в монашество), предусмотренные законами церковными. Всякий же развод, совершаемый по причинам легкомысленным, есть грех и не может быть дозволен».

подтверждают приведенную мысль: даже в таком сугубо интимном деле, как любовь, Скобелев бездумно следовал советам боготворимого им человека. Но такой вывод глубоко ошибочен.

Супружество было навязано Михаилу Дмитриевичу любящими родителями. Он был единственным продолжателем славного рода и, исповедуя святое пророчество: «Чти отца своего и мать свою и благословенны будут твои дни на земле», не стал перечить Дмитрию Ивановичу и Ольге Николаевне. Подозревали ли они, что тем самым обрекают свое чадо на невероятные душевные муки? Любви желанной, делающей каждый прожитый день, осененный ею, светлым, неповторимым и жертвенным, между супругами не было.

А тут внезапно нагрянуло великое горе — отец и мать при непостижимо трагических и загадочных обстоятельствах сошли в могилу. Как ни храбрился Скобелев, удары судьбы оказались жестокими и непоправимыми. Полководец, купавшийся в славе, окруженный сонмом друзей и почитателей, корреспондентами, с жадностью ловившими каждое его слово, вмиг почувствовал себя одиноким. И ничто иное не могло согреть его истерзанную душу так, как любовь. Он был свободен, богат, не стар годами, знаменит и по-юношески наивен. Генерал-рыцарь в своей избраннице желал видеть не столько спутницу жизни, сколько единомышленницу. Увы, такое удавалось немногим гениям. Отважный боец, герой, наделенный безмерной теплотой души, оказался беспомощным перед натиском потребительского отношения к любви. Идеал рухнул. Скобелев на какое-то неуловимое мгновение потерял нить жизни, и этого оказалось достаточно, чтобы она оборвалась.

Страшился ли Скобелев смерти? Клюкастая безрезультатно охотилась за ним в безбрежных песках Туркестана, в горах Испании, подстерегала при переправе через полноводный и коварный Дунай, готова была принять в свои холодные объятия в роскошных виноградниках на Зеленых горах, выжидала, авось сорвется «белый генерал» с головокружительной высоты, занесенных снегом балканских троп, спасует перед лицом грозного Вессель-паши, ни на шаг не отпускала своего визави в безводной пустыне Каракум в надежде, что наконец удача отвернется от него. Не вышло, не дождалась. Даже по самым скромным подсчетам, Скобелев участвовал в 70 сражениях! А вот умереть довелось «белому генералу» в самой нелепой обстановке. Но даже, казалось, и такой исход был просчитан им.

В письме к И.С. Аксакову, написанном Скобелевым 23 марта 1882 года, имелись весьма примечательные строки: «Я получил несколько вызовов, на которые не отвечал. Очевидно, не-

другам русского народного возрождения очень желательно этим путем от меня избавиться. Оно и дешево, и сердито. Меня вы настолько знаете, что, конечно, уверены в моем спокойном отношении ко всякой случайности. Важно только, если неизбежное случится, извлечь из факта (смерти. — Б. К.) наибольшую пользу для нашего святого дела...»

Человек редкого ума и чистейшего сердца, мерилom деяний которого была человеческая жизнь, словно предвосхищал события и тревожился не столько о своей персоне (ей, мол, и так воздадут должное по чинам и заслугам), сколько о славянском единении. С высоты минувших веков помыслы Скобелева отнюдь не потускнели, а наоборот, высветлили его прозорливость — Европа дважды встряхнула мир губительными войнами, но корнем зла и в Первой и во Второй бойне был пресловутый восточный вопрос, богатства и обширность славянских земель. Скобелев отчетливо представлял врага, знал, что необходимо противопоставить агрессору, и настраивал русский народ на долгую тяжкую борьбу за справедливость. Этой мыслью он жил, с нею и сошел в могилу. Аксаковские строки стали эпилогом к яркой, но до обидного короткой жизни «белого генерала»:

*Тот эгоист холодный и пустой,
Кто жизнь свою не посвятил народу:
Что б он ни говорил про долг любви святой,
Про человечество, свободу.*

Октябрьский переворот 1917 года с жестокостью Молоха прошелся по России. Летели наземь символы российской государственности, втаптывался в грязь и рвался на части стяг былой России. Исподволь шла подготовка к разрушительному удару по тем, кто, возвеличив Отечество, остался запечатленным в граните и бронзе. Акт вандализма готовился с особой тщательностью в недрах Народного комиссариата просвещения, который возглавлял А. В. Луначарский. 12 апреля 1918 года нарком докладывал на заседании Совнаркома свое понимание указаний В. И. Ульянова (Ленина) о сносе «истуканов» — так называл вождь мирового пролетариата памятники, на которые ему после переезда советского правительства в Москву волей-неволей приходилось взирать. В число истуканов наряду с царскими персонами был занесен и Скобелевский ансамбль. Так появился на свет знаменитый декрет «О памятниках Республики».

Читателям представляется возможность проникнуться атмосферой заседания, которое, по сути, обрекало русский народ на отступничество от идеалов, утверждавшихся столетиями. Декрет дается с несущественными сокращениями.

«В ознаменование великого переворота, преобразившего Россию, Совет Народных Комиссаров постановляет:

1) Памятники, воздвигнутые в честь царей и их слуг, не представляющие интереса ни с исторической, ни с художественной стороны, подлежат снятию с площадей и улиц и частью перенесению в склады, частью использованию утилитарного характера.

2) Особой комиссии из народных комиссаров по просвещению и имуществу Республики и заведующего Отделом изобразительных искусств при Комиссариате просвещения поручается по соглашению с художественной коллегией Москвы и Петрограда определить, какие памятники подлежат снятию.

3) Той же комиссии поручается мобилизовать художественные силы и организовать широкий конкурс по выработке проектов памятников, долженствующих ознаменовать великие дни Российской социалистической революции.

4) Совет Народных Комиссаров выражает желание, чтобы в день 1 Мая были уже сняты некоторые наиболее уродливые истуканы и выставлены первые модели новых памятников на суд масс...»*

Подписали документ Ленин, Луначарский и Сталин.

Поражает прагматичность А. В. Луначарского, который по принятии декрета попросил Совнарком выделить на нужды крушителей русской истории сто пятьдесят тысяч рублей. Деньги были выделены незамедлительно. Наиболее кощунственно в приведенном документе звучали слова «снятие» и «перенесение в склады». 1 мая 1918 года после парада и демонстрации на Красной площади по уникальным творениям лучших скульпторов и архитекторов России прошли кувалды «строителей нового мира». Под их ударами на площадь, выложенную брусчаткой, рухнули скульптурные группы русских солдат, с раздирающим душу треском на куски разлетелись чугунные доски с эпизодами победных сражений, а затем слетел с пьедестала и сам «белый генерал». Воля «иванов, не помнящих родства» обрекла Скобелева не только на вторую смерть, но и на многолетнее забвение. «Белый генерал» был объявлен классовым врагом без всякой надежды на упоминание его имени в истории России**.

---

* По этому же декрету спешно переименовывались улицы и площади больших и малых городов России.

** Скобелевская площадь была переименована в Советскую, в 1952 году на ней был установлен памятник основателю Москвы князю Ю. Долгорукому. Имеются сведения, что из металлических частей памятника М. Д. Скобелеву была отлита аллегорическая статуя «Свободы» для монумента «Советская конституция» (авторы Н. А. Андреев, Д. К. Осипов). Просуществовал до 1947 года.

В 1924 году город Скобелев был переименован в Фергану. Наступил год 1929-й. Год, когда направляемые идеологами вандализма Л. Кагановичем, Е. Ярославским (Губельманом) каратели повсеместно предприняли жестокий натиск не только на православную церковь, но и на все то, что связывало россиян с прошлым. С беззастенчивостью мародеров был потревожен вечный сон тысяч великих соотечественников, чьи имена составляли гордость и славу России. Волна погромов докатилась и до Спасского. Церковь и имение были разграблены, могилы Скобелевых осквернены. Второй зудящий приступ «любви к отеческим гробам» пришелся на 1938 год. Специальные команды рыскали по дворянским гнездам в поисках мало-мальских ценностей, под видом экспертов в провинциальных музеях действовали изощренные грабители, с тем чтобы за бесценок сбывать наживу за рубеж. И вновь родовое имение Скобелевых Спасское оказалось в центре внимания. Но мародерам не повезло. Только в руках одного из них остался каблук от хромового сапога «белого генерала». Сам же Михаил Дмитриевич лежал в гробу как живой, без орденов и оружия.

Нельзя сказать, что имя Скобелева было механически вычеркнуто из исторической летописи. Уже первое издание Большой Советской Энциклопедии включило обстоятельную статью о Скобелеве в свой 51-й том, вышедший в 1945 году. В ней содержались весьма лестные оценки о Скобелеве — «выдающемся генерале русской армии», «продолжателе лучших суворовских традиций в русской армии». Приведем некоторые выдержки из статьи: «Как военачальник и полководец С. обладал многими качествами передового военного деятеля. Глубокое и всестороннее знание военного дела он соединял не только с замечательной личной храбростью, но и умением управлять подчиненными ему войсками и вести их за собой на выполнение труднейших боевых задач. Обладая широким военным кругозором, С. умел разбираться в самой сложной тактической и оперативной обстановке и быстро принимать необходимое решение. При этом он не боялся принимать на себя ответственность за свои решения и действия и не пытался перекладывать этой ответственности на других. В то же время, одерживая крупнейшие военные успехи, С. всегда подчеркивал заслуги своих подчиненных — командиров и рядовых — в достижении этих успехов. В обучении подчиненных ему войсковых частей С. следовал суворовским принципам: обучал войска тому, что требуется на войне, с учетом всех новейших достижений в области техники и тактики, воспитывал в солдатах и офицерах выносливость, сметку и инициативу, усиленно тренировал их в меткой

стрельбе и лихом штыковым бое, в совершении быстрых походных движений, в переправах через реки, в ночных действиях, в овладении сильно укрепленными позициями и пр...

Наряду с самым тщательным материальным обеспечением операций (примерами могут служить подготовка перехода через Балканы, обеспечение Ахал-Текинского похода и мн. др.), С. придавал исключительно большое значение моральному элементу на войне. В своих отношениях к подчиненным он соединял высокую требовательность, решительное укрепление дисциплины и порядка с повседневной заботой о солдатах и офицерах; особенно следил С. за качеством и своевременностью питания солдат, за их одеждой, лечебно-санитарными мероприятиями и т.д.

Система воспитания солдат и офицеров, проводившаяся С., основывалась на развитии в них чувства собственного достоинства и патриотического долга. С. не допускал в своих частях телесных наказаний и рукоприкладства. От своих подчиненных он требовал, чтобы они высоко держали знамя России и, если нужно, отдавали свою жизнь за родину. Воспитывая и обучая своих подчиненных, С. всегда старался сам служить им примером, и это еще более увеличивало его популярность в армии».

Второе и третье издания БСЭ также включали соответствующие статьи.

Советская Историческая Энциклопедия (М., 1969. Т. 12) посвятила М.Д. Скобелеву небольшую статью. Прочитируем ее концовку: «Обладал большой личной храбростью (его называли) «белым генералом» за появление под огнем врага верхом на белом коне, в белом кителе и белой фуражке или папахе). Был талантливым военачальником и принадлежал к плеяде передовых в военном деле генералов своего времени».

Однако специальные исследования жизни и деятельности Скобелева стали публиковаться лишь в 90-е годы.

А народ наш всегда помнил «белого генерала».

Словно назло гонителям и хулителям славного имени русского генерала Скобелева, на протяжении многих лет сотни людей бескорыстно занимались поисковой работой, восстанавливали из руин родовое имение Спасское-Заборово. Наконец, в год 900-летия Рязани, на одной из площадей древнего города был установлен бронзовый бюст «белого генерала».

Народная память восторжествовала!

Пройдут годы и столетия, но легенда России — М. Д. Скобелев, как верный сын Отечества, именем своим будет и впредь освещать ее исполинский исторический путь.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ М. Д. СКОБЕЛЕВА

- 1843, 17/30 сентября — в потомственной военной семье, в Санкт-Петербурге родился Михаил Дмитриевич Скобелев.
- 1856—1861 — учеба в Париже в пансионе Дезидерия Жирарде.
- 1861, сентябрь — ноябрь — учеба на математическом факультете Санкт-Петербургского университета.
- 1861, 22 ноября — поступил юнкером в лейб-гвардии Кавалергардский полк.
- 1862, 8 сентября — произведен в портупей-юнкера.
- 1863, 31 марта — произведен в корнеты.
- 1864, февраль — находился в Польше в качестве ординарца генерал-адъютанта Баранова.
- 1864, апрель — боевое крещение.
- 1864, май — за отличие в схватке в Радковицком лесу награжден орденом св. Анны 4-й степени.
- 1864, 30 августа — произведен в поручики.
- 1866, сентябрь — зачислен в Николаевскую академию Генерального штаба.
- 1868, 20 мая — произведен в штаб-ротмистры.
- 1868, ноябрь — завершил учебу в академии и назначен в Туркестан.
- 1869, январь — прибыл в Ташкент.
- 1870, ноябрь — назначен в Кавказскую армию.
- 1871, март — назначен в Красноводский отряд.
- 1872, апрель — прикомандирован к Генеральному штабу.
- 1872, 5 июля — назначен адъютантом в штаб 22-й пехотной дивизии в Новгороде.
- 1872, 30 августа — произведен в подполковники. Переведен в штаб Московского военного округа.
- 1872, сентябрь — назначен командиром батальона в 74-м пехотном Ставропольском полку.
- 1873, январь — прибыл в Закаспийский край и зачислен в отряд полковника Ломакина.
- 1873, май — участвовал в Хивинском походе в качестве офицера Генерального штаба.
- 1873, 28 мая — взятие Хивы.
- 1873, 4 августа — произвел разведку маршрута Красноводского отряда и награжден за успешное выполнение задания орденом св. Георгия 4-й степени.
- 1874, январь-февраль — поездка в Испанию с целью изучения партизанской войны.
- 1874, 22 февраля — произведен в полковники.
- 1875, апрель — июль — участие в Кокандском походе.
- 1875, 18 октября — произведен в генерал-майоры. Награжден орденом св. Владимира 3-й степени, св. Георгия 3-й степени, золотой саблей, золотой шпагой с бриллиантами и надписью «За храбрость».
- 1875, 2 марта — назначен военным губернатором и командующим войсками Ферганской области.
- 1877, март — добивается назначения в Дунайскую армию. Начальник штаба казачьей дивизии.

- 1877, 14 июня — участвовал в форсировании Дуная у Зимницы. Бои за овладение плацдарма у Белы, Сельви.
- 1877, 7 июля — взятие отрядом Скобелева Шипкинского перевала.
- 1877, 18 июля — второй штурм Плевны.
- 1877, 22 июля — проведение боевой разведки у Ловчи.
- 1877, 30 августа — участие в третьем штурме Плевны.
- 1877, 1 сентября — произведен в генерал-лейтенанты, награжден орденом Станислава 1-й степени. Назначен начальником 16-й пехотной дивизии.
- 1877, сентябрь — ноябрь — осада Плевны.
- 1877, 20 ноября — падение Плевны и пленение армии Осман-паши. Назначение Скобелева генерал-губернатором Плевны.
- 1877, 28 декабря — Шипко-Шейновское сражение, награждение Скобелева золотой саблей с надписью «За храбрость».
- 1877, декабрь 1876 — 8 января — преследование турецкой армии, занятие отрядом Скобелева Адрианополя.
- 1878, 19 января — выход отряда Скобелева к Деде-Акау, что в двенадцати километрах от Стамбула. Подписание перемирия с Турцией.
- 1878, 19 февраля (3 марта) — подписание Сан-Стефанского мирного договора.
- 1878, апрель — назначение Скобелева командиром IV корпуса.
- 1878, апрель — ноябрь — подготовка Скобелевым гимнастических обществ в южной Болгарии. Возвращение в Россию.
- 1879, 27 декабря — смерть отца, Дмитрия Ивановича Скобелева.
- 1880, март — назначен начальником войск Закаспия.
- 1880, 6 июля — гибель матери, Ольги Николаевны, в Болгарии.
- 1881, 12 января — штурм и взятие крепости Геок-Тепе.
- 1881, 14 января — произведен в генералы от инфантерии и награжден орденом св. Георгия 2-й степени.
- 1881, апрель — отъезд из Красноводска в Минск.
- 1882, январь-февраль — пребывание в Германии и Франции.
- 1882, 25 июня — смерть в Москве.

- Аксаков И. С.* Собрание сочинений: В 7 т. — М., 1887.
- Военные действия против кокандцев в 1875—1876 гг. — Спб., 1876.
- Гибер фон Грейффенфельс А. Г.* Покорение Ферганы. — Спб., 1901.
- Граф Д. А. Милютин в отзывах его современников. — Спб., 1912.
- Гребнер А. В.* Осады и штурмы среднеазиатских крепостей и населенных пунктов. — Спб., 1897.
- Гродеков Н. И.* Война в Туркмении. Поход Скобелева в 1880—1881 гг. В 4 т. — Спб., 1883.
- Гурко В. И.* Основы внутренней политики императора Александра III. — Спб., 1910.
- Епанчин Н. А.* Война 1877—1888 гг. Действия передового отряда генерал-адъютанта Гурко. — Спб., 1895.
- Зайончковский П. А.* Военные реформы 1860—1870 годов в России. — М., 1952.
- Затворницкий Н. М.* Фельдмаршал великий князь Николай Николаевич старший. — Спб., 1912.
- Иззет Фуад паша.* Упущенные благоприятные случаи. Стратегическо-тактический этюд русско-турецкой кампании 1877—1878 гг. — Спб., 1901.
- Император Александр III.* — Спб., 1894.
- Колокольцев Д. Г.* Воспоминания о К. П. Кауфмане. — М., 1887.
- Конн А. Ф.* На жизненном пути. Т. 3. Ч. 1. — Берлин, 1922.
- Литвинов П. П.* Роль России в исторических судьбах киргизского народа. — Фрунзе, 1985.
- Мак-Гахан Я.* Военные действия на Оксусе и падение Хивы. — М., 1875.
- Милютин Д. А.* Дневник. — М., 1949.
- Мирович В. Г.* Славянофилы и их учение. — М., 1915.
- Михайлов М. А.* Поход в Коканд в 1875 году. — Ташкент, 1884.
- Хомяков А. С., Аксаков К. С. и Аксаков И. С.* Сборник избранных стихотворений. — М., 1910.
- Обзор царствования государя императора Александра II и его реформ. — Спб., 1871.
- Описание русско-турецкой войны. В 9 т. — Спб., 1910.
- Панчулидзе С. А.* Сборник биографий кавалергардов. Т. 4. — Спб., 1901.
- Полянский М. А.* Библиографический указатель литературы, относящийся к биографии М. Д. Скобелева. — Спб., 1904.
- Резниченко Я. Ф. М. И.* Драгомиров. — Чернигов, 1916.
- Русский биографический словарь. — Спб., 1904.
- Русско-турецкая война 1877—1878 гг. — М., 1977.
- Седельников Н. М.* Русско-турецкая кампания 1877—1878 гг. — М., 1879.
- Симанский П. Н.* Падение Плевны. — Спб., 1903.
- Степняк-Кравчинский П. И.* Царь-чурбан, царь-цапля. — Пг., 1921.
- Таль-Ат.* Описание военных действий под Плевной. — Спб., 1885.
- Теория государства у славянофилов. Сборник статей. — Спб., 1898.
- Усенбаев К.* Присоединение Южной Киргизии к России. — Фрунзе, 1954.
- Хасанов А.* Взаимоотношения киргизов с Кокандским ханством и Россией в 50—70-х годах XIX века. — М., 1961.
- Чижов Б. И.* Генерал-адъютант фон Кауфман. — Пг., 1915.
- Шильдер Н. К.* Граф Э. И. Тотлебен, его жизнь и деятельность. В 2 т. — Спб., 1886.

СОДЕРЖАНИЕ

«...НЕ БОЛЕЕ КАК СЫН РУССКОГО СОЛДАТА»	5
ПРИЗВАНИЕ — СЛУЖБА	20
В ТУРКЕСТАНЕ	29
ИЗ-ЗА ЧЕГО НАЧИНАЮТСЯ ВОЙНЫ	47
В ОЖИДАНИИ ВОЙНЫ	64
ПЕРЕПРАВА	69
ХОРОШЕЕ НАЧАЛО — НЕ ВСЕГДА ПОЛОВИНА ДЕЛА	75
ПЕРВАЯ И ВТОРАЯ ПЛЕВНА	78
ЛОВЧА	85
ТРЕТЬЯ ПЛЕВНА	95
БЛОКАДА ПЛЕВНЫ	126
ПАДЕНИЕ ПЛЕВНЫ	137
ШЕЙНОВО	144
НА СТАМБУЛ	158
ИТОГИ ВОЙНЫ	164
ВОЙНА ВЫИГРАНА — КТО ПОБЕДИТЕЛЬ?	173
ПОСЛЕДНЯЯ ЭКСПЕДИЦИЯ	183
ПРЕТЕНДЕНТ НА ПРЕСТОЛ?	190
ЛЕГЕНДА РОССИИ	217
Основные даты жизни и деятельности М. Д. Скобелева.	229
Библиография	231

Костин Б. А.

К72 Скобелев. — М.: Мол. гвардия, 2000. — 232 [8] с.: ил. — (Жизнь замечат. людей; Сер. биогр.; Вып. 775).

ISBN 5-235-02373-0

С именем генерала от инфантерии Михаила Дмитриевича Скобелева, которого в народе называли «белым генералом», связаны многие блестящие победы русского оружия. Ему принадлежит значительная роль в присоединении к России Туркестана. Русско-турецкая война 1877—1878 годов за освобождение Болгарии принесла ему славу полководца, «Суворову равному». Неизмеримы заслуги Скобелева в деле славянского единения, а вся его короткая, но яркая жизнь является убедительным примером беззаветного служения Отечеству.

**УБК 929 + 355.486-533.3(47+57)«18»(092)
ББК 63.3(2)51**

Костин Борис Акимович

СКОБЕЛЕВ

Главный редактор издательства **А. В. Петров**

Редактор **Р. В. Чекрыжова**

Художественный редактор **К. Г. Фадин**

Технические редакторы **Н. А. Тихонова, В. В. Пилкова**

Корректор **Ю. П. Баклакова**

Лицензия ЛР №040224 от 02.06.97 г.

Сдано в набор 16. 06. 99. Подписано в печать 28. 12. 99. Формат 84х108/32. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура «Таймс». Усл. печ. л. 12,6+1,68 вкл. Тираж 5000 экз. Заказ 99674.

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства «Молодая гвардия»: 103030, Москва, Сушевская ул., 21.

Типография АО «Молодая гвардия». Адрес типографии «Молодая гвардия»: 103030, Москва, Сушевская ул., 21.

ISBN 5-235-02373-0